

**IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СЪЕЗД
СЛАВИСТОВ**

**МАТЕРИАЛЫ
ДИСКУССИИ
ФОЛЬКЛОРИСТИКА
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА
КРУГЛЫЕ СТОЛЫ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК УССР

Международный комитет славистов

Советский комитет славистов

**IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СЪЕЗД
СЛАВИСТОВ**

Киев, сентябрь 1983 г.

**МАТЕРИАЛЫ
ДИСКУССИИ
ФОЛЬКЛОРИСТИКА
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА
КРУГЛЫЕ СТОЛЫ**

В книге содержатся материалы дискуссии, состоявшейся на IX международном съезде славистов (Киев, 6—14 сентября 1983 г.). В нее вошли тексты выступлений на секциях «Фольклористика», «Историческая проблематика» и «Круглые столы».

Для фольклористов, историков, искусствоведов.

Редакционная коллегия
материалов IX Международного съезда славистов:

П. Т. Тронько (председатель), *А. Н. Робинсон*, *В. М. Русановский* (зам. председателя), *Г. В. Степанов* (зам. председателя), *М. Р. Судник*, *В. П. Гребенюк* (отв. секретарь), *В. Т. Коломиц*, *Л. Г. Федосеева*, *В. А. Юзленко*

Редакционная коллегия книги:

С. Д. Зубков, *А. С. Мельничук*,
П. С. Сохань, *В. А. Юзленко*

Ответственный секретарь книги

Е. Н. Пащенко

Издано при финансовой поддержке ЮНЕСКО

Редакция языкоznания

д 4604000000-245
М221(04)-87

© Институт искусствоведения, фольклора
и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР, 1987

Секция ФОЛЬКЛОРИСТИКА

1. ФОЛЬКЛОР КИЕВСКОЙ РУСИ И ФОЛЬКЛОР ДРУГИХ НАРОДОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Пленарное заседание 7 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Аникин В. П. (СССР) — Реконструкция фольклора Киевской Руси как научная проблема (типологический аспект) (М., 1983, 42 с.).

Harkins W. (USA) — Эпические и лирические элементы в славянской балладе (Amer. Contribut. Ninth Intern. Congr. Slav. Kiev, September 1983, vol. 2. 198).

Смирнов Ю. И. (СССР) — Реконструкция общеславянского фонда эпического репертуара (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов. Докл.— М., 1983, с. 241—256).

Рејен J. (Yu) — Легенда о краљу Звонимиру (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 470—471).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Гусев В. Е. (СССР). Доклады В. П. Аникина и Ю. И. Смирнова посвящены проблеме реконструкции ранних этапов в истории фольклорных жанров — проблеме, которая приобрела актуальность в современном славяноведении. Обсуждая эту проблему, необходимо прежде всего уяснить, о реконструкции какого этапа в истории фольклора (культуры в целом) идет речь. Необходимо четко разграничить уровни, или слои, реконструируемых форм праславянской культуры: культура т. н. «славянских древностей», или общеславянское культурное наследие; культура той или иной этнической общности (народности). Оба доклада имеют в виду различные уровни реконструируемого фольклора, вместе с тем представляют научный интерес в методологическом отношении.

Доклад Ю. И. Смирнова отличается ясной программностью, предлагаемый им метод определяется как «эволюционный». Представляется более точным говорить о ретроспективном, или генетическом методе. Актуальность доклада и статьи о сравнительном изучении фольклора, примыкающей к нему, состоит в том, что докладчик утверждает значение генетического изучения фольклора в противовес односторонним увлечениям типологическим методом в фольклористике.

Доклад В. П. Аникина успешно продолжает опыты реконструкции былинного эпоса Киевской Руси. Сомнение вызывает лишь указание

на сказочность как на критерий, определяющий более позднюю стадию в развитии эпоса. Сама по себе сказочность чаще указывает на более архаические элементы. Особенно же необходимо ограничить эпос Киевской Руси от более раннего славянского эпоса критерием мифологизма.

Астафьева Л. А. (СССР). Реконструкция фольклорных памятников, установление, какие их звенья наиболее древние,— нерешенный и достаточно сложный вопрос. До сих пор нет удовлетворительных критериев для установления признаков, соотносимых с архаическими и более поздними напластованиями. В. П. Аникин видит это в единстве и целостности текста. Но наши представления о целостности относительны. Они не могут соответствовать тем взглядам, когда складывался и формировался эпос: непонятное для нас было понятным и логичным для древних.

Вызывает возражение использование термина «сказочный» по отношению к эпосу. Былина и сказка, действительно, имеют сходные мотивы (запрет, нарушение, бой с фантастическим противником, налечение вреда посредством колдовства), но их эстетическое содержание отличается. Разные мировоззренческие представления обретают и сходные типы противников. Это приводит к различию в смысле и направленности эпических и сказочных произведений. Исключение составляют сказки, переложенные былинным стихом («Подсолнечное царство»).

Burlasová S. (ČS). Referát W. Harkinsa sa zaoberal epickými a lyrickými elementami v slovanskej balade. Táto problematika bude do veľkej miery obsahom aj môjho referátu, preto chcem teraz zaujať stanovisko iba k citovanej slovenskej literatúre. Prof. J. Horak, dobre známy slavistom, vydal v 30-tych rokoch výber slovenskej ľudovej epickej poézie. V tomto, podľa názvu «epika» širšie poňatom výbere, uverejňuje iba balady, i keď v doslove vyslovil názor, že takzvanú drobnú piesňovú epku treba ešte vnútorne d'alej členiť. V zbierke «Slovenské ľudove balady» z roku 1956 zaujal protikladné stanovisko — pod užším názvom «balady» publikoval širší výber piesní, obsahujúci viaceré lyricko-epické typy. W. Harkinsom citované príklady z tejto zbierky skutočne nie sú baladami. V niektorých prípadoch však bola príčinou výberu niebaladickejho typu snaha uviesť slovenskú redakciu piesne známej u susedných národov ako «balada». To je prípad piesne «Vydala mamka, vydala dcérku», ktorá je variantom východoslovenskej balady o «dočke-ptaške». Na Slovensku má táto pieseň iba krátke epický úvod a d'alej obsahuje fiktívny dej, rozprávaný v 1. osobe (Ich Erzählung). J. Horak si v spomínamej práci postavil vývinované hľadisko ako kritérium triedenia a to mohlo byť dôvadom, že sa mu do zbierky dostala širšia škála typov.

Грица С. И. (СССР). Думается, что проблему атрибутивности баллады невозможно рассматривать вне музыкального текста, характера исполнения, которые являются очень существенными стилистическими компонентами этого жанра. О стилистической разнохарактерности баллад убедительно свидетельствуют парадигмы вариантов каждого отдельного сюжета не только в пределах одной этнической среды,

но в особенности разноэтнических сред. Филологи, к сожалению, не учитывают таких кардинальных слагаемых фольклора, как музыкальное исполнение песен, их функциональная «разнонаправленность», а это основные предпосылки диффузии жанров в песенном фольклоре. Иная мелодическая интерпретация сюжета баллады, иной характер исполнения каждый раз придают ему атрибутивные качества, «передводят» его из жанра в жанр.

Одно замечание по докладу В. П. Аникина. Высказано мнение, что упорядочение сюжетов, версий позволит избежать записи общеизвестных вариантов. Однако любой вариант представляет несомненный интерес, в особенности, если рассматривать фольклор как динамическую систему, постоянно варьируемую на любом уровне сюжета, мелодии, исполнения, поэтической, ритмонациональной структуры.

Далгат У. Б. (СССР). Проф. В. Харкинс в своем докладе высказал ряд интересных соображений, которые вызывают позитивные размышления.

Славянская баллада как феномен фольклора помимо специфических черт имеет и общезакономерные, поэтому в данном случае типологические сравнения весьма целесообразны. Баллада как жанр, на наш взгляд, представляет собой **открытую систему** (в системе фольклорных жанров), более открытую, чем эпос (тем более древний, не исторический, мифологический). Открытость балладного жанра, в частности, выражается и в том, что баллада может трансформироваться в элегию, плач о погибшем герое и т. д., тогда соотношение лирического и эпического будет иное.

Действительно, как говорит проф. Харкинс, баллада стадиально более поздний жанр, что не исключает наличия в ней архаических сюжетов и мотивов, например инцеста, но генетически это не означает, что баллада возникла из эпоса.

Исходя из представлений о балладе как открытой системе, убеждаемся в том, что в балладе релевантны, уместны как эпические сюжетные, так и лирические, эмоциональные начала. Поэтому представляется правомерным существование **понятия лиро-эпическая баллада**. Другое дело, что нельзя понимать это механически и подходить к решению этого вопроса с точки зрения корреляции, соотносимости этих двух начал. И наконец, интересен выдвинутый проф. Харкинсом вопрос о явлении контаминации в балладе как дистинктивном, различительном признаке. Но контаминационные процессы свойственны и эпосу. В этом вопросе о контаминации нужны разыскания на более глубоком уровне (на уровне сюжета, мотива и т. д.).

Путилов Б. Н. (СССР). В докладе Ю. И. Смирнова в первую очередь хотелось бы поддержать соображения относительно задач и путей восстановления общеславянского эпического фонда в его возможно более ранних исторических состояниях. Восстановление сюжетной цепи — один из плодотворных путей эпосоведения. Полагаю, что называть эту восстанавливаемую цепь эволюционной неточно — в процессе развития сюжетики наряду с эволюцией имеют место трансформации, обрывы, перерывы постепенности. В работе над восстановлением цепи сюжетов славянского эпоса очень важно как можно раньше подключ-

чать сравнительный неславянский материал, который подчас только и может указать на наиболее архаичные («первичные») формы сюжета. В качестве примера сошлюсь на новогвинейскую версию сюжетной темы «муж на свадьбе своей жены», которая проясняет мифологические истоки темы. Методика, лежащая в основе исследований такого типа, является применением современного историко-типологического метода фольклористики.

Соловей Л. М. (СССР). В докладе Ю. И. Смирнова импонирует призыв к углубленному изучению фольклорного наследия славян. Это касается прежде всего белорусов, украинцев, русских, поскольку здесь фольклорная традиция еще жива, и многое можно еще уточнить, восполнить, если работать целенаправленно по широкой программе. Экспедиционная работа Ю. И. Смирнова последних лет и наш собственный опыт убеждают, что даже такие архаичные жанры, как заговоры, не говоря уже о балладах, хорошо сохраняются в устной передаче, их можно записать даже в более полном виде, чем это делали наши предшественники. Один пример: баллада о девушке, похищенной татарами, в белорусском фольклоре была известна только в неполных записях; казалось, что она давно забыта, но в последнее время найдены более полные художественно совершенные записи, меняющие в корне наше представление об этом сюжете. Но для выполнения задач, поставленных в докладе Ю. И. Смирнова, необходимы совместные усилия славянских фольклористов, кропотливая собирательская работа и работа по систематизации национальных фондов фольклора, без чего наши выводы не будут казаться убедительными.

Пашенко Е. Н. (СССР). В своем докладе Е. Реджеп касается сложного вопроса, связанного с рядом интердисциплинарных проблем. Одна из них — взаимоотношение устной и письменной традиций в развитии культурных явлений. Автор решает эту проблему на материале средневековой литературы и устнопоэтических источников, убедительно показывает, как происходит взаимообмен между этими двумя самостоятельными системами. Под влиянием народной традиции конструируются определенные историографические представления в средневековых хрониках, но и последние проникают в фольклор. Доклад Е. Реджеп, естественно, не может дать полного ответа на сложное явление взаимосвязи и разграничения двух отмеченных феноменов. Проблема, затронутая докладчицей, нуждается в дальнейших исследованиях. Целесообразно расширить границы исследования, привлечь довольно интересный и малоизученный в этом аспекте материал других эпох, в частности эпохи Ренессанса, а также барочной культуры. Эти периоды еще недостаточно исследованы с точки зрения взаимосвязи письменной и устной литературы, хотя содержат немало возможностей для дальнейших изучений в данном направлении.

Гайдай М. М. (СССР). Вопрос об определении народной славянской баллады как чисто эпического или лиро-эпического жанра важен и принципиален, ибо отражает всю сложность и многогранность жанрообразующих средств и стилевых особенностей. Доклад проф. В. Харкинса как раз и ставит вопрос о соотношении эпического и лирического начал в славянской балладе, не обходя вниманием и такое

важное стиле- и сюжетообразующее средство, как драматические сцены. Коллега В. Харкинс считает, что западные и славянские исследователи столь сильно настаивали на лиро-эпическом характере народных баллад потому, что большинство сюжетов касается любовных и семейных отношений. Семейные отношения, явные или подразумеваемые, докладчик склонен определять как существенный тематический элемент жанра, резко контрастирующий с эпическими песнями. Сам по себе чисто лирические монологи, исповеди, плачи или эмоциональные комментарии рассказчика не особенно часты, как справедливо считает В. Харкинс. Судя по его докладу, он принадлежит, по нашему мнению, к тем исследователям, которые склонны определять жанр баллады как лиро-эпический; правда, свое принципиальное определение жанра он все же не дал. В. Харкинс соотносит баллады по их тематике с жанром лирических песен, в частности, с любовными и с обрядовыми свадебными.

Эту жанрово-тематическую группу песен В. Харкинс представляет как связующее звено, вводящее в лирическую образность и фразеологию баллад. Связь народной баллады с лирическими песнями и обрядовым фольклором бесспорна и доказана. Однако и здесь есть еще немало нерешенных и проблематичных вопросов, требующих совместных усилий фольклористов. Это касается и связи поэтики и стиля жанра баллады с эпическими песнями, что особенно заметно в фольклоре южных славян. Отрадно, что американские коллеги углубляют исследование междужанровых связей и фольклорных традиций.

Cubelić T. (Yu). Prije tri godine obržana je šira konferencija u Kanadi prije dvije godine — jedna konferencija u Sjevernoevropskim zemljama. Na Balkanskom simpoziju u Jugoslaviji bilo je također puno govora o baladi i kada sada svu tu građu sporedim ovdje što čujem i na jednom širijem zapadnoevropskom području, kao i na ovom, vidim veliku nesuglasnost u terminologiji i pojmovima oko balade. Ja ne mislim sada dati prigovora, o tome, u mojoj knjizi možda..., ali hoću da kažem da bi na neki način i zapadnoevropski front, kao i ovaj istočnoevropski front bio obavezan do izvesne mјere da se ta terminologija pojmovno kolikotoliko približi. Ne možemo na jednom znanstvenom naučnom području ma bili nikakvi frontovi, ako smo ozbiljni naučni radnici, ne uvažavati neke minimalni rezultati pojmovnih terminoloških sistema koji se izgrađuju na jednom ogromnom materialu. Uzmite krasne balade portugalske, španjolske, romanske, talijanske pa sve do jugoslovenskih, evropskih — ogromni material koji nudi neka osnovna rešenja, koji su neotklojivji na cijelom baladnom području. Dakle predlažem da se sve te terminološke pojmove približe.

To bi pokazao na jdnome primjeru. Kada govorimo o lirici, epici i dramatici, ili kada govorimo o lirskim i epskim situacijama, onda jedna lirska situacija u drami nije isto što je lirska situacija u lirskoj pjesmi. Jedna lirska situacija u epskoj poeziji, u epskom okviru, u epskom svijetu i u epskom jeziku — nije isto, što lirska situacija u drami ili — u lirskoj pjesmi ... Ovo kategoriziranje lirskog, epskog i dramskog nije proizvono, i ne može se svaka lirska situacija, koja se bilo gdje nađe, okvalificirati «lirski element» u tom i tom obliku. Nema nijednog književnog

oblika — i bez jednog lirskog događaja, i bez jednog, epskog, i bez jednog dramškog... Dakle pledirao bi na ovu općeusvojenu poetičku, gnoseološku i ontološku kvalifikaciju ovih osnovnih kategorija u umjetničkom, književnom, muzičkom stvaralaštву. Htjo bih reći da je upravo ova razlika — jedan od najnovijih rezultata koji su nam pokazali, što je to ono bitno, što je u lirskom, epskom i dramskom...

Na pitanju rekonstrukcije očita je činjenica da je jedna historijska situacija u svojoj punoći nikad ne može se danas ponovo rekonstruirati, doživjeti. Nema tih sredstava kojima bi se i jučerašnji dan može doživjeti i prikazati, kako bi smo mi to želeli. Dakle kad je reč o rekonstrukciji, onda u prvom redu treba reći, o kojim metodama se tu radi, o kojima metodološkim aspektima, kako se osvetljuju činjenice..., a to se onda uvjek vodi na fenomenološki aspekt minuloga, samo na fenomen onoga, što je prošlo, a umjetnička stvarnost... ne može se rekonstruirati u našem praktičnom životu.

Аникин В. П. (СССР). Существует такой период в развитии жанра, когда произведение создается и воспринимается слушателями как живой отклик на свое время. В таком произведении все художественно логично, это цельный текст — его-то и следует реконструировать. Это не предвзятость, а естественный взгляд на суть вещей.

Существуют два типа влияния сказки на эпос: первоначальное (во время сложения жанра) и последующее (позднее). Первое — органичное, второе — внешнее, не касается основы произведения. Вот по этим вопросам я хотел бы возразить своим оппонентам, а в целом я удовлетворен обсуждением и благодарю всех за положительную оценку доклада.

В докладе Ю. Н. Смирнова есть понятие «эволюционная цепь». Взгляд обоснованный, хотя не все звенья этой цепи можно восстановить. По существу, эволюция (изменение фольклора) есть проявление традиционной преемственности. Дело не в слове, термине, а в сути дела.

Говоря о докладе В. Харкинса, следует отметить, что для понимания баллады существен исторический подход: есть классическая «эпическая баллада», поздние баллады отмечены печатью лирического воздействия со стороны лирических песен. В последнем случае баллада действительно лиро-эпична; что же касается поздних произведений XIX в., то они вообще не баллада, а иной жанр, например, романс и пр. Необходима дифференциация.

2. ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ФОЛЬКЛОРА

Утреннее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Афанасиева-Колева А. (НРБ) — Типове и функции на асоциативните връзки в изобразителната система на славянското народно епически творчество (Славянска филология, 1983, т. 18, с. 287—300).

Чистов К. В. (СССР) — Вариативность и поэтика фольклорного текста (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов. Докл.— М., 1983, с. 143—169).

Albert H. (BRD) — Zur Metaphorik in der Volksdichtung der Südslaven (Slavistische Studien.— Köln; Wien, 1983, 22 р.).

Стойкова С. (НРБ) — Общи черти и поетиката на българската и украинската историческа балада (Славянска филология, 1983, т. 18, с. 241—250).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Кулагина А. В. (СССР). Исследование А. Афанасиевой-Колевой является первой попыткой показать систему типов и функций ассоциативных связей в славянском эпическом творчестве. Этой работе предшествовали интересные наблюдения над эпитетом в юнацких песнях болгар и сербов, изучение славянской антитезы (кстати, еще в 1969 г. проф. П. Г. Богатырев на одном из семинарских занятий весьма положительно оценил работу А. Афанасиевой-Колевой по славянской антитезе), исследование параллельной и симметричной организации элементов в юнацких песнях.

Эти и другие исследования изобразительной системы славянского эпического творчества позволили автору доклада выделить два основных структурообразующих принципа: ассоциативность (сопоставление/противопоставление и их параметры: тождество/контраст (антитеза), сходство, контакт, близость) и повторяемость.

Весьма ценным представляется и выделение трех основных типов фигур: одночлена-объекта (эпитета, гиперболы), двучлена (антитезы славянской антитезы, параллелизм) и одночлена-модели, в которой замена члена-объекта совершается посредством ассоциации отношений по сходству, близости, контакту (метафора, метонимия, синекдоха).

Исследование А. Афанасиевой-Колевой — серьезный шаг для дальнейшего глубокого изучения поэтики не только эпоса, но и других жанров фольклора.

Несомненный научный интерес представляет доклад С. Стойковой, углубляющий представления о сюжетно-тематическом сходстве болгарских и украинских исторических баллад. Основные параллели были рассмотрены на общеславянском материале в книге Б. Н. Путилова «Славянская историческая баллада». Коллеге Стойковой удалось

установить, в чем конкретно состоит сходство украинских и болгарских баллад и на каких уровнях оно проявляется.

Спорным представляется предположение о месте происхождения песни «Теща в плену у зятя», широко распространенной у русских. Видимо, решение этого вопроса — дело будущего, когда будет разработана соответствующая методика.

Гусев В. Е. (СССР). Доклад К. В. Чистова посвящен проблеме, давно и успешно разрабатываемой фольклористами всех зарубежных славянских стран и СССР. Основанный на материале русского песенного фольклора, он содержит интересные наблюдения и соображения. Соглашаясь с рядом положений доклада, трудно принять формулу: «Варианты принципиально равноценны». Следует различать аксиологический и гносеологический подходы к вариативности. Варианты могут существенно различаться полнотой, цельностью, идеологическим содержанием, поэтическими и музыкальными достоинствами и в этом смысле иметь разную идеино-эстетическую ценность. В гносеологическом же отношении, как фактическая база исследования, все варианты равнозначны. Положение о том, что фольклорные произведения «варьируют по отношению друг к другу», также неубедительно. Исследование вариативности песенного фольклора желательно проводить на материале не только словесном, но и музыкальном, и при этом учитывать различные концепции фольклористов-музыколов. В докладе не вполне последовательно и отчетливо определяется соотношение таких понятий, как текст и вариант (в одном случае текстом называется «вся совокупность словесных воплощений фольклорного произведения», в другом — это единичный факт устного его исполнения). Следует считаться с тем, что исследователь реально имеет дело не со всей совокупностью «словесных воплощений» в устной традиции, а лишь с ограниченным количеством записей. Плодотворна мысль К. В. Чистова о двух основных плоскостях исследования вариативности. Она позволяет различать варианты и версии фольклорных произведений. Проблема вариативности может быть решена (социологический аспект, диахроническое рассмотрение вариантов одного произведения, комплексный подход при изучении песенных, музыкально-хореографических, игровых и драматических форм). Особый интерес для славистики представляет изучение вариантов при переходе произведения от одного славянского народа к другому и вариантов произведений, составляющих общий фольклорный фонд разных славянских народов.

Лазутин С. Г. (СССР). В наши дни термин «поэтика» понимается по-разному. Я полностью разделяю понимание этого термина К. В. Чистовым: поэтика — многообразные компоненты художественной формы произведений словесного искусства. Принимаю и термин «теоретическая поэтика», отрицая термин «описательная поэтика».

В своей книге «Поэтика русского фольклора», рассматривая поэтику фольклорных жанров на различных уровнях (сюжета, композиции, языка, стиля, ритма и метрики), я пришел к заключению, что все эти уровни, все компоненты формы художественного произведения находятся в органической взаимосвязи. Одна из важнейших задач —

исследование различных компонентов формы в их взаимосвязи, что дает возможность глубже раскрыть жанровую и национальную специфику фольклора.

Считаю очень важным заключение К. В. Чистова, что поэтику фольклорных произведений нужно рассматривать как преимущественно «вариационную поэтику». Это органически связывает «теоретическую поэтику» и «историческую поэтику». В решении вопросов исторической поэтики вариант может выступать как «хронологический момент» (термин А. Н. Веселовского). Варианты могут быть очень неравноценными в историческом и эстетическом планах. Следовательно, бытующая формулировка, что все варианты «принципиально равнозначны», нуждается в уточнении и расчленении.

Simonides D. (P). Referat K. W. Czistowa inspiracji nie tylko w badaniach nad poetyką folkloru ale wskazuje drogę do badań nad charakterem narodowym i regionalnym ustnej literatury; właśnie owa wibracja i wariantowość o której autor mówił, wykazuje najlepiej wiadomość i regionalne cechy.

Wypełnianie pojęć typu «daleko», «długo» i t. p. uzależnione jest nie tylko od talentu narratora ale od jego narodowej czy regionalnej mentalności. I dla tego badania folkloru w ukazanym przez Czistowa aspekcie są tak inspirujące.

Wskazują one zarazem na drugi problem a mianowicie na to, iż wibracja i wariantowość folkloru są gwarancją jego żywotności i popularności.

Пашенко Е. Н. (СССР). Хотелось бы отметить научную перспективность доклада Х. Альберта, посвященную метафорике народной словесности. Автор рассматривает метафоричное в выражении прежде всего как композиционный элемент устной народной словесности. По этой теме в свое время плодотворно работал К.-Г. Поллок. Однако объектом его исследования была лишь южнославянская народная лирика. Х. Альберт значительно расширяет границы исследования, распространив их на богатый для такого изучения материал — южнославянскую эпiku. Думается, что привлечение в данном случае примеров из эпического наследия восточных славян — былин или дум дало бы больше возможности для анализа метафоричного выражения, сферы происхождения этих существенных элементов фольклорной поэтики.

Судя по докладу, автор в изучении данной проблематики намерен руководствоваться критериями, разработанными, в частности, в его монографии, посвященной метафорике в эпических произведениях хорватского писателя Владимира Назора. Кроме того, исходным пунктом для анализа он считает тезис М. Пэрри — А. Лорда о формулообразном характере эпического творчества.

Признавая своеобразие методики исследования метафорического языка поэтического творчества, проведенного Х. Альбертом на примере эпических поэм В. Назора (кстати, насыщенных также фольклорной символикой, о чем говорилось в монографии «В. Назор и фольклоризм в хорватской литературе» (К., 1983)), хотелось бы заметить, что данная методика не должна была ограничиваться только «формаль-

ной» стороной, следует учитывать также и эстетический, и идеиний аспект метафорического выражения. Возможно, при разработке критериев анализа следовало бы принимать во внимание и «антитезу формульной теории», высказанную, в частности, на настоящем съезде.

Иванова Р. (НРБ). Слушах с внимание и интерес докладите на моите колеги от България, а също и на проф. К. В. Чистов. Искам да кажа няколко думи по доклада на проф. К. В. Чистов и да изразя задоволството си от задълбочената теоретическа постановка за поетиката на фолклорния текст от гледна точка на варианността. Особено ми харесва терминологичната точност на доклада, която позволява на проф. К. В. Чистов да даде най-верен израз на защищаваната теза. Имам пред вид например употребата на термин «вибрация», който най-точно определя варианността като форма на съществуване на фолклорния текст.

Искам също така да изразя съгласието си с проф. К. В. Чистов за равноценността на вариантите и несъгласието си с проф. В. Е. Гусев по този въпрос. Смятам, че становището на проф. В. Е. Гусев за неравноценността на вариантите е позиция от гледна точка на съвременника, на изследователя, който не взема под внимание фолклорния текст в неговата връзка с изпълнителя и слушателя.

В доклада си проф. К. В. Чистов разглежда варианността от гледище на жанра. Бих искала до добавя още, че варианността на текста може да бъде по-голяма или по-малка и в зависимост от начина на изпълнение: в зависимост от това, дали една песен се изпълнява индивидуално или групово, дали се изпълнява на седянка или на хоро. Освен това варианността зависи и от степента на сакралността на текста. Вярата в магията на словото прави текста по-устойчив. Затова варианността на обредните песни напр. е послаба от тази на епичните произведения. В този смисъл въпросът за варианността на фолклорния текст може да получи още по-детайлна разработка.

Klagge I. (DDR). Mit der vorgestellten «Orientierungsstudie», wie sie vorsichtig genannt wurde, hat der Verfasser mit der Bearbeitung einer Problematik begonnen, die bereits im derzeitigen Stadium zu interessanten Ergebnissen geführt hat. Er lässt sich denken, daß bei der weiteren Auswertung der vorliegenden Untersuchungsergebnisse noch weitergehende, vor allem inhaltliche Zusammenhänge zu erschließen sind als daß in der vorliegenden Studie schon erfolgt ist.

Anzuerkennen sind die Bemühungen H. Alberts, wie aus seinen Ausführungen herforging, die lebendigen Prozesse im Volksschaffen der Südslaven zu vervolgen und in seinen Untersuchungen fruchtbar zu machen. Problematisch erscheint jedoch die in diesem Zusammenhang geäußerte Auffassung vor einer Zunahme des elitären Elements in der Gegenwartsfolklore ebensowie die daraus abgeleitete Notwendigkeit, terminologische Veränderungen vorzunehmen. Meine eigenen, allerdings unter anderen Bedingungen und am anderen Gegenstand vorgenommenen Beobachtungen, haben zur Feststellung von der Zunahme des individuellen Moments in der Folklore geführt.

Саука Л. (СССР). К. В. Чистов в своем докладе затронул многие очень существенные в теоретическом отношении вопросы, плодотворно

использовал современные достижения лингвистики. Доклад будет способствовать более глубокому изучению фольклорного творчества. Автор неставил перед собой задачи охватить весь комплекс задач, связанных с проблемой вариативности. Поэтому хотелось бы пожелать, чтобы при дальнейшей разработке этой проблемы были бы шире учтены специфические особенности фольклорного творчества.

Во-первых, это относится к связи словесного и музыкального начал в песне. Ведь имеются различные виды связей: в одних случаях доминирует слово, в других — музыка. И когда доминирует напев над словесным текстом, не возникают ли такие явления фольклора, в которых коммуникативная функция языка отступает на задний план, а главенствует экспрессивная, эстетическая? Тогда применение теории актуального членения для объяснения построения текста было бы ненужным.

Во-вторых, при дальнейшей разработке теории вариативности целесообразно шире учесть вариативность и стабильность в различных сложных произведениях. К примеру, песни с рефренами, припевами. При групповом способе исполнения одна группа певцов иногда поет один припев, другая — другой, третья — отрывочные фразы осмысленного текста. Перед нами произведение из нескольких текстов, которое развертывается в пространстве неоднолинейно. Построение и развертывание рефренных текстов определено принципами канонического искусства. К их объяснению теория актуального членения также едва ли применима.

В заключение хотелось добавить, что в докладе (правда, лишь в сноске) высказано очень верное замечание, что «остается неясным или по крайней мере субъективным сам критерий художественного качества вариантов». Мы еще недостаточно изучаем категорию художественной ценности.

Чистов К. В. (СССР). Дискуссия показала важность и актуальность различных сторон этой обширной проблемы. Некоторых из них я касался в других статьях этого же цикла моих работ. Важно, что термин «вариативность» употребляется в различных масштабах и на разных уровнях, им обозначаются далеко не одинаковые явления. В связи с этим предлагается выделить т. н. «вибрацию» текста, т. е. обратимые синонимические замены. Она не противопоставляется существенным изменениям, трансформациям и т. д. Но утверждается, что эти последние происходят на основе постоянной «вибрации» текста в процессе его функционирования. Именно поэтому их механизм и их значение для фольклорной поэтики необходимо теоретически уяснить и изучить вполне эмпирически.

Дневное заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Гайдай М. М. (СССР) — Розвиток стилевих особливостей і мистецтво зображення людини у слов'янській народній баладі (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів: IX Міжнар. з'їзд славістів: Доп.— К., 1983, с. 236—251).

Бояджиева Ст. (НРБ) — Формулы в балладном повествовании (Славянска филология, 1983, т. 18, с. 251—276).

Czajka H. (P) — Kreacja bohatera w rosyjskiej i południowosłowiańskiej epice ludowej (Z polskich studiów słowistycznych: Prace na IX Międzynarodowym kongresie słowistów w Kijowie, 1983.— Warszawa, 1983, s. 265—272).

Шумада Н. С. (СССР) — Історико-функціональна обумовленість художніх структур пісенного фольклору слов'янських народів (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів: IX Міжнар. з'їзд славістів: Доп.— К., 1983, с. 252—269).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Соколова В. К. (СССР). Радует большое количество докладов, посвященных различным аспектам поэтики фольклорных жанров. Среди них значительное место занимают доклады о балладе. Баллада в какой-то мере промежуточный жанр, и ее жанровая специфика не определена еще достаточно четко. Это можно было видеть из содержательного доклада проф. Харкисса. Поэтому очень важно рассмотреть отдельные компоненты баллад. Перспективным представляется доклад М. М. Гайдая о принципах изображения в балладах человека, т. е. основной сущности произведений. Положительно то, что здесь намечен исторический аспект развития жанра и говорилось об определенных связях с письменной литературой. В докладе Ст. Бояджиевой, кажется, впервые в таком широком разрезе рассматривались формулы баллад, их различные функции, композиционная роль. Если так будут рассмотрены особенности баллад на разных уровнях, можно четко определить их жанровую специфику. И, очевидно, тогда баллады следует рассматривать не как единый монолитный жанр, а выделить внутрижанровые группы. Так, Ст. Стойкова, сопоставляя болгарские и украинские баллады, отметила три группы с различной степенью их сходства. Наибольшее сходство наблюдается в балладах, восходящих к обрядовым песням, позднее историзированным. Это наиболее древние в основе произведения, сходство которых объясняется генетически. Но чтобы выяснить этническое происхождение отдельных балладных сюжетов, в частности «теща в плена у зятя», надо привлечь также русский, чешский и другие материалы.

Очень важно рассмотреть поэтические компоненты баллад в их историческом развитии, хронологически приурочить к своей эпохе, насколько это возможно, хотя бы некоторые из них, а также проанализировать связи баллад с другими фольклорными жанрами.

Путилов Б. Н. (СССР). В докладе Г. Чайки привлекает стремление рассмотреть в сравнительном плане типы богатыря и юнака. Необходимо при этом учитывать неоднолинейность историко-типологических соотношений этих типов. В частности, юнацкие песни обнаруживают, в отличие от былин, определенную тенденцию к исторической идентификации героев, хотя говорить об отношении «прототип — герой» здесь не приходится. Проблема богатырства принадлежит мировому

эпосоведению, и типы богатыря и героя должны рассматриваться не-пременно на фоне широкой эпической традиции.

Захарова В. А. (СССР). Доклад Н. С. Шумады — один из немногих, посвященных современному фольклору. Здесь и судьбы традиционных жанров, и художественная структура произведений о советской действительности, главным образом о Великой Отечественной войне. В докладе широко использованы материалы фольклора всех славянских народов, сделаны верные теоретические обобщения. Ценными являются наблюдения над живым бытованием фольклора, сделанные во время полевой работы.

Доклад не исчерпывает проблемы в целом. Трансформация реального лица, реального героя в художественный образ подлежит изучению, но это — дело будущего. Важно, что в теоретическом исследовании, имеющем методологическое значение, учитывается практика, живое бытование фольклора.

Азбелев С. Н. (СССР). Доклад Г. Чайки интересен, направление работы перспективно. Отдельные ее аспекты до сих пор исследованы мало, например, идея богатырской чести в эпосе, хотя эта идея для былин существенна, а в некоторых случаях является определяющей. Таковы былины о богатырских поединках. Традиционное мнение о позднем их появлении аргументировано недостаточно, верно лишь отчасти, к тому же не для всех произведений. В частности, былина о поединке Добрыни с Дунаем, где эта идея особенно ярко выражена, может быть отнесена к временам Киевской Руси.

Следовало бы соблюсти большую осторожность, когда речь идет о возможных литературных влияниях на народный эпос. Летописи на былины не воздействовали. Связь их объясняется тем, что и у былин, и у летописей общие устные источники: повествования о фактах реальной действительности. Другие названные в докладе литературные памятники сами взаимодействовали с фольклором. Они могли быть связаны с былинами не только прямо, но и посредством устной традиции.

Гайдай М. М. (СССР). Доклад С. Бояджиевой поднимает интересную тему, затрагивающую эстетику и поэтику фольклора, фольклорное сознание. Исходя из закономерностей использования формульности на разных уровнях фольклорной системы, С. Бояджиева сделала попытку анализа структуры и механизма нарративных формул. По ее мнению, одни из формул могут быть использованы для усиления идейно-эмоционального воздействия повествования, другие же — что очень важно — для временно-пространственного определения действия. Эти формулы исследуются в основном на болгарском материале, но выводы докладчика имеют важное значение для выявления генезиса некоторых формул в славянских балладах, развития их от мифических и символических образов к чисто стилевым элементам поэтического изложения. Аналогичные формулы в балладах других славянских народов, например у восточных, действительно встречаются в совершенно ином художественно-стилевом значении. Мне кажется, что мысль о зависимости употребления некоторых формул от исполнительской техники и художественного сознания отдельных признанных исполнителей баллад (певцов) заслуживает серьезного внимания. Конечно, «генети-

ческий приоритет» многих формул можно было бы попытаться выявить глубже, используя обширный инославянский сравнительный материал.

Доклад коллеги С. Бояджиевой свидетельствует и об успехах болгарской фольклористики в сравнительном изучении такого жанра, как народная баллада, привлекающего с каждым годом пристальное внимание ученых-славистов у нас и за рубежом. Интересные наблюдения и выводы докладчика, исследование поэтики болгарской баллады способствуют более полному пониманию специфики этого жанра и его отличительных стилевых признаков в каждом славянском фольклоре.

Вечернее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Органчиева Ц. (Yu) — Кон прашањето за композицијата на «историската» епска песна, со особен осврт на јужнословенскиот и рускиот материјал (Резюме докладов и писменых сообщений: IX МСС.—М., 1983, с. 484—485).

Кирдан Б. П. (СССР) — Формула «невозможного» в славянских песнях карпатской зоны (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегаций.—М., 1983, с. 215—223).

Киш М. (H) — Родство и перемещение в поэзии обрядов (Néprajzi tanulmányok.—Debrecen, 1982, s. 515—518).

Винцелер О., Винцелер А. (R) — К вопросу о составлении словаря лексики липованского фольклора (Romanoslavica, 1983, 21, p. 419—428).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Вирановский Г. Н. (СССР). Традиция исследования румынскими учеными (М. Маринеску и др.) фольклора правобережных дунайских липован в работе О. Винцелер и А. Винцелер обещает дать качественно новый результат. Сопоставляя доклад с результатами осуществленных Одесской консерваторией полевых исследований песенного фольклора липован Левобережного Дуная, следует признать свое временной постановке проблемы создания лексического словаря липованского фольклора; поддержать лингвистические аспекты методики, намеченной в докладе; признать справедливость вывода авторов о тенденции к слиянию липованской и некрасовской этнической групп. Это, однако, не дает основания отождествлять липован со всеми русскими переселенцами Нижнего Подунавья; в отличие от словаря собственно липован составление общего словаря для переселенцев из разных русских областей было бы диалектологически неоправданным. Такой суммарный словарь не отвечал бы насущным задачам, а именно: а) дифференцированному изучению фольклора компактных этнических групп (на Левобережье Дуная — липоване, обаяне, некрасовцы; однородность соседних правобережных групп русских переселенцев сомнительна,

что признают и авторы доклада); б) изучению процессов и путей *миграции*, которые фиксируются для некрасовцев и обаян вплоть до мест их первоначального бытования, чего нельзя еще сказать о липованах — отсюда практическая необходимость дифференциации словарей каждой из указанных групп. Дифференцированное изучение песенного фольклора мигрировавших групп, как показывает практика, более эффективно при целостном подходе, предполагающем *дополнительность* двух словарей: лексико-фразеологического для поэзии и интонационно-мелодического для музыки, из коих складывается комплексный *песенный словарь*.

Аникин В. П. (СССР). Поддерживаю идею словаря лексики липованского фольклора, а также вообще изучения русского фольклора в зарубежных странах, как и фольклора аналогичного типа в пределах нашей страны. Традиции такого изучения идут от работ Гумилевича. Необходимо обдумать тип «фольклорного словаря». Какая будет у него структура? Она, в частности, должна включать предметные и тематические (географические) индексы, характеризовать клишированные формулы, разделяя этот материал по жанровому признаку. Необходимо обсудить принципы словарной работы.

Юдкин И. Н. (СССР). Освещенные в докладе Б. П. Кирдана вопросы выходят за рамки филологии и дают основания для далеко идущих выводов. Действительно, вырабатываемые фольклором и фиксируемые в соответствующих поэтических формулах представления о том, что невозможно, абсурдно, на что налагается вето в конкретной жизненной ситуации, являются фрагментами целостной образной системы «перевернутого мира», реконструкция которой была предпринята в знаменитом исследовании М. М. Бахтина творчества Ф. Рабле. В этом отношении уместны также параллели с докладом А. М. Панченко, посвященном скоморошеству, т. е. той среде, где как раз подобные образы целенаправленно культивировались. Особенно ценным представляется замечание автора, что формульность изложения представлений о невозможном связана с диалогичностью повествования, причем явно преобладает контекст споров между героем и героиней народной песни. Тем самым получает подтверждение высказанная еще Я. Мукаржевским мысль о связи формульности и диалогичности в фольклоре, а в качестве предпосылки такой связи выступает способ аргументации персонажами своих высказываний. Именно обращение партнеров диалога к доводам, «от противного» обосновывающим эти высказывания, побуждает их использовать образы «перевернутого мира», имеющие формульный характер. Кроме того, подтверждается и характеристика данных формул А. А. Потебней как метонимий (а не метафор), поскольку загадочность представленных в них несообразностей мотивируется ходом диалога. Почти все формулы — это варианты мотива оживления неживого (расцветание сухого дерева, высевание песка и т. п.), смысл которого принципиально меняется в зависимости от того, идет ли речь об отказе от поцелуя или о последних словах умирающего воина. Хочется отметить, что несколько неожиданную аналогию семантике «формул невозможного» встречаем в музикальном искусстве, где становление сонатной формы опиралось на такую разработку

мелодического материала, которое обозначалось современниками как «контрфигура» и осмысливалось как стилистическая аномалия, подобно рассмотренным фольклорным явлениям.

Винцелер О. (R). В дополнение к докладу укажем, что материалы, которые лягут в основу словаря, собраны лишь в дельте Дуная. Липоване живут не только на территории Румынии, но и в Молдавии, и в ряде других мест. Поэтому желательно, конечно, создать словарь, объединяющий фольклор всех староверческих говоров различных территорий. Это важная задача будущего.

Кабашников К. П. (СССР). Доклад Б. П. Кирдана основан на глубоком анализе большого фактического материала. Привлекает не только систематизация и классификация формул «невозможного», но прежде всего выводы, к которым приходит автор. Через анализ выявленных формул Б. П. Кирдан показывает межэтнические фольклорные связи, подчеркивает национальные особенности поэтики песенного творчества славянских народов. Сопоставление формул в фольклоре этих народов позволило автору показать их семантическую наполненность, а также связь с определенными сюжетами.

В то же время сравнительное изучение формул открывает широкие возможности для выявления межжанровых связей. Например, ряд формул «невозможного» в песенном творчестве восходит, на наш взгляд, к заговорам, к народной прозе. Анализ межжанровых связей может дать дополнительные возможности для определения семантики и генезиса формул, для характеристики особенностей поэтической системы и тех процессов, которые влияют на ее развитие.

Czajka H. (P). Chciałabym serdecznie podziękować wszystkim dyskutantom, a szczególnie kol. J. Smirnowowi, który swoim głosem krytycznym pobudził do tak ożywionej dyskusji. Lecz sprawa polega na niezrozumieniu mojego referatu. Jeśli kol. Smirnow przeczyta go w formie pisemnej, zmieni to z pewnością zdanie. Nieporozumienie dotyczy postaci historycznych i bohaterów epickich noszących te same imiona w epice. Np. książę Władimir różni się zasadniczo, a jego epoka epicka trwa około 500 lat, a więc ja nie identyfikuję postaci historycznych z bohaterami epickimi. Chciałabym bronić również schematu przestrzennego bohaterów epickich:

былинная: дом — дорога — конечная точка (Киев).

Эпика южнославянская: дом — дорога — конечная точка (Konstytynopol, Solun, Ochrid, Wenecja, Buda etc.) — дорога — дом. Mogą zdarzyć się wyjątki, ale wyjątek potwierdza regułę.

Inni dyskutanci potwierdzają wagę postawienia problemu. Może warto by było pracować dalej nad kreacją bohatera; nieśmiało proponuję jako temat do wspólnych badań, może konferencji, a wtedy Bułgarzy opracują kreację swojego junaka, Serbowie i Chorwaci swojego, a Wschodni Słowianie swojego. Wyniki badań mogą być bardzo interesujące.

Шаблиовский В. Е. (СССР). У доповіді румунських колег А. та О. Вінцелер про роботу над складанням словника лексики липованського фольклору в СРР піднімається ряд важливих проблем, серед яких особливо хотілося б наголосити на вивчені динаміки функціонування слов'янської (у даному конкретному випадку — російсь-

кої) усної народної творчості в романському оточенні. Адже відомо, що не весь фольклор липованів зберігся в однаковій мірі повно, про що свідчать роботи румунських фольклористів (Е. Врабіе, В. Нестореску, М. Маріенеску, Т. Олтяну та ін.). Так, ліричні пісні, приказки, весільні обряди збереглися у липованів навіть краще, ніж у тому седовищі, від якого вони відірвалися у XVIII ст., а от історична пісня, наприклад, представлена лише в кількох записах із втраченими або зазнавшими трансформації іменами історичних осіб. Тому нам здається необхідним комплексне дослідження фольклору липованів, яке допоможе не лише розкрити форми побутування фольклорних творів, а й встановити закономірності фольклорного процесу, не обмежуючись при цьому просто констатациєю факту побутування чи втрати тієї чи іншої лексики, того чи іншого твору. Крім того, всебічне вивчення міжетнічних зв'язків у фольклорі може привести до цікавих висновків щодо механізму та причин еволюції, збереження і перспектив в даному випадку липованського фольклору в цілому.

Мушкетик Л. Г. (ССРР). В последние годы усиливается интерес ученых-фольклористов к изучению обрядовой поэзии славян, в частности к современному состоянию обрядового фольклора. Интереснейший аспект такого исследования — взаимоотношение жанров обрядовой и необрядовой поэзии — рассмотрен одним из ведущих специалистов по сербскому фольклору группы фольклора Венгерской академии наук *Марией Киш*. Примечательно, что М. Киш в своем докладе использует не только фольклорный материал Югославии и Болгарии, но также устное народное творчество славянских этнических групп Венгрии, изучением фольклора которых она занимается на протяжении ряда лет.

Исследовательница не ограничивается простой констатацией факта взаимодействия жанров, а рассматривает эту проблему исторические. Однако М. Киш не указывает причины взаимоперехода произведений одного жанра в другой в разных национальных версиях, как, например, в болгарских и сербских песнях: болгарские (лазарские) песни весеннего цикла становятся обрядовыми, а обрядовые песни дня Дердя у сербов переходят в лирические, в то время как жанры в целом претерпевают сходные исторические изменения.

Исследовательница приводит также интересные примеры актуализации обрядовых песен.

Нам представляется, что венгерские фольклористы активно занимаются славянским фольклором и этнографией. Разработан ряд интересных проблем, особенно по фольклору лимитрофных областей. Это исследования Грина Игоря, Эрне Эперйеши, Золтана Уйвари и других.

Утреннее заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Путилов Б. Н. (ССРР) — Эпический мир и эпический язык (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 170—183).

Stoltz B. (USA) — On the poetics of the «Bugarsćica» (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 489).

Гацак В. М. (СССР) — Основы устной эпической поэтики славян: (Антитеза «формульной» теории) (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 184—196).

Юзенко В. А. (СССР) — Динаміка поетичних форм слов'янської фантастичної казки (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів: IX Міжнар. з'їзд славістів: Доп.— К., 1983, с. 224—235).

Tatralzs (Н) — Эрос в календарных обрядах.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Аникин В. П. (СССР). Доклад Б. Н. Путилова интересен частностями, но принципиальная установка на изучение самодовлеющего «эпического мира» представляется глубоко ошибочной, так как отделяет эпос от исторической почвы. Есть внутреннее противоречие между тематической (номенклатурной) характеристикой этого мира и общим концептуальным соображением о том, что этот мир генетически не восходит к реальному, историческому, не отражает его. Конечно, существует художественная условность и условные формы поэтического воплощения исторического реального жизненного содержания, но самостоятельность их относительная, а не абсолютная. Идея «эпического мира» в трактовке автора перекликается с идеями семиотической теории в языкоznании, где она уместна в ряде опорных пунктов, но в фольклористике не верна, так как игнорирует образно-художественную суть народного искусства. Тенденция доклада препятствует давней научной традиции — исторически-конкретно изучать фольклор.

Плисецкий М. М. (СССР). Мне представляется, что наблюдения над эпосом, представленные в докладе Б. Н. Путилова, имеют немалое значение, но они относятся главным образом к эпосу архаическому, его старейшим слоям. Попытка приспособить его принципы к позднейшим этапам развития, в частности в условиях сложения государственности, к успеху не приведет. У теории, отрицающей отражение в эпосе исторической действительности и исторических событий в условиях исторической эпохи, нет исторической динамики. Существует эпический мир, единый по своему характеру, для всех эпох, начиная с самых ранних периодов первобытного общества и кончая поздними периодами феодализма. Наступила уже *историческая* эпоха, которая радикально изменила исторические условия жизни масс, творца фольклора, их мировоззрение. Они должны были реагировать на впервые устанавливавшийся классовый гнет со стороны боярско-княжеской верхушки, вызывающий протест и соответствующие настроения. Все это самым естественным образом отражалось в народном эпосе.

Приходят на Русь кочевники, другие агрессоры, складывается понятие родины, впервые возникает и входит в сознание масс патриотизм (вспомним хотя бы его отражение у Илариона Киевского). Так как же у масо не должно было возникнуть желания рассказать о героике своей

борьбы, исторических событиях, в которых принимали участие, о героях ее, которым пели песни славы (а ведь концовки былин ясно указывают на то, что они возникали как песни славы)? Почему массы не могли в эпосе реагировать на события своей эпохи? Только потому, что этому препятствовали законы эпического мира, сложившиеся в предшествующую эпоху? Не ясно ли, что эта теория абсолютизирует принципы жанра на основе одного этапа его развития. Разве о таком эпическом мире идет речь в былинах, в которых я нашел не менее 70 географических наименований, охватывающих целый ряд стран, в то время как в архаическом эпосе мир состоит из верхнего, среднего и нижнего мира, люди живут в среднем мире, причем не названы какие-либо географические координаты.

В истории героического эпоса можно выделить четыре стадиальных типа:

1. Архаический эпос, опирающийся на мифологические представления первобытнообщинной среды;
2. Героический эпос, возникающий в условиях последнего этапа первобытнообщинного строя, военной демократии, союзов племен;
3. Эпос сложившегося классового общества (рабовладельческого или раннего феодализма);
4. Поздний эпос феодального общества, жанр укрепления думы.

Для таких эпосов критикуемая в нашем выступлении теория вообще не находит места и готова отнести их к историческим песням.

Эти четыре типа, соответствующие четырем историческим стадиям, не отделены друг от друга каменной стеной. Многое эпосы, получив то или иное развитие на одной из стадий, могут достичь расцвета на последующей стадии. К таким эпосам относятся русские былины, эпос южных славян, нартский эпос, «Манас» и др.

В настоящее время изучением историзма былевого эпоса занимаются Б. Н. Рыбаков, Д. С. Лихачев, В. П. Аникин, Р. С. Липец, С. Н. Азбелев, С. Г. Лазутин, М. М. Плисецкий. Многое принципиально отличает нас от В. С. Миллера и его учеников, хотя все мы занимаемся изучением исторической основы былин.

Приверженцы исторического подхода к героическому эпосу имеются и среди исследователей многих национальных эпосов.

Horalek K. (ČS). По мнению коллеги В. М. Гацака, нет ясной границы между поэтической (нам хотелось бы говорить только о формульной традиции) грамматикой песенной эпики и прозаических (сказочных) произведений. На наш взгляд, довольно часто формулы в стихотворно-музыкальном фольклоре теснее связаны с общей художественной обработкой произведения, чем в прозаическом фольклоре. И само понятие «текст» в прозаической традиции отличается содержанием от этого же понятия в стихотворных и стихотворно-музыкальных произведениях.

В балладах совсем иная функция принадлежит рефренным формулам. Но и функция рефrena не всегда та же самая.

Стойкова С. (НРБ). Във връзка с доклада на проф. Б. Щолс искам до съобщя два факта:

1. През 30-те години проф. Л. Милетич, известен български езиковед, публикува съобщение за една песен от Северна България «Дети Марко и Рада» с твърде особен строеж. Тя има дълъг стих-до 16 срички с цезура след осмата сричка. На места между дългите стихове се появяват кратки, осмосрични. Те обикновено са апозиция към дългия стих или логично продължение на съдържащата се в него мисъл.

2. През 60-те години при теренни проучвания се натъкнахме на десетосрични песни (4 + 6) от Кралимарковския цикъл-в Средна Северна България. Интересното в тях е краткият стих, обикновено шестосричен, който се появява на отделни места по подобие на обнародованата от Милетич песен и на краткия стих на бугарциите. Тези песни се изпълняват от старото поколение мъже и жени като експресивен речитатив без акомпанимент. Едно поколение преди това те са се изпълнявали от певци-мъже в съпровод на цигулка.

Както песента, публикувана от Милетич, така и откритите по-късно десетосрични песни, примесени с кратки шестосрични, биха могли да се разглеждат като съответствия на далматинските бугарци или реликти от тях в периферията на епическата област.

Грица С. И. (СССР). В связи с возникшей дискуссией вокруг доклада Б. Н. Путилова «Эпический мир и эпический язык» следует особо подчеркнуть, что освещение этой проблемы имеет не прикладной, а философский характер, требующий абстрагирования от исторических конкретного. Последнее обстоятельство вовсе не означает отрицания автором историзма эпоса. Как известно, целый ряд работ этого же ученого специально посвящен проблемам историзма былин, исторических песен и пр.

Эпический мир, эпический язык, как справедливо подчеркивает в своем докладе Б. Н. Путилов, имея ряд инвариантных типологических элементов, характерных для эпоса вообще, всегда указывает на его этническую принадлежность, на его отношение к определенной стадии исторического развития этноса, делает его национально определенным. Уже это положение свидетельствует о конкретно-исторической трактовке эпического творчества.

Я позволила бы себе выразить лишь некоторое несогласие с выводом доклада, что «сюжетно-тематическая и сюжетная вариативность не есть просто проявление устной природы эпоса... это принципиально органическое качество эпического языка». О варьировании в любом роде творчества вне языка не может быть и речи. Все же стимулом этой вариативности является в первую очередь устность бытовая, реализованная в исполнительском акте. Устность связана с фундаментальным понятием «фольклорная память и фольклорное исполнительство». Ведь зафиксированный текст фольклорного произведения канонизируется, прекращает свое варьирование. Следовательно, устность и есть важнейший фактор его вариативной изменяемости.

Магистральной проблеме вариативности посвящен содержательный доклад В. М. Гацака. Отрадно, что исследователь обращает внимание не только на словесный текст, но и на мелодию в эпосе. На мой взгляд, именно на стыках слова и музыки, находящихся в единстве и оппозиции одновременно, складывается сложная, разновекторная

картина их вариативных отношений. Изменяющееся музыкальное обрамление поэтического текста эпоса, связанное преимущественно с его пространственной миграцией, перенесением из одной среды в другую, часто является причиной его варьирований на уровне жанра (или, как мы определяем, «жанровых мутаций»). Если взять, к примеру, популярную думу «Бедная вдова и три сына», о которой упоминает в докладе В. М. Гацак, то можно заключить, что коль скоро она перестает распеваться в кобзарско-лирницеской среде, которая охраняла ее первозданную модель, произведение превращается в обыкновенную строфическую песню с редуцированным текстом и множеством различных мелодий (в зависимости от географической среды бытования образца), в нем опускаются все эпические подробности, повторы и пр.

О жанровых мутациях песенных произведений в связи с их пространственной миграцией, изменением формы их исполнения и мелодии особенно наглядно свидетельствуют баллады.

Брицына А. Ю. (СССР). Среди вопросов, обсуждавшихся на заседаниях секций, значительное место заняла проблема специфики устной поэтики фольклорного текста. Различным ее аспектам посвящены, в частности, доклады К. В. Чистова и В. М. Гацака. Интерес к данной проблеме представляется симптоматичным. Современной советской фольклористикой накоплен большой эмпирический материал, нуждающийся в осмыслиении, сделано большое количество наблюдений теоретического плана. Исследователями рассматриваются основы традиционной поэтики отдельных жанров и фольклора в целом, характер стабильности и вариативности в фольклоре, роль носителя в процессе воспроизведения фольклорного текста, взаимодействие традиционного и индивидуального начал и др. Для углубленного осмыслиения этих важных и сложных проблем современной фольклористики целесообразно обратиться к экспериментальным исследованиям, разработать методики осуществления повторных записей. Последующее изучение полученных данных даст возможность выявить механизмы устного воспроизведения фольклорного текста и характер воплощения традиционных поэтических стереотипов в процессе устного функционирования. Необходимость развертывания исследований такого рода подчеркивалась ведущими советскими фольклористами, работы в этом направлении уже ведутся. Расширение круга жанров, охваченных исследованиями такого характера, несомненно будет способствовать решению многих спорных вопросов современной фольклористики.

Шаблиовский В. Е. (СССР). Доклад В. А. Юзленко отличается не только глубиной, но и конкретностью. Это не априорный призыв к обобщениям на широком материале славянской народной сказки, а конкретный пример реализации этой назревшей необходимости. Того, кто ведет такую работу, всегда можно упрекнуть в неполноте охвата фактического материала, поскольку акцент на общее неизбежно ослабляет в какой-то степени характеристику конкретно-национального (так как анализ не охватывает многие национально-специфические детали и различия, идет по линии отвлечения от них). Но ведь никакие законы не воплощают в себе всего богатства явлений жизни, и

задача перед исследователями народных сказок стоит не в эмпирическом описании фактов, а в раскрытии их внутреннего смысла, ведущего к установлению общих тенденций. Поэтому постановка проблемы в докладе В. А. Юзвенко именно в таком ключе представляется чрезвычайно актуальной и плодотворной.

Особо хотелось бы подчеркнуть мысль, что «все более необходимым становится изучение сказки как исторически обусловленного идеально-художественного единства, основой которого является идея сказки, сформулированная мировоззрением трудящихся масс определенной исторической эпохи». При этом сущность народного мировоззрения автор справедливо связывает с вопросом о сущности идеалов и стремлений народа. А это, в свою очередь, требует более глубокого специального изучения этических, эстетических, социальных, политических идеалов народной сказки в динамике их формирования и развития. Такой подход дает возможность вскрыть сущность процессов, происходящих внутри этого жанра, а не ограничиваться описанием бесконечного разнообразия внешних форм.

В сходные исторические периоды формируются сходные художественные структуры народных сказок. Переход от одних структур к другим — это историческая динамика поэтики жанра. В докладе В. А. Юзвенко раскрыта эволюция в изображении героя, последовательность перехода от одних жанровых и стилевых доминант к другим. Прослеживая это вместе с автором на материале славянских волшебных сказок, в их опыте видим выражение общих закономерностей сказочного эпоса народов мира. При этом некоторые из процессов, протекавших на ранних этапах развития народной сказки, имеют не только историко-фольклористическое значение, они проливают свет и на ряд актуальных, подчас спорных проблем современного развития фольклора.

Юдкин И. Н. (СССР). В докладе В. М. Гацака показана недостаточность истолкования формул художественного языка фольклора лишь как пассивных носителей однозначно определенного содержания, служащих мозаичным материалом для построения связного текста. Наоборот, в трактовке автора они предстают как загадки, озадачивающие тех, кому адресован эпос, т. е. как формулировки проблем, подлежащих решению, а не как готовые ответы на стереотипные вопросы. Продуктивность этой трактовки сказывается в том, что определение фольклорной топики как «тропы подробностей» вполне отвечает такой особенности импровизационного творческого процесса, как «приоритет памяти на текст перед памятью на композицию». Действительно, если профессиональный поэт или композитор, работающий в русле новоевропейских традиций, руководствуется в своем творчестве отвлеченными стилистическими нормативами, то фольклорный импровизатор ориентируется на наглядные образцы, обретающие для него значение канона. В таком случае гипотезу М. Пэрри — А. Лорда можно рассматривать как попытку механического переноса особенностей профессионального творчества, определяемого исполнением или преднамеренным нарушением абстрактной нормы, на импровизационное варьирование канона в фольклоре. Фиксируя поэтические детали,

фольклорные формулы несут многозначную смысловую нагрузку, требующую развертывания контекста для адекватного понимания, а потому ни в коем случае не являются законченными «кирпичиками» для «складывания» связного повествования. Они служат импровизатору вехами для поиска решений проблем, выдвигаемых в творческом процессе, отнюдь не заменяя собой эти решения. Особенно показателен тот факт, что ритмика стиха оказывается своеобразной оболочкой фольклорной топики, неотделимой от ее смыслового наполнения и разрушающейся при утрате ключа к построению связного текста. Он свидетельствует, что формулы, при всей их стабильности и видимой автономии, могут выполнять свою роль лишь в конкретном контексте. Эти положения автора хорошо вписываются в такое новейшее направление гуманitarной мысли, как лингвистика текста, что и определяет их несомненную ценность.

Азбелев С. Н. (ССР). В основе доклада Б. Н. Путилова существенное противоречие: тезис докладчика о принципиальной несоотносимости эпического мира с миром реальным противостоит его же оговоркам о воздействии мира реального на мир эпический. Неоправданная абсолютизация докладчиком категории эпического мира, гиперболизация его значения для эпических произведений обязаны представлениям Б. Н. Путилова о независимости эпической «истории» от подлинной истории народа, о независимости эпических «событий» от подлинных исторических событий, представлениям, которые явно противостоят реальному эпическому материалу.

Вопреки мнению докладчика, эпический мир, как и сам эпос, формируется в процессе эпической трансформации народных представлений о действительно больших исторических событиях, о реальных явлениях народной жизни. Докладчик игнорирует достижения предшественников, например, важные выводы А. Веселовского относительно процесса эпической поэтизации эпических событий — выводы, полученные в свое время на широком международном материале и подтвержденные недавними конкретными исследованиями. Эпическая типизация истории на основе поэтизации сходных событий и явлений исторической действительности с достаточной очевидностью показана в серьезных исследованиях, результаты которых докладчиком не принимаются во внимание.

Доклад В. М. Гацака отвечает давно назревшей в нашей фольклористике потребности. Он основывается на прочных результатах исследования техники сказительского искусства. Типы эпических певцов были выявлены и изучены в процессе собирательской работы — на материалах былин А. М. Астаховой, на материалах дум Б. П. Кирданом. Выводы их близки; есть и другие основательные исследования. Ни один из охарактеризованных ими типов сказителя не совпадает полностью с типом, конструированным формульной теорией. Критика ее докладчиком, основанная на его собственных полевых наблюдениях, актуальна и конструктивна.

Афанасиева-Колева А. (НРБ). 1. По поводу «миража формулы» я во многом согласна с коллегой Гацаком. Абсолютно верно, что мы, фольклористы, увлеклись поисками в области формул и формулообра-

зования фольклорного текста, но мне думается, что тут, пожалуй, нужно корректировать, а не «с водата до изхвърлим и детето от коритто». Нужно определить, что такое формула и как она возникает и организуется на всех уровнях — от метрического и метрико-синтаксического до мифологическо-идеологического. Наш съезд показал, что в этом отношении у нас большой разнобой. Да как ему и не быть? Подвергнутая В. М. Гацаком критике формульная теория Лорда только одна из многих известных нам еще с прошлого века. Думается, что поскольку одна научная постановка живет и периодически восстанавливается более полутораста лет, то в ней есть рациональное зерно, требующее нашего внимания.

Кроме того, существование «парадигмы» песни или любого определенного фольклорного текста, на которую Виктор Михайлович обратил наше внимание, не отрицает, не исключает, как об этом упоминает и автор, существование ассоциаций, которые реализуются в последнем счете в более или менее устойчивые сегменты текста или определенную их организацию. Мне кажется, что коль мы говорим о парадигматике песни, то необходимо учитывать и ее синтагматику, рассматривая их как различные уровни.

2. Интересный доклад Б. Н. Путилова навел на мысль, что наступила необходимость составить, так сказать, *свод* (в данный момент не могу выбрать более удачный термин) эпических универсалий, конституирующих эпический мир, а также определить закономерности и модели его отражения в эпическом языке. Таким образом, мы получим инструментарий, который поможет нам выявить в наших сравнительных исследованиях этническую, т. е. национальную, и даже национально-региональную специфику в различных славянских эпических традициях.

Далгат У. Б. (СССР). Некоторые соображения по поводу детерминации понятий, сформулированных в докладе Б. Н. Путилова и высказанных в тезисах. Во-первых: «Эпический мир», как организованный мир, противопоставляется «эмпирическому миру». Сначала встает вопрос, что такое «эмпирический мир» — действительность (о которой писал Пропп и др.)? Теперь о категории «организованный» в применении к «эпическому миру» и «неорганизованный», соотносимый с «эмпирическим» миром, т. е. действительностью. Понятие неорганизованности в применении к действительности (с исторических позиций) достаточно абстрактно. Для «эпического мира» само понятие организованности весьма относительно. «Организованность» эпоса не константное понятие в синхронном и диахронном аспектах, оно зависит от многих объективных и субъективных факторов, в частности, от стадиальности эпических жанров, их состояния в смысле типологии, сохранения традиционных идеально-эстетических форм либо их деформации и т. д. Это понятие в определении Б. Н. Путилова чисто умозрительное. Кроме того, «организованность» эпического мира может нарушаться иррациональными, отнюдь не организованными факторами, что тоже типично для эпоса и всей фольклорной системы в целом (А. Н. Веселовский, Я. Мукаржовский и др.). Весьма абстрактно и понятие о «социуме», тем более с точки зрения общественно-социологических

критериев. «Социум», вероятно, понимается Б. Н. Путиловым как сумма социальных факторов? Но для фольклора это не только континуум, но и дискретное прерывающееся понятие. Дискуссионно и определение о «трансформации эпоса в истории». Правильнее бы говорить о художественном преломлении истории в эпосе (на различных его стадиях), когда действуют различные законы (кстати сформулированные у Розьера и др.), например, законы ассиляции (одно и то же о Грозном, Петре и т. д.). Второй тезис докладчика — эпический язык должен изучаться с позиций «структурно-типологических». Структурно-типологический анализ, начиная от пропозиций у Хомского, постхомской текстовой теории и понятий о «правилах» в структуре текста-макроструктурах, «систематизированных наборах», микроструктурах разного рода и т. д., — все это научно обосновано и правомерно. Однако на уровне современной науки исключительная ориентация на текстовую теорию (текст) уводит от контекста (исторического контекста) в смысле изучения и интерпретации эпоса в широкой связи с общественными явлениями, сознанием и самосознанием народа, его художественной культурой в целом, функциональной значимостью эпоса, которая продолжается в культурном наследии народа по сей день.

Харитонова В. (СССР). Изучением «эпической памяти» в настоящее время фольклористы занимаются довольно активно, равно как и вопросами воспроизведения текста исполнителями. Однако при исследовании названных проблем, как мне кажется, часто несколько упрощается процесс бытования фольклорных произведений, специфика их воспроизведения. Например, берется для анализа некий «усредненный» исполнитель, а для записи материала — лучшие певцы. Но дело в том, что хранители фольклорной традиции различаются по особенностям их памяти, характеру воспроизведения текстов (психологический аспект) и т. д.

Представляется, что при изучении проблем, связанных с воспроизведением текстов или с хранением их в памяти, не следует забывать о *психологии творчества*, а именно о том, что фольклорист всякий раз имеет дело с информантом, относящимся по своим творческим способностям к определенной категории исполнителей, от чего зависит и усвоение текста и его воспроизведение, воссоздание.

О типах или категориях исполнителей говорилось и писалось довольно много. Как правило, исследователи выделяли три или четыре типа. Очень показательно в этом отношении изучение притчаний. Оно позволяет четко разделить исполнителей на четыре категории. И это не просто типы воплениц, а, судя по всему, именно *категории исполнителей*, которые выделяются по психологическим особенностям и творческим способностям информаторов.

Если учитывать данный аспект, то механизм «эпической памяти», равно как и варьирование текста при воспроизведении, предстанет в несколько ином виде, картина будет значительно усложнена.

Gašparíková V. (ČS). V. Juzvenko vo svojom referáte hovorila o dynamike poetických foriem slovanskej fantastickej rozprávky. Čo sa týka tejto dynamiky, nemôžno inak ako s ňou súhlasiať a vďaka jej

bádaniu, posúvajú sa problémy, ktoré sa dotýkajú rozprávky u slovanov, značne dopredu.

Referát V. Juzvenko ma inšpiroval k tomuto vystúpeniu, v ktorom by som sa chcela dotknúť terminologickej otázky, resp. niektoré otázky upresniť a doplniť. Predovšetkým termín fantastická rozprávka — fantastičná kazka. U nás na Slovensku sa odnedávna taktiež užíval tento termín, podobne ako v ukrajinskom jazyku. Avšak fantastika je sprievodným znakom aj iných rozprávkových žánrov, napr. objavuje sa tak v rozprávke o zvieratách, ako aj v novelistickej rozprávke ap. Lepší termín je u iných národov, napr. u Čechov kouzelná pohadka, u Rusov voľšebnaja skazka, u Poliakov bajka magiczna, u Nemcov Zauber Märchen. Preto sme aj my na Slovensku v posledných rokach siahli k termínu čarowná rozprávka, ktorý odpovedá ukrajinskemu termínu «čarivna kazka».

Druhá otázka sa týka termínu slovanská rozprávká — slovanská kazka, a podobne sa ty hovorilo vo referátoch o slovanskej balade, slovanskej svadbe ap. Tento termín sa prevzal zo starších období, a preto je potrebné siahnuť k presnému označeniu rozprávka u Slovanov alebo rozprávka slovanských národov» — «kazka u Slov'jan», «kazka slov'jan-skich narodiv». Nad týmto pomenovaním sme museli uvažovať pri príprave knihy rozprávok západných Slovanov, ktorá vyšla pred niekoľkými rokmi v spolupráci socialistických krajín v siedmych jazykových verzích (posledná po-ukrajinsky) pod názvom Spievajúca lípka v Budyšíne. Taktiež sme sa zamýšľali nad týmto termínom pri príprave knihy humoru západných Slovanov, ktorá výšla v r. 1978 pod názvom «Skarb v garnucu v Opole v Poľsku.

A eště jedna poznámka. Rozprávka Slovanov sice predstavuje jeden celok, ale tento celok je predovšetkým vnútorné diferencovaný. Doterajšie bádane zamerané na interetnicke vzťahy nám ukazuje, že rozprávka v kontexte západnoslovanskom (slovenská, česká, lužicko-srbská) je neobyčajne členitá a diferencovaná. Napr. slovenská rozprávka svojom archaickosťom, ornamentálnosťom, ako aj svojimi úvodnými a záverečnými formulami je viac blízka cez ukrajinskú rozprávku rozprávkam východných Slovanov (a podob. aj južným Slovanom), ako napr. českým alebo lužickosrbským rozprávkam, ktoré viac inklinujú k nemeckému folklóru. Preto ľudovú prózu u Slovanov je potrebné skúmať nie samostatne, izolované, ale v zväzku s inými neslovanskými národami. Len vtedy bude naše bádanie v čo najväčšej miere objektívne.

Дневное заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Burlasová S. (ČS) — Kompozícia balady ako kritérium žánru (Československá slavistika, Praha, 1983, c. 209—219).

Соколова В. К. (СССР) — Особенности обрядовых календарных песен у восточных и южных славян (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 224—240).

Иванова Р. (НРБ) — Проблеми на поетиката на славянската сватба (Славянска филология, 1983, т. 18, с. 277—286).

Яценко М. Т. (СССР) — Фантастично-героїчна казка як типологічний елемент поетики рицарського роману й «Енеїди» І. П. Котляревського (IX Міжнар. з'їзд славістів: Слов'янські літератури: Доп. — К., 1983, с. 188—202).

Астаф'єва Л. А. (СССР) — Сюжетно-композиціонные связи в славянских эпических повествованиях (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 224—240).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Кулагина А. В. (СССР). В докладе С. Бурласовой рассматриваются проблемы, уже вызывавшие оживленную дискуссию, в том числе проблема эпичности и лиричности. Работа над славянским материалом подтверждает наблюдения: классические образцы славянских баллад, совершенные в идеально-художественном отношении, эпичны. Подобную мысль сформулировал В. П. Аникин, она также поддержана работами С. Бурласовой и У. Харкина.

С. Бурласова, избравшая критерием жанра композицию, показывает эволюцию жанра, о которой говорил и У. Харкин: от эпической баллады к романсу и повествовательной песне (об этом опубликована работа Э. В. Померанцевой).

Мною исследована композиция сюжета двух балладных песен: «Князь Роман жену терял» (классический сюжет эпической песни, исследовался на 30 вариантах, старшей записи 200 лет, последняя сделана в наши дни) и «Муж жену губил» (70 вариантов, старшей записи 100 лет, последняя сделана в наши дни). Были выделены общие мотивы этих двух песен и этапы эволюции, общей чертой которых явилась тенденция к сжатию сюжета путем вытеснения побочных мотивов. Примечательно, что эпический сюжет оказался «непроницаемым» для лиризации. Обнаружены лишь разрушившиеся варианты, в которых наблюдалась утрата сюжетообразующих мотивов. Более поздняя песня «Муж жену губил» претерпела процесс лиризации в тех вариантах, где сюжет утратил сюжетообразующие мотивы и был контаминирован с зacinами лирической песни, превратившись в лирическую песню, но не разрушившись.

В. К. Соколова высказала плодотворную мысль о необходимости выделения в балладах внутрижанровых групп в связи с их эволюцией, которая согласуется с работой, проделанной С. Бурласовой. Видимо, в этом направлении нам и предстоит работать, обязательно учитывая и напев баллад.

Виноградов Л. Н. (СССР). Анализ сходства славянского календарного фольклора на уровне формульных стереотипов, предпринятый в докладе В. К. Соколовой, следует признать весьма продуктивным, так как такой аспект анализа диктуется характером самого песенного материала, принцип организации которого базируется не столько на

разработке сюжетности, сколько на соотношении компонентов: обряд — ритуальный речевой приговор — песенный текст.

Раскрывая формульные совпадения в репертуаре славянских «господарских» колядок, докладчица справедливо отмечает, что в наиболее архаических колядных песнях сюжет не развит, а текст строится на стереотипных формулах благопожеланий и заклинаний. Среди других в докладе рассматриваются и формулы приговоров при обрядах жертвоприношений (типа «ты дай мне — я дам тебе»). Несколько категоричным показалось утверждение автора, что среди колядок нет песен, построенных по типу таких заклинаний и что «их не могло быть, так как исполняли их те, кто... был дарителем всех благ, произносили заклинания не для себя, а для тех, к кому пришли». Между тем текстов такого рода — хоть и не песенного, а приговорного характера — очень много (напр.: «Дарує нас сей пан господар калачем, і ми его щастям і здоров'ям» и др.). Представляется как раз принципиально важной мысль о зависимости благополучия в доме от одаривания пришедших, поскольку именно момент одаривания, по моему мнению, является ядром и смыслом всего обряда колядования, а потому и формулы-просьбы одарить, угрозы и пр. кажутся изначально связанными с обрядом.

В заключение хочется подчеркнуть целесообразность изучения обрядовых песен в соотношении не только с обрядом, но и с ритуальным кратким приговором. Этот ценнейший архаический материал, входящий в круг малых фольклорных жанров, до сих пор не был предметом специального анализа ни этнографов, ни фольклористов, ни лингвистов.

Барташевич Г. А. (СССР). Доклад В. К. Соколовой посвящен важной проблеме — обрядовому фольклору, этому древнейшему пласту народного творчества. Обрядовый фольклор дает богатый материал, необходимый для выяснения многих вопросов, связанных с генезисом и функциональностью устнopoэтического творчества. Доклад — продолжение многолетних разысканий автора в этом направлении. Он интересен не только конкретным анализом большого фольклорного материала разных славянских народов, а именно обходных песен (колядок), выделением их основных особенностей, но и тем, что дает новый импульс для дальнейших сопоставительных исследований. В частности, весьма перспективно сопоставление календарных обрядовых песен с семейными, с необрядовой лирикой, с заклинательными приговорами, заговорами.

Я позволю себе высказать сомнение, достаточно ли оснований для вывода, сделанного в докладе, что колядки «послужили образцом для других обходных песен» (с. 240). Ритуальные обходы характерны для многих календарных обрядов. Это не только обход дворов с благопожеланиями, но и весенние обходы и дворов, и поля, и пастбищ с разнообразным комплексом магических действий, богатой песенностю, обязательными заклинательными приговорами. Типы песенных заклинаний могли формироваться и формировались не только и не столько в зимнем цикле обрядовой поэзии. Исследование весенних обходов, их нераздельная связь с непосредственной производственной деятель-

ностью дают основание полагать, что именно в их недрах могли складываться заклинательные формулы-мольбы, направленные на обеспечение жизненно важных благ для человека.

Гусев В. Е. (СССР). Доклад М. Яценко вызывает большой интерес в связи с проблемой литературного фольклоризма. Он основан на обширном материале и на методе сравнительного изучения украинской и западноевропейской культур по отношению к античному наследию. Плодотворна мысль о воздействии сказочного эпоса на переработки рыцарского романа и особенно на «Энеиду» И. П. Котляревского. Эти положения могут быть распространены и на русскую литературу. В уточнении нуждается определение жанра «народного романа». «Энеида» Котляревского, как убедительно показал докладчик, занимает в некотором отношении исключительное место в ряду аналогичных явлений и отличается подлинной народностью.

Органиева Ц. (Yu). Хотела бы сказать несколько слов по поводу доклада Л. А. Астафьевой на тему «Сюжетно-композиционные связи в славянских эпических повествованиях».

Считаю, что коллега Астафьева выбрала самый правильный метод работы в изучении формул в системе поэтического стиля народных героических произведений типа классического эпоса. Она изучает их в рамках определенного произведения, определенной сюжетно-композиционной структуры и далее в рамках сходных групп песен, объединенных поэтической темой. Если связать их далее и с другими особенностями поэтического стиля, можно раскрыть основную идеино-эстетическую мысль анализируемого произведения или группы произведений, имеющих одну и ту же близкую по характеру функцию.

Правильность указанного подхода к изучению поэтического стиля устного народного творчества, в частности отдельных жанров, хочется особенно подчеркнуть, противопоставляя его методу формального упорядочения формул. Невозможно учить и изучать поэтический язык вне его живой связи с другими компонентами поэтического творчества. Однако в то же время считаю недостатком доклада Л. А. Астафьевой то, что она сопоставляет очень старые тексты русских былин с новыми записями болгарских эпических песен, игнорируя, таким образом, изменяемость воззрений народов и историческое развитие эпического стиля.

Евсеев Ф. (СССР). Р. Иванова давно и результативно исследует поэтику славянской свадьбы. Ее доклад привлекает внимание концептуальным утверждением идеи эстетической значимости всех компонентов свадебного действия. Развивая некоторые идеи А. К. Жолковского, Р. Иванова анализирует закономерности эстетической интенсификации компонентов свадьбы, понимаемой как ритуально-художественная ценность. Ею высказана существенная мысль об усилении эстетической функции компонента внутри данной целостности и в зависимости от нее.

Думается, что в этом заметным подспорьем могут служить типологические сопоставления свадебного обряда с фольклорными жанрами (сюжетами), воспроизводящими брачные отношения.

Велецкая Н. Н. (СССР). Доклад Р. Ивановой интересен тем, что заставляет задуматься над истоками символики свадебных ритуальных действ, персонажей игрищ и их атрибутов, а также ее трансформацией на протяжении истории славянской народной традиции.

Анализ архаических образов драматизированно-игровых действ под углом зренияrudиментов ритуала отправления легатов в космический мир богов и обожествленных предков как основы формирования структуры и знаковой символики обрядового цикла приводит к заключению, что в значительной мере известные нам традиционные формы их — следствие трансформации этого ритуала в знаковые и символические разновидности, определяющиеся заменой реальных объектов языческих ритуальных действ маскированными персонажами, животными, птицами, скульптурными изображениями. Сравнительно-типологическое сопоставление архаических элементов свадебных игрищ с аналогичными мотивами и ритуальными действиями календарных драматизированно-игровых действ свидетельствует о том, что функциональная сущность таких игрищ, как «казнь петуха», и принципиально сходных действ типа «казнь карнавала», «сожжение ведьмы» («демона», «масленицы» и т. п.) заключается в символизации отправления легата к праотцам. Многообразные соответствия в свадебных и карнавальных действиях проявляются в формах имитации борьбы, состязаний и т. п., приводящих к «смерти» старого свата, кума и др. Удары палкой старого свата, кума и т. п. вызывают ассоциации с поговоркой «свату первая чарка и первая палка» и палицами — средневековым орудием отправления стариков на «тот свет». Общий — печальный — настрой свадьбы у некоторых этнических групп славян (и других народов), напряженнейший драматизм танцев («тежкото оро», «свекрвино оро» и др.) предстают какrudиментарные формы ритуальных действ, связанных с проводами к обожествленным предкамвестников о важнейшем событии в семье и общине. Космическая символика играет важную роль в свадебном ритуале. Космические знаки на свадебном каравае, знамени, деревце, песенные обращения к небесным светилам, ритуальное обращение лицом к солнцу и т. п. и, наконец, пословица: «Браки заключаются на небесах» — все это говорит о том, что гипотеза о проявлении в свадебной символике трансформированных форм ритуала проводов посланцев к обожествленным космическим предкам требует специальной разработки с целью выяснения его роли в формировании свадебной обрядности и форм и способов трансформации этого ритуала в фольклорной традиции.

3. ФОЛЬКЛОР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ПЕРИОДА ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Вечернее заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Қабашнікаў К. П. (СССР) — Інтэрнацыянальнае и нацыянальнае ў славянскам фольклоры часоў Вялікай Айчыннай вайны (IX Міжнародны з'езд славістуў: Дакл.— Мінск, 1982).

Јанић Ј. (Yu) — Прозні облици усмене народне књижевности о борбі югославенскіх народаў противу фашизма (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 489—490).

Zakrzewski B. (P) — Folklor pieśni rewolucyjnych (Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 6.— Warszawa, 1983, s. 287—290).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Фядосик А. С. (СССР). Проблема интернационального и национального в народном творчестве периода Великой Отечественной войны — одна из важнейших. Среди исследователей поэзии военных лет следует назвать В. Е. Гусева, Минц, Э. В. Померанцеву, Б. П. Кирдана, Гутторова, Гринблата, Н. С. Шумаду, В. А. Захарову и других фольклористов. В докладе К. П. Кабашникова эта проблема получает дальнейшее развитие. Как отмечается, интернациональное в народном творчестве проявлялось в общности фольклорных процессов, бытования одних и тех же произведений у разных народов, возрождении многих традиционных песен.

Очень важно рассмотреть вопрос об активности бытования традиционного фольклора среди партизан и населения. Следует отметить, что интерес к традиционному народному творчеству в этот период у населения усилился, чего нельзя сказать о фольклорно-песенном репертуаре партизан и фронтовиков.

Какие же темы и мотивы традиционного фольклора получили наибольшее распространение? Прежде всего те, которые были созвучны времени, отражали настроения народа. Например, в песне «у нядзелю рана» вместо традиционного образа солдата или казака, убитого в бою, дается образ красного командира. Сохранен мотив прилета трех птиц, символизирующих мать, сестру, жену.

Характерной чертой творчества военных лет является расширение взаимосвязи между фольклором и профессиональным искусством, литературой. Среди партизан Белоруссии были русские, украинцы, белорусы, чехи, словаки, поляки и представители других национальностей. И песни каждого из этих народов становились достоянием партизан, представителей других народов. Важной особенностью многих песен является синтез стиля традиционных произведений со стилем массовых советских песен.

Разработка указанной проблемы весьма перспективна.

Лазутин С. Г. (СССР). Доклад К. П. Кабашникова посвящен фольклору восточных славян периода Великой Отечественной войны. В нем высказаны интересные наблюдения и сделаны выводы о национальном и интернациональном в фольклоре этого периода.

В связи с докладом следует сказать, что проблема интернационального и национального в фольклоре изучена недостаточно, она остается одной из актуальных в современной славянской фольклористике.

Представляется, что при исследовании этой проблемы важно решение таких вопросов, как: 1) национальная специфика системы жанров фольклора разных народов; 2) национальная специфика фольклорного жанра; 3) национальные особенности историко-бытового содержания фольклора; 4) своеобразие фольклоризма национальных литератур и др.

Burlasová S. (ČS). Piesňovú tvorbu z obdobia druhej svetovej vojny s tematikou protifašistického, osloboditeľského hnutia, i ked' sa týka uzavretého historického obdobia, nemožno považovať za úplne uzávorenú. Na Slovensku nad'alej vznikajú piesne spomienkového charakteru, ktorých tému sú osobné alebo miestne udalosti zmieneného obdobia. Je treba povedať, že kým v rokoch blízkych vojne vznikali spomieniové piesne spontánne, zatiaľ v súčasnosti sú stimulom k ich skladaniu skôr pohnútky netradičné, vystúpenia dedinských skupín pri jubilejných slávnostach, alebo súťažiach. Ide teda o kvalitativne iný druh tvorby, i ked' treba povedať, že je skladaná ľudovými spevákami, preberá melódie ľudových piesní a ktorí štýlisticky v ľudovej tradičnej tvorbe.

Staršia piesňová tvorba s osloboditeľskou tematikou (z rokov vojny) vzhľadom na svoju dnešnu neaktuálnosť vo svojej existencii viacmenej ustrnula, v súčasnosti minimálne variuje.

Úplne obrátene je to v ľudovej próze. V tej sa vo väčšej mieri uplatňujú podania (v súčasnosti!)... , vo vlastnom zážitku, ale známe zo sprostredkovanejho podania, príčom prozaická slovesnosť variuje, obrusuje sa, cyklizuje okolo významnejších témy a čo je najzaujímavejšie — vytvára nový typ ľudového hrdinu partizána a sovietského vojaka osloboditeľa.

Гусев В. Е. (СССР). Исследования фольклора второй мировой войны сосредоточили свое внимание в основном на песенных жанрах. Доклад Й. Яничя посвящен прозаическим жанрам фольклора народно-освободительной борьбы Югославии. Представляется важным расширить в будущем сравнительное изучение народной прозы этого периода. Глубокие исследования прозаических жанров имеются у словацких фольклористов, большой материал собран в Польше.

Борьба народов Югославии против иноземных захватчиков сопровождалась революционной борьбой за социальное освобождение. Это — ключ к пониманию природы югославских анекдотов той эпохи. Сатира в этом жанре направлена не только против захватчиков и предателей, но содержит также элементы революционной самокритики, обличающие те явления, которые мешали процессу социального освобождения народных масс.

Мне представляется ценным, что автор доклада не ограничивается

анализом содержания, а вносит уточнения в жанровую структуру прозаических жанров, в частности, выделяет не только анекдоты, но и «новеллы», «притчи», «фацеции» и пр. Что же касается паремиологии, то я не стал бы рассматривать ее в общем ряду прозаических жанров, а выделил бы в особый род как афористическую форму фольклора. В этой части доклада интересны сопоставления пословиц народов Югославии с пословицами других народов.

Шумада Н. С. (СССР). Доклад К. П. Кабашникова, посвященный сложной и актуальной проблеме интернационального и национального в фольклоре близких народов, содержит ценные научные выводы и открывает перспективу дальнейших исследований. Так, интересным с научной точки зрения представляется напоминание о необходимости определения уровней общности в фольклоре славянских народов периода второй мировой войны. Предположение о возможном переходе межэтнических явлений в новое качество — в явления интернационального характера — должно быть взято на вооружение исследователями современного фольклора и проверено на собранном ими материале. Здесь важная роль принадлежит региональным исследованиям, результаты которых позволят четче увидеть национальные фольклорные процессы и дадут конкретные данные для сопоставления с явлениями в современном фольклоре родственных народов.

Несколько излишне категоричным представляется утверждение докладчика, что в довоенное время наблюдалось обеднение жанрового состава устнopoэтического творчества белорусов, русских и украинцев. Возможно, имелось в виду то обстоятельство, что некоторые жанры утратили активность, но ведь это вполне закономерный процесс жизни фольклора. Одни жанры активизируются, другие переходят в пассивный репертуар и постепенно угасают. Кроме того, вполне допустимо, что мы не имеем исчерпывающей картины бытования фольклора в предвоенное время. В послевоенный период, когда окрепла научная база советской фольклористики, когда по понятным причинам возник особенно пристальный интерес к творчеству периода Великой Отечественной войны и появились фундаментальные исследования, о фольклорных жанрах и особенностях их функционирования можно судить с большей достоверностью.

Правда, К. П. Кабашников совершенно справедливо подчеркивает, что, оценивая фольклор периода Великой Отечественной войны, следует говорить о новом подъеме фольклорных традиций, о создании и бытовании фольклорных произведений и таких, которые воспринимались как фольклорные широкими народными массами. Значительно обогатился и общий репертуар, состоящий из песен, частушек, анекдотов, легенд, которые с одинаковым правом называли своими и русские, и украинцы, и белорусы. В докладе приведены убедительные примеры такой общности. Они иллюстрируют плодотворное продолжение общих традиций в поэзии восточнославянских народов периода Великой Отечественной войны, когда генетическая, историко-культурная и типологическая близость славян проявилась на более высоком уровне, выразившемся в единстве идейной направленности, тематики, аналогичных жанров, в сходной образно-поэтической системе.

Обсуждаемый доклад — результат глубокого исследования интернациональных и национальных процессов в восточнославянской народной поэзии периода Великой Отечественной войны — является значительным вкладом в разработку этой научно и общественно важной проблемы.

Вахнина Л. К. (СССР). Вопросы происхождения и бытования революционных песен, в частности их поэтики, являются одними из наименее исследованных и в то же время наиболее актуальных в славянском фольклоре.

Следует отметить, что использование традиционного фольклора при создании новых революционных и рабочих песен характерно не только для польского фольклора. В русском, украинском, белорусском, чешском и словацком песнетворчестве образцы новых революционных песен создаются часто путем переосмыслиния традиционных фольклорных произведений. Например, в революционных песнях использованы формы традиционных фольклорных жанров, в частности колядок. В Польше и на Украине такое явление связано с практикой революционного подполья: колядки благодаря религиозному характеру их мелодий не вызывали подозрения у жандармов. В то же время новым содержанием эти произведения призывали к борьбе, к решительным революционным действиям.

Массовое интернациональное бытование революционных рабочих песен, на которое указывает докладчик, объясняется прежде всего их проблематикой, связанной с братством и солидарностью рабочих всего мира. Польские революционные песни «Варшавянка», «Красное знамя», «На баррикады» стали популярными не только в России. Каждая из них имеет несколько переводов и многочисленные варианты на разных славянских языках. В то же время среди польского пролетариата широко распространялись русские и украинские революционные песни. Например, украинская революционная песня «Шалійте, шалійте» бытowała одновременно среди польских и русских рабочих.

Следует сказать, что и сегодня не завершена дискуссия о фольклорности революционной песни. Безусловно, большая часть революционных песен имеет литературное происхождение. Но нельзя не принимать во внимание их частую трансформацию во взаимодействиях с произведениями фольклорного типа. Именно в революционной песенности выразительнее всего проявляется взаимодействие фольклорного и литературного начал, в результате которого революционные песни фольклоризуются, и большинство исследователей (Н. И. Кравцов, С. Бурласова, А. Дыгач, К. Кабашников, Б. Закшевский) вполне закономерно определяют их как составную часть национального фольклора. Существенная черта, определившая их особое место в народном творчестве, состоит в том, что они не только отражали реальные события действительности, но и выступали одним из действенных способов ее преобразования, играли исключительно важную роль в освободительной борьбе славянских народов.

Кацнельсон Д. (СССР). Доклад Б. Закшевского — итог многолетних исследований в области изучения польского революционного фольклора и его взаимодействий с литературой. Автор путем кропотливых

текстологических исследований доказал, что стихотворение известного польского революционного деятеля Людвига Варынского «Мазурка кандалников» («Mazurka Kajdaniarski») является полуфольклорным произведением: только две строфы написаны автором, остальные добавил народ. Б. Закшевский рассмотрел польские песни в широком контексте русского, польского, всеславянского и западноевропейского революционного фольклора. Это плодотворно для дальнейшего развития истории славянской фольклористики и имеет интернациональное значение.

Куклина Е. А. (СССР). Доклад Б. Закшевского — глубокое актуальное исследование — по своей значимости выходит за рамки национальных интересов, как и польские песни, давно перешагнувшие рубежи своей родины. Широкий охват научных проблем, богатый фактический материал, сам предмет исследования представляет большую ценность для науки. Выводы ученого, его труды способствуют дальнейшему развитию процесса интернационализации песенного искусства, науки и культуры. Его исследование — новое слово в изучении проблемы синкретизма фольклора, его взаимосвязи с литературой, а также художественного метода и стиля, поэтики революционной песни. Ценные материалы Б. Закшевского, плодотворные результаты исследования, научно-обоснованные выводы способствуют изучению историко-функциональной роли польских революционных песен. Так, «Варшавянка» и «Красное знамя», революционные песни польского народа, особенно широко бытовали (наряду с «Марсельезой») не только в европейской части России в 1905—1917 гг., в годы гражданской войны, но и в самых отдаленных окраинах Сибири, куда их приносили революционеры в подлиннике и в переводе. Это подтверждено архивными документами и мемуарными источниками.

Органиева Ц. (Yu). В дополнение к выступлению В. Гусева по докладу Й. Янич хочется подчеркнуть, что жанровая прозаическая разновидность анекдота у нас еще недостаточно изучена. Й. Янич останавливается на творчестве, возникшем в годы народно-освободительной борьбы и революции югославских народов против фашистских оккупантов. Автор подчеркивает неразрывную связь этого творчества с буднями борца, обращает внимание на значение народного анекдота, в котором раскрыты твердый характер и широкая душа простого человека, о котором в свое время писал В. Белинский.

Gašparíková V. (ČS). Kol. J. Janič vo svojom referáte hovoril o prozaických druhoch ústnej ľudovej tvorby s tematikou boja juhoslovenských národov proti fašizmu.

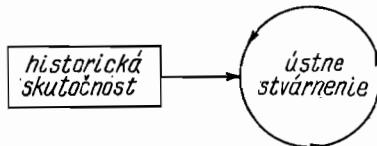
Zaujala ma predovšetkým tá časť referátu, ktorá sa dotýka anekdot, resp. humorne ladených rozprávami s touto tematikou. Vieme, že problematike prozaickej folklórnej tvorby s tematikou boja proti fašizmu sa venovali už sovietski bádatelia A. V. Gončarova, Z. G. Barag, u nás na Slovensku A. Melicherčík, J. Michálek, V. Gašparíková, avšak stále o tejto problematike vieme len málo.

Doterajšie bádanie, resp. jeho výsledky by som chcela zhrnúť na základe štúdia a analyzy mnohých variantov spojených navzájom svojím monotematickým zameraním. Všetky totiž hovoria o jednej udalosti:

o odvážnom čine ukrajinského partizána Miška z Kyjeva, ktorý predstaval väčšiu, početnú silu partizánov, vydal prikaz bataliónu, a tým prinútil nepriateľa ku kapitulácii. Tento motív predstavuje dominantu celého rozprávania, pre ktorú sa stal príbeh obľubeným a najpopulárnejším z celého cyklu o tomto dnes už legendárnom partizánovi. Ak hovoríme o obľube uvedeného motívu alebo celého rozprávania, tak tým už naznačujem, že príhoda vošla do úst ľudu a bola folklorizovaná. Takýto zjav je v súčasných rozprávaniach veľmi častý a poukázala naň pred časom aj poľská folkloristka D. Simonides, a to znova na príbehoch s povstaleckou tematikou, avšak vzťahujúcich sa na iné dejinné udalosti.

Avšak stačí pre vysoký stupeň folklorizácie skutočne iba množstvo monotematicky založených variantov? Je úplne jasné, že prijatie určitej látky ľudovým spoločenstvom predpokladá jej pretvorenie, jej zladenie s celkovým rozprávkovým fondom, teda príbeh svojou ideoiou náplňou, svojou štylizáciou musí zapadnúť do celej rozprávačskej zásobnice. Len tak sa môže stať kolektívnym vlastníctvom ľudu, len tak môže reprezentovať kolektívnu tvorbu ľudu. Táto kolektívnosť alebo inými slovami zapojenie do tradície, čím sa folklorizačný proces stabilizuje, prejavuje sa zvlášť zretelne v črtách, ktoré spájajú jednotlivé varianty alebo ich aspoň navzájom približujú. Zjednocujúcim faktom bývajú konštanty, ktoré sú predpokladom tradície. Bez stále vznikajúcich variantov by totiž ľudove rozprávania nežili, avšak variabilita nie je to hlavné, býva spravidla len rúchom, do ktorého sa odieva konštantné jadro. Znamená to teda, že prvorada nie je variabilita ľudového podania, ale stabilita ľudového podania.

Každý rozprávač či chce alebo nechce postupuje v podstate rovnako: krúži okolo konštantného stabilného jadra vo väčšej-menej vzdialosti, slovami Walkera Andersona, «osciluje okolo pevného centra»

Aká však bola historická skutočnosť a v čom sa odlišuje od ústneho podania? Rozchádza sa v tom hlavnom, čo nakoniec priviedlo historický fakt do najvyššieho stupňa folklorizácie: zneškodený nepriateľ sa zlákol ozbrojených ľudí a v skutočnosti povel bataliónu vydaný neboli. To je už folklórna fikcia, na ktorú sa niektoré naše varianty výlučne obmedzujú. Fikcia, pre ktorú ľudova vantázia mohla nájsť obdobu v niektorých podaniach.

V príspevku som sa snažila ukázať, akou zložitou cestou ide ústne podanie transformujúce skutočnosť a vchádzajúce do tradície. S touto tradíciou splýva alebo vytvára s ňou jednoliatý celok. Túto analýzu možno priradiť k predchádzajúcemu pozorovaniu, ktorými sa dokumentuje folklorizačný proces.

4. ФОЛЬКЛОР В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Утреннее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Холевич Й. (НРБ) — Устността — проблем на литературния текст (въз основа на материали от славянските литератури) (Славянска филология, 1983, т. 18, с. 301—308).

Igeta S. (Japan) — Образы Матери-Земли и Богородицы в произведениях Ф. М. Достоевского (Jap. contribut. ninth internat. congr. slav.— Tokyo, 1983, р. 75—88).

Klagge I. (DDR) — Песни современной городской молодежи как проявление русского народного художественного творчества (Zeitschrift für Slavistik, 1982, 27, 5, р. 669—677).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Чистов К. В. (СССР). Весьма знаменательно появление в Японии славистов, занимающихся русским фольклором. Доклад С. Игета интересен и примыкает к серии работ, в которых обнаруживается мифологическая и обрядовая основа поздних литературных явлений (в том числе и русских — от Пушкина до Пастернака). Как и в них, в докладе выделяется больше гносеологический инвариант, чем собственно литературно-фольклорные отношения. Характерна при этом источниковедческая «реабилитация» «Поэтических воззрений славян на природу» А. П. Афанасьева, далеко не всегда обоснованная. Высокая степень обобщенности приводит к стиранию различий, например, между Мельниковым-Печерским и Достоевским.

Доклад Й. Холевич интересен попыткой дифференцированного рассмотрения различных форм устности.

В докладе И. Клагге намечены фольклорные черты т. н. городской молодежной песни (певцы-поэты), правда, с рядом оговорок. Этот вопрос требует дальнейшего изучения и уточнения.

Гусев В. Е. (СССР). Доклад И. Клагге представляет собой небольшую часть фундаментального исследования ученого. В докладе отчетливо различаются понятия и сферы фольклора и народного творчества (второе шире первого). Правильно определяется промежуточное место песен городской молодежи между фольклором и профессиональным музыкально-поэтическим творчеством. По мнению автора, последнее по некоторым признакам сближается с фольклором. Особое внимание уделяется процессу фольклоризации этих песен. Природа данного материала предполагает необходимость комплексного, междисциплинарного его изучения методами литературоведения, фольклористики и музыкоznания.

Азбелев С. Н. (СССР). Доклад Й. Холевич поднимает ряд существенных вопросов, среди них структурообразующая роль устности

не только в фольклоре, но и в средневековой литературе. Реализация призыва докладчицы исследовать устность с помощью различных дисциплин могла бы, в частности, привести к отысканию различных объективных критериев для анализа средневековых письменных текстов, обязанных происхождением устной традиции. Важно иметь надежный исследовательский инструмент для решения вопроса: в какой своей части текст такого рода отражает запись устного текста, а в какой — его литературный пересказ или плоды литературного творчества. Пока в подобных случаях довольствуются субъективным восприятием текста и проведением параллелей из записей фольклора нового времени. Примером может служить неизданная докторская диссертация крупного русского фольклориста А. И. Никифорова «Слово о полку Игореве — былина XII века» (1940). Для исследователей средневековой устной поэзии и фольклоризма средневековой литературы это одна из актуальных задач.

Метева Е. (НРБ). И. Клагге убедительно говорила о преодолении противоречий между профессиональным и самодеятельным творчеством народа и о процессе фольклоризации литературных произведений как об одном из проявлений современной творческой активности народа. Но поскольку этот процесс проявляется в различных аспектах и на различных уровнях, остановлюсь на одном из них, о котором не говорилось в докладе, а именно о явлениях фольклоризации песенных литературных произведений во вненациональной среде.

Мне кажется, что первым этапом этого процесса можно считать письменный перевод или творческую переделку текста, когда они сделаны на основе фольклорного отношения к оригиналу без учета авторского права с возможными изменениями текста и когда выражают не столько личностное, сколько национальное самосознание переводчика или передатчика, приспособливающих чужой текст к историческим задачам своего времени.

Специфичен и характер творческих переделок, поскольку в них обычно изменяется национальный тип пейзажа и национальный тип героя. Так, в болгарских творческих переделках «Колыбельной песни» Лермонтова Кавказ превращается в Стару планину, Терек — в болгарскую реку Янтра, русский казак — в болгарского революционера.

Распространяясь как песня в новой национальной среде, чужое литературное произведение получает новые специфические фольклорные функции, выражая мысли и чувства людей с другим национальным самосознанием, их социальную активность. Так, русские революционные песни «Смело, товарищи, в ногу», «Вы жертвою пали» становятся выражением революционной решительности и революционного гнева болгарских рабочих во время многочисленных митингов и демонстраций в 20—30-е годы.

Специфична и устная вариативность песен, массово распространяемых в новой национальной среде. Она чаще всего проявляется в смешении текстов различных популярных переводов или в прибавлении новых стихов, приспособливающих произведение к новым условиям жизни. Устные изменения обыкновенно делаются при соблюдении общей стилистической и ритмической структуры письменного текста.

Возможны, однако, варианты и чисто фольклорного типа, но они встречаются редко.

Специфический характер явлений фольклоризации во вненациональной среде говорит о необходимости более широкого применения самого термина, не получившего еще лексиконной регламентации. Представляется возможным его применение не только как результата полного превращения литературного произведения в фольклорное, но и как динамического процесса приближения литературы к национальному и социальному самосознанию народа и его творческой активности, причем этот процесс может осуществляться и частично, останавливаясь на различных этапах своего развития.

Кулагина А. В. (СССР). Дискуссия, вызванная докладом И. Клагге, не случайна. Долгое время современные песни городской молодежи, т. н. гитарные, не привлекали внимание ученых: литературоведы ими не интересовались, так как они являются устным, музыкальным, часто анонимным творчеством, а фольклористы их игнорировали, полагая, что это нетрадиционное самодеятельное творчество, не вписывающееся в строгие рамки, соответствующие критериям фольклорности.

Полагаю, что И. Клагге права, утверждая, что «синтетический характер этого творчества требует комплексного его исследования», усилий литературоведов, музыковедов, теоретиков и социологов культуры и, безусловно, фольклористов. Кстати, музыковеды раньше фольклористов обратили пристальное внимание на эти песни, в том числе Христиансен, Добровольский и др.

Думается, в дальнейшем было бы перспективным сравнительное изучение подобных песен славянских и других народов.

Динеков П. (НРБ). Явленietо, което изучава И. Клагге, представля голям интерес. Очевидно, че се касае за прояви на нашата съвременност, които заслужава да бъдат изследвани преди всичко от културологично гледище. Но по мое мнение, много рано е те да се определят с един или друг термин. Ако още сега наречем тези явления фолклор, можем да попречим на тяхното правилно проучване. Изследванията трябва да продължат върху по-широк материал и едва тогава да бъде далеко по-точно научно наименование.

Никитина С. Ф. (СССР). Доклад И. Клагге поднимает важную проблему фольклоризации авторских текстов, которая заставляет снова вернуться к осмыслинию самого понятия «фольклор» и увидеть параллели между бытованием совершенно несходных текстов. Если считать, что термин «фольклор» имеет два основных признака — отсутствие осознанного авторства и устный способ передачи текста для его дальнейшего воспроизведения (вариантность, по нашему мнению, является производным признаком от этих двух), то творчество городской молодежи в большей части вполне соответствует этому понятию (когда автор неизвестен; впрочем, и в случае известных авторских произведений отношение к текстам достаточно свободное). В процессе фольклоризации таких текстов возникают варианты. В первую очередь, по нашим наблюдениям, изменению подвергается напев — более пластичный вследствие своей недискретности компонент песенного текста: индивидуальные авторские интонации заменяются «расхо-

жими» музыкальными оборотами. Это ведет вначале к изменениям внутрислогового и внутристолового распева, появлению и исчезновению вставных элементов, потом к более существенным сдвигам — заменам некоторых экспрессивно-оценочных эпитетов, изменениям в синтаксической структуре фраз, затем к самым разнообразным лексическим заменам и опущениям.

Те же процессы мы наблюдаем в бытовании духовных стихов, имеющих авторские источники: пущенные в устное обращение, они приобретают вариантность через описанные выше текстовые изменения.

Вахнина Л. К. (СССР). Доклад И. Клагге привлекает внимание прежде всего новизной рассматриваемой проблемы. Процессы песнетворчества в городской среде, и в частности среди городской рабочей и студенческой молодежи, развитие которых особенно активизировалось начиная с 60-х годов в странах социалистического содружества, остаются еще недостаточно изученными. Они рассматривались только в контексте проблемы фольклоризма (В. Е. Гусев).

Интересными являются наблюдения И. Клагге о бытовании молодежного песнетворчества, которое, являясь составной частью народного художественного творчества, часто развивается по законам фольклора. Эта связь, по мнению докладчицы, проявляется больше в музикоисследовательском плане и могла бы быть предметом отдельного исследования.

Важной является также сама попытка рассмотреть данную проблему, привлекая разнонациональный песенный материал, в частности народное художественное творчество городской молодежи Советского Союза и ГДР, что дает возможность сделать обобщающие выводы о развитии новой социалистической культуры в странах социалистического содружества.

Аникин В. П. (СССР). И. Клагге — автор первой фундаментальной монографии о современных молодежных песнях, получившей большой общественный резонанс. Хотелось бы пожелать, чтобы автор занялся изучением того, что предшествовало в XIX в., и чтобы большее внимание было уделено стереотипности, формулированности, клишированности стиля (то, что связано с фольклором).

Доклад С. Игеты характерен вниманием к работам А. Афанасьева. Хотелось бы добавить только, что материалами последнего можно смело пользоваться: А. Афанасьев неискажал источника. Необходимо переиздание работ этого замечательного исследователя.

Дневное заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Гусев В. Е. (СССР) — Фольклэр как фактор взаимодействия современных культур восточнославянских народов (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 130—142).

Čubelić T. (Yu) — Poetika usmenog narodnog stvaralaštva i folklora — osnova i poticaj u suvremenim književnostima slavenih na-

года (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 493).

Simonides D. (P.) — Pisemny obieg jako zjawisko współczesnego folkloru (Z polskich studiów slawistycznych: Prace na IX Międzynarodowy kongres slawistów w Kijowie, 1983.— Warszawa, 1983, s. 273—278).

Smolińska T. (P.) — Sztuka gawędziarska we współczesnym folklorze słowiańskim (Z polskich studiów slawistycznych: Prace na IX Międzynarodowy kongres slawistów w Kijowie, 1983.— Warszawa, 1983, s. 279—286).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Кабашников К. П. (СССР). В. Е. Гусев рассматривает процессы сегодняшнего дня, определяющие содержание народной культуры, направление ее развития. Взаимообогащение — важная черта фольклорного процесса. Об этом говорят результаты многих экспедиций, в том числе ставшие традиционными совместные экспедиции белорусских и украинских фольклористов в районах украинско-белорусского пограничья.

Порой невозможно определить первоначальную этническую принадлежность того или иного произведения, и прав В. Е. Гусев, когда говорит о роли общего восточнославянского фольклорного фонда как важнейшего фактора фольклорной общности в наши дни.

Разделяя мнение В. И. Елатова о том, что в раннетрадиционном песенном творчестве этого региона преобладает белорусская фольклорная традиция, В. Е. Гусев объясняет это тем, что в Белоруссии лучше сохранились общие для восточных славян древние пласти. Лучшую сохранность белорусского фольклора справедливо подчеркивали многие исследователи славянского фольклора. Но можно ли объяснить национальное своеобразие фольклора братских народов большей или меньшей сохранностью? Это, на наш взгляд, лишь один из факторов. Если придать ему универсальное значение, то, по существу, снимается вопрос о региональных особенностях фольклора, а они, несомненно, имели место. К ним относится и упомянутая В. Е. Гусевым «стрела», изучением которой мы занимаемся ряд лет и продолжаем поиск с целью уточнения ареала этого явления.

Барташевич Г. А. (СССР). Разделяя взгляд автора доклада на «стрелу» как явление локальное, специфическое, ограниченное определенной территорией, границы которой еще нуждаются в уточнении (что мы и делаем в экспедициях), хотелось бы подчеркнуть связь «стрелы» с другими жанрами устнopoэтического творчества белорусов. Эти связи проявляются как в мировоззренческой основе, так и в элементах, составляющих обряд, а также в поэтике песен. И в этой связи можно говорить об отголосках культа Перуна, который мы находим в обряде и песнях «стрелы» и в многочисленных белорусских поверьях, заговорах, сказках.

Куклина Е. А. (СССР). Выводы В. Е. Гусева в большой мере приложимы и к развитию фольклора русских, белорусов, украинцев, живущих на территории Сибири целыми селами как переселенцы из

европейской части России. Без учета явлений, которые сложились в культуре славян, переселившихся в Сибирь и вступивших не только в межславянские связи, но и в тесное межнациональное общение с алтайскими, тюркскими, угро-финскими, тунгусо-мансиjsкими, монгольскими и другими народами, нельзя составить полную картину состояния славянского фольклора. Не должен оставаться без внимания и детский фольклор, имеющий большие потенциальные возможности вплоть до создания новых жанров. Применимы выводы В. Е. Гусева к характеристике старообрядческих, семейских произведений фольклора в смысле их устойчивости. Советские учёные М. К. Азадовский, Л. Е. Элиасов, Я. Р. Кошелев, М. Н. Мельников и др. внесли большой вклад в изучение славянского фольклора Сибири, тем не менее координация собирательской и исследовательской работы должна учитывать этот регион в своих планах.

Моисеев И. К. (СССР). В докладе В. Е. Гусева отмечена новая функция фольклора как средства международного общения, проанализирована картина бытования современного фольклора в локальном регионе. Результаты анализа приводят к выявлению трех диалектически противоречивых тенденций: 1) ослабление источников под влиянием НТР и их усиление в результате сознательной фольклорной работы; 2) «фольклоризация самодеятельности» и привлечение аутентичного фольклора к массовым мероприятиям; 3) сохранение фольклора в зависимости от социально-активного его функционирования. Мероприятия фестивального типа выполняют три функции: пропагандистскую, научную и восстановительную. Научно-методическое руководство массовой фольклорной работой способно обеспечить настоящее и будущее фольклора, что важно для баланса и развития культуры.

Вирановский Г. Н. (СССР). 1. Доклад В. Е. Гусева обобщает результаты работ русских, белорусских и украинских фольклористов, в которых наметился важный поворот к уравновешиванию традиционного изучения фольклора отдельных национальностей в его «химически чистом» виде исследованием процессов интеграции национальных традиций. 2. По отношению к культурам, имеющим генетическую общность, точнее говорить о процессах реинтеграции. 3. Можно пополному подойти к важнейшим проблемам диахронии в фольклоре, если к процессам исторического развития традиций, объединенных генетической общностью, приложить такое понятие, как ритм чередования двух фаз — дезинтеграции и реинтеграции, и, введя таким образом момент дискретности (на гранях этих фаз), преодолеть односторонний «ползучий» эволюционизм. Масштабность открывающихся здесь исследовательских перспектив подчеркивается многоуровневостью понятия «генетическая общность» (напр.: восточнославянская — общеславянская — балто-славянско-романская... — индоевропейская). 4. Процессы реинтеграции в условиях контактных связей интересно проявляются в областях, заселенных преимущественно компактными переселенческими группами, как, например, в низовьях Дуная (русские, украинские, болгарские села в сочетании с молдавскими). Они могут рассматриваться как уменьшенная модель тех процессов реинтеграции, которые на более длительных промежутках исторического времени

происходят в стабильных пограничных зонах крупных регионов, например, в зоне русско-украинско-белорусского пограничья. 5. Отметим и частности: а) распространность «стрель» у дунайских молдаван, что нехарактерно для старообрядцев (по Гусеву), б) новое звучание древнеславянской темы Дуная.

Фядосік А. С. (ССР). Проблема исследования фольклора как фактора взаимодействия современных культур восточнославянских народов, постановку которой предпринял В. Е. Гусев, весьма сложная. Доклад справедливо получил высокую оценку при обсуждении. Следует обратить внимание и на некоторые трудности.

Для решения проблемы докладчик использовал преимущественно традиционный фольклор в современных записях, наблюдения русских, украинских и белорусских фольклористов, свои собственные наблюдения и фольклорные записи. Уже здесь возникает немало трудностей в исследовании фольклора как фактора взаимодействия современных культур. Дело в том, что современная запись традиционных фольклорных произведений не означает, что эти произведения активно бытуют и теперь. Чаще всего они сохранились в памяти народа, отдельных исполнителей и в настоящее время уже почти не «взаимодействуют» в активном живом бытования. Взаимодействие их относится к более отдаленному времени.

Положительную роль в исследовании проблемы сыграло бы картографирование, установление ареала распространения определенных произведений, фольклорных явлений. Этому способствуют обстоятельные региональные исследования. Такие исследования проводятся в Белоруссии фольклористами Белорусского государственного университета и Академии наук БССР.

Холевич Й. (НРБ). Бих искала да подкрепя първата част от доклада на колегата Симонидес и да изкажа някои възражения или по-точно съображения относно втората.

I. Трябва да се подхожда към фолклора диференцирано — да се разглежда исторически, с оглед на непрекъснатите му превъплощени и изменения — един е фолклорът на първобитното общество, друг на това от докапиталистическая стадия на обществено производство, друг е от съвременната епоха и т. н.

II. Второто разграничение трябва да стане според интерпретацията му на насоки и направления: фолклорът и интерпретацията му от романтциите, митологите и т. н.

Схващането за фолклора като процес означава, че в различните исторически епохи и социални среди се активизират различни негови нива. Твърде често произведения, спадащи към друга културна традиция, проявят друг тип авторово съзнание, и по функция съвпадат изцяло с битуването на народното творчество. Така една авторска песен на Висоцки или Окуджава в определен момент, за определена среда е много повече фолклорна, отколкото фолклорно произведение, което не битува като такова. Не бива фолклора да се тълкува, като един застиннал модел и всичко да се отнася към него.

Това води обаче до прекомерно разширяване на схващането на фолклора. Опорна точка трябва да се намери в типа художественно

съзнание, в творческото овладяване на света. При фолклора сътношението «аз-колектив» е специфично. И точно тук е несъгласието ми със Симонидес, че «спомениците» са фолклор. Те са предизвикани от «аз»-съзнанието-»запомни ме, «запази спомен за мен». При появата си през XVII—XIX вв. те са отрицание на фолклорната концепция и са израз на сантиментално-романтично отношение към света.

Друг е въпросът, че те са изразени в елементарна форма — шаблон, която просъществува вече повече от век. Това заслужава да се обмисли и да се вземе под внимание — явно е, че в основата си «спомениците» са проява на масовата култура с тенденция за съвпадение с фолклора.

Никитина С. Е. (СССР). Доклад Д. Симонидес поднимает вопросы общетеоретического значения: письменная коммуникация диалогического типа, сходная с устной, взаимоотношения письменных и устных форм в народной культуре. Детские тетрадки, о которых говорилось в докладе Д. Симонидес, можно присоединить к тетрадям и редкостным книгам заговоров, апокрифов и духовных стихов, бытующих одновременно в устной и письменной форме. При исследовании всех этих текстов нужно различать три относительно самостоятельные категории, или признаки: источник происхождения, традицию и ситуативную форму бытования. Все они могут быть и устными и письменными. В описании функционирования текстов встречаются различные комбинации этих признаков. Так, большинство старообрядческих стихов имеет книжный (письменный) источник, письменную традицию (т. е. письменный способ передачи текстов между поколениями) и сопутствующую этому устную форму (т. е. воспроизведение выученного по книге наизусть). Могут быть другие комбинации: устный источник — письменная традиция (например, стих о Егории Храбром в крюковых сборниках); письменный источник — устная традиция — письменная сопутствующая форма (некоторые старообрядческие стихи, функционирующие как песни). Различные комбинации признаков обуславливают разные типы вариантиности, возможности контаминации и виды редукции разрушения текстов народной культуры.

Динеков П. (НРБ). От широкото гледище за фолклора, от което излиза д-р Симонидес, могат да бъдат изследвани писмените албуми на деца и ученици, които се разпространяват днес в Полша.

Искам да посоча още някои прояви на писмено предаване на фолклора:

1. Днес, при развиващото на писмената култура в съвременното общество, някои певци и певци сами записват своя репертоар. лично аз получавал подобни записи.

2. Използува се дори печатното предаване на фолклора: така «панайрджийски» («площадни») певци печатат в «песнопойка» свояте песни и те продават на слушателите.

3. Някои изпълнители заемат песни от печатни фолклорни сборници.

Посещавайки Фолклорния институт в Гьотинген, открих, че там се отбират като современна фолклорна проза многобройните криминални романи, които се ползват с голяма популярност в Германия.

Хроленко А. Т. (СССР). Хотелось бы показать перспективность обсуждения работ для решения проблем лингвофольклористики.

Изучение языка фольклора неизбежно ставит исследователя перед необходимостью реконструировать начальный фонд лексико-фразеологических средств каждого национального фольклора и фольклора славянского в целом. И в этом смысле трудно переоценить методологическое значение докладов В. П. Аникина и Ю. И. Смирнова.

Теория вариативности, многоаспектно и глубоко разрабатываемая К. В. Чистовым, имеет прямое отношение к проблеме фольклорного слова. «Вибрация» устно-поэтического произведения внутренне трансформирует слово, входящее в фольклорный текст, в свою очередь, специфичная структура поэтического слова обеспечивает возможность варьирования, чему способствует широта этого слова, известная его диффузность и повышенная информативность.

По нашему мнению, ключом, открывающим секреты языка устного поэтического творчества, является фразеологический слог каждого жанра (имеем в виду поэтическую фразеологию). И поэтому любые усилия исследователей в этом отношении не будут излишними.

Концепция «эпического мира» и «эпического языка», сформулированная Б. Н. Путиловым, подтверждает идею системности поэтической фразеологии.

Убедительная критика «формульной теории» содержится в докладе В. М. Гацака, она может быть поддержана и с лингвистической стороны.

Специфической приметой фольклорного текста являются его устойчивые языковые структуры, названные нами ассоциативными рядами. Они — материализованная форма проявления ассоциативности как органической черты устного творчества. В связи с этим интересно для лингвиста выступление А. Афанасиевой-Колевой.

Как показал доклад В. Харкина и дискуссия по нему, эпические и лирические элементы как фактор жанровой характеристики разграничить не просто. Думается, что эпическое и лирическое в фольклоре выражается и наборами устойчивых языковых структур — поэтических фразеологизмов. Выявление их позволит более объективно характеризовать текст с точки зрения принадлежности его к лирике или эпосу.

Полагаем, что и усилия лингвистов будут небесполезными для фольклористов. Спор, что такое формула (см. доклад Ст. Бояджиевой и выступление Ю. И. Смирнова), настоятельно требует учета и объективных языковых характеристик.

Современная фольклористика должна строиться совместными усилиями филологов.

Грица С. И. (СССР). В изучении фольклора мы не можем уповать лишь на свои субъективные впечатления и согласиться с тем, что, как отмечалось в докладе Д. Симонидес, любые нелитературные произведения следует относить к фольклору. Определение сущности современного фольклора несомненно усложнилось в связи с ростом профессионализма, новыми формами его функционирования в урбанизированной среде. Однако нам представляется нецелесообразным отказываться

от понятия «аутентичный фольклор» (в докладе проф. Д. Симонидес это понятие поставлено под сомнение), так как теряются категории в определении подлинных и неподлинных фольклорных явлений.

Нам приходилось изучать современные рукописные песенники-дневники, распространенные среди школьников, студентов училищ. Наряду с аутентичным фольклором, самодеятельным сочинительством туда попадает также множество популярных авторских песен, без обозначения имен, которые, однако, никак нельзя причислить к фольклорным явлениям.

По поводу доклада Т. Смолинской по славянской нарративной традиции хотелось бы заметить, что в нем не хватает упоминаний об украинских нарраторах — эпических певцах, сказочниках, исполнителях эпических хроник. Их портреты оставили украинской фольклористике писатель П. Кулиш в «Записках о Южной Руси» (1856) — о кобзарях А. Никоненко, А. Шуте, Ригоренко; композитор Н. Лысенко — об О. Вересае (1873); фольклорист Ф. Колесса — в работе «Мелодії українських дум» (1910—1913) о М. Кравченко, Г. Гончаренко, И. Кучеренко и др.; о современных исполнителях-нарраторах материал представлен, в частности, в издании «Співанки-хроніки» (К., 1972).

В выступлении Ю. И. Смирнова не совсем правильно оценена деятельность украинского ученого Б. Граниченко, который является серьезным авторитетом в области славянской фольклористики, этнографии, языковедения.

Кирчів Р. Ф. (СССР). Явление письменного распространения, бытования современного фольклора целесообразно рассматривать в связи с соответствующими традициями в прошлом, например, с т. н. «мещанской литературой» в Польше, рукописными и печатными сборниками песен, стихов, анекдотов и т. п. в России, на Украине (XVI—XIX вв.) и др. В них, как и в современных детских альбомах, ставших предметом исследования Д. Симонидес, содержится и фольклор и нефольклор. Поэтому подход к данному материалу должен быть дифференцированным. Весьма важным является изучение искусства народных повествователей, поскольку прежде всего этому искусству обязано и существование самого жанра фольклорного рассказа. Много ценного в разработке вопроса Т. Смолинская могла бы взять из украинского фольклора и этнографического материала, а также из трудов украинских исследователей (П. Кулиша, В. Гнатюка, М. Зубрицкого). Интересные наблюдения и обобщения об искусстве народных повествователей содержится, в частности, в статье И. Франко «Bel parlar gentill» (1906).

Ређен Ј. (Yu). Желала бих да се укључим у дискусију поводом врло интересантног излагања проф. Чубелића о усменом и писаном, везама усмене и писане књижевности. Мене посебно интересује међусобни однос и везе усмене књижевности и средњовековне књижевности, те ћу навести и један пример из српске књижевности.

Крајем XVII — почетком XVIII века непознати састављач написао је «Житије кнеза Лазара», познато у науци као «Прича о боју ко совском». Пишући ово дело састављач је користио српске летописе, «Краљевство Славена» Мавра Орбина, дело непознатог пераштанина,

усмено предавање, а инспирирао се и народним песмама, бугарштицама, десетерачким песмама. Управо због тога, и рукописна «Прича» је први целовит и завршни облик косовске легенде.

Пример овога дела не наводим само зато што се у њему налазе елементе усменога, већ управо стога, што су ти елементи кохерентно уклопљени у једно средњовековно житије.

Овде dakле, није реч о уношењу и преузимању поједињих елемента, већ о таквом синтезу двеју књижевности, да се под утицајем усмене књижевности чак и мења карактер овога средњовековног житија о кнезу Лазару. Могло би се навести још таквих примера. Све то говори о томе, да је тај однос усменог и писаног врло сложен, као и то, да елементи из усменог предања у једном другом медију добијају и нови значај.

5. ПРИНЦИПЫ СВОДНЫХ ИЗДАНИЙ ФОЛЬКЛОРА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В XIX—XX вв.

Дневное заседание 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Gašparíková V. (ČS) — Katalog ľudovej prózy v súčasnom kontexte folkloristického badania u Slovanov (Československá slavistika, Praha, 1983, s. 261—270).

Дей О. І. (СССР) — Методологічна та джерелознавча база видання зводів фольклору слов'янських народів (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів: IX Міжнар. з'їзд славістів. Доп.— К., 1983, с. 270—280).

Фядосік А. С. (СССР) — Прынцыпы класіфікацыі і выдання фальклорных твораў у шматтомным зборы беларускай народнай творчасці (ў супастаўленні са зборамі іншых славянскіх народаў) (Мінск, 1982, 43 с.).

Hrabalová D. (ČS) — Katalogy nářeční a textů moravských lidových písni a jejich význam pro srovnávací studium interetnických vztahů (Československá slavistika, Praha, 1983, s. 271—279).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Horalek K. (ČS). К теории фольклорной систематики и каталогизации (систематика и каталогизация не то же самое) примыкает теория словесного искусства в целом и теория словесных родов и жанров в частности. Специальные каталоги эпических жанров не ограничиваются народной прозой, их можно было бы расширить, если бы мы присоединили к ним целую область т. н. сюжетных жанров, к которым принадлежат не только часть произведений верbalного искусства, но и смешанные жанры, например песенный фольклор и драматические произведения. Если в фольклористику входит изучение т. н. народной литературы, положение становится еще сложнее. В каталогах народ-

чої епіки (нarrативних произведений) при этом следует рассматривать также сюжетные структуры и построения профессиональной литературы.

Плисецкий М. М. (СССР). Мне хорошо известен издающийся ныне свод украинского фольклора, ряд его томов мне пришлось рецензировать. Выполнена очень большая работа: уже вышло 20 томов этого издания, снабженных основательными вступительными статьями. Правда, они не равнозначны, есть более, есть менее разносторонние исследования, но в общем вступительные статьи имеют солидный научный уровень. Хочется подчеркнуть некоторые новации, которыми отмечено это издание. Так, здесь очевидно большое внимание автора к музыкальной стороне фольклора, в том числе к инструментальной народной музике. Возьмем к примеру сборник «Народні оповідання», состоящий из повествований, созданных участниками событий. Это еще не фольклор, это периферия фольклора. От сказа, переходящего из уст в уста, данное повествование отличается тем, что содержит результаты воздействия моторной памяти, которые исчезают при последующих передачах.

Сейчас уже имеется возможность сопоставить некоторые существующие издания сводов национального фольклора. В одних случаях заметен как бы крен в сторону чрезмерной популяризации, ведь свод — это не научное издание, имеющее историческое значение. С другой стороны, встречается и чрезмерная усложненность, как, например, в первом томе таджикского фольклора, посвященном сказке о животных, где текстов мало, но много схем. Их, очевидно, следовало бы поместить в специальном исследовании.

Мы все с нетерпением ждем первых томов издания свода русского фольклора. Это издание должно быть достойно того места, которое занимает русский народ в современной истории. Очень прискорбно, что это издание так задерживается. Оно важно и для ныне выходящих других аналогических изданий.

Будут ли все же расхождения между структурой разных сводов? Они будут. Ведь не случайно, что до сих пор не существует единого принципа теории жанров. Процесс их возникновения оказался гораздо сложнее. Мы должны ясно представить себе, что мы работаем над океаном народного творчества, океаном дышащим, пульсирующим, волнующимся, динамичным; нужно помнить, что не всегда возможны здесь однозначные ответы.

Кирчів Р. Ф. (СССР). Видання зводів національного фольклору — справа надзвичайно великої наукової і загальнокультурної ваги. Доповіді О. І. Дея та А. С. Федосика узагальнюють чималий теоретичний і практичний досвід, пов'язаний з багатотомним виданням українського і білоруського фольклору. Цей досвід варто вдумливо проаналізувати і врахувати при підготовці й виданні інших національних зводів. Вважаю, що більше уваги слід приділити діалектам, які є реальністю в системі кожного національного фольклору, а отже, повинні б знайти і відповідне відображення як у відборі і класифікації текстів, так і у вступних розвідках томів. У зв'язку з цим більш глибокої розробки потребують і самі принципи текстології таких ви-

дань. Принагідно хочу згадати про потребу видання наукової бібліографії з фольклористики кожного слов'янського народу, про доцільність розширення фольклористичної тематики майбутніх з'їздів із сфери відносин фольклору з іншими галузями традиційно-побутової і професійної культури, а також включення тем з етнографії.

Ботезату Г. Г. (ССР). По докладам А. С. Федосика, А. Й. Дея и по изданным томам Свода украинского и белорусского фольклора имеем возможность судить о достигнутых результатах, поразмыслить над эффективностью и перспективами жизненности такого издания.

Издание многотомных сводов, нацеленных на систематическое и основательное научное раскрытие фольклорного наследия, предпринято впервые и свидетельствует об общем развитии фольклористики.

Опыт украинских и белорусских коллег представляет большой методический интерес. Он был использован при подготовке свода «Молдавское народное творчество» в 17 т. Нами учитывались принципы, критерии и опыт составления подобных изданий фольклористами Украины и Белоруссии, НРБ и др. Это касается таких моментов, как учет вариантов, жанровых форм, систематизация произведений и научное комментирование. Это помогло по-новому разработать теоретические и методологические аспекты толкования материала, проблемы происхождения, исторического развития, идеино-тематического содержания поэтики, а также истории фольклористики.

Вместе с тем остаются вопросы, требующие дальнейшего выяснения. В особенности это относится к таким жанрам, как предания, письма в стихах, мемораты, обладающие особой сложностью и неоднородностью.

Важнейшая проблема — уточнение принципов сочетания исторического и функционального подходов, комплексной фиксации особенностей поэтической речи, сопоставительного анализа сюжетов и мотивов и т. д. Полагаю, это требует коллективных усилий и обмена опытом.

Чурак М. (Р). Высоко оценивая издание свода белорусского фольклора, хочу сделать несколько практических замечаний по вопросу издания белорусской народной прозы. Поскольку тома белорусской прозы объединяют огромное количество материала, в нем довольно трудно ориентироваться, исходя из типа сюжета. Систематические указатели белорусских народных сказок (*Бараг Л. Б. Сюжэты, мотывы беларускіх народных казак*.— Мінск, 1978; *Кабашнікаў К. П. Сістэматычны показальнік беларускіх народных казак*: Чарадзейная казкі, ч. 2.— Мінск, 1978) вышли в свет перед изданием некоторых томов белорусской прозы и поэтому не учитывают всего материала. Желательно было бы дополнительно издать систематический указатель белорусской народной прозы с алфавитным указателем сюжетов или алфавитный указатель сюжетов как приложение к своду белорусских народных сказок.

Burlasová S. (ČS). Považujem za šťastnú okolnosť, že v našej sekcií odznel referát O. Hrabalovoj. Etnomuzikológovia majú veľa čo povedať k slavistickej problematike. Brnenský spôsob klasifikácie melódii, ktorý berie za základ ich melorytmický pádorys, vo veľkej miere ukazuje aj súvislosť, slova a muziku, v piesni. Katalóg významnových jedno-

tieky, ktorý je súčasťom brnenskej (iz Brno) katalogizácie sa dokonca dotýka už iba textu. Tento katalóg ukazuje významový, raz rečeno základný spôsob variovania piesní u západných Slovanov, ktorý tvorí jednu z ich špecifických črt. Je to spôsob rozličného kombinovania strof — ktoré často tvoria uzavreté významové jednotky — v jednotlivých variantoch podania. Pohľad na všeslovanskú problematiku je možný iba cez špecifickosť jednotlivých národných kultúr.

Etnomuzikológia môže podstatou mierou pozdvihnuť úroveň týchto bádaní, preto by bolo žiadúce, aby sa dal v budúcnosti väčší priestor etnomuzikológií, ktorá by mohla tvoriť jednu z podsekcii folkloristiky.

Чистов К. В. (СССР). 1) Одобрить издание указателей сюжетов (например, «Сравнительного указателя сюжетов: Восточнославянская сказка» и др.); призвать к дальнейшему созданию национальных и региональных (западные славяне, южные славяне) указателей;

2) одобрить издание национальных сводов фольклора (болгарский, украинский, белорусский) и призвать к их дальнейшему изданию в славянских странах;

3) вновь поставить вопрос о расширении числа докладов по этнографии или о создании подсекции «Народная материальная культура и народное искусство».

Богомольная Р. (СССР). А. И. Дей справедливо указал на то, что наблюдения за живым фольклорным процессом и специальные экспедиции в разные регионы — это основные способы, дающие возможность включить в своды незафиксированный, но очень богатый у славянских народов источник. В связи с этим хотелось бы выразить желание, чтобы в сводных изданиях славянского фольклора нашел отражение славянский фольклор, находившийся в течение долгого времени в иноязычном окружении. Его изучение может способствовать выявлению общих закономерностей развития фольклорного процесса, увиденного во всем многообразии национально-самобытных форм, а также дать наиболее полное представление о сохранности традиций и границах ее изменения, о влиянии иноэтнической среды на разных уровнях. У нас имеются наблюдения по бытованию русского фольклора в Молдавии, изучение которого показывает, что степень устойчивости неодинакова в лирических и прозаических жанрах, различны и формы взаимовлияния устнопоэтических традиций в селах с русским старажильским населением, русско-украинским и русско-молдавским. Возможность сравнения этих материалов открывает новые перспективы для исследования межнациональных фольклорных связей.

Simonides D. (P). Referat O. Gaszparikovej poruszył bardzo istotny problem zwącej dla tych, którzy pracują nad narodowymi syntezami opowiadań ustnych lub nad edycjami tekstów opowiadań. Wiemy, że pierwsze katalogi czy systematyki prozy ludowej miały na cele uporządkowania różnorodnego materiału fabularnego, w jeden zwarty system. Toteż układ wewnętrzny katalogu był według gatunków, a w ich odrębie według tematu. Daje to ogólną orientację ale zarazem ukazuje niedoskonałość systemu.

Proza ludowa jest w dużej mierze z proweniencji międzynarodowej, temat, wątek czy motyw jest łatwo uchwytny. Dopiero występowanie

wątku, popularność jego występowania może być w każdym narodzie innym. I w tym odzwierciedla się narodowy charakter opowiadań ludowych. Właśnie katalogi ułatwiają nam orientację w tym względzie.

Ale opowiadania ludowe żyją, zmieniają się. Dotyczy to zwłaszcza anekdot. To co w Polsce opowiada się o górnikach może być gdzie indziej opowiadane o innej grupie społecznej. Toteż współczesne edycje nie mieszą się już w tradycyjnych ramach katalogu.

Inny problem to brak katalogu podań wierzeniowych, które zajmują blisko 40 % opowiadań ustnych. I tę lukę należałoby wypełnić. Dlatego w pełni się zgadzamy się z postulatami Wiery Gaszparikowej, że konieczne jest opracowanie katalogu słowiańskiej prozy ludowej, według nowych kryteriów z wykorzystaniem doświadczeń gotowych już katalogów.

Довженок Г. В. (СССР). Проблемы, поднятые в докладе А. И. Дея, имеют значение как для эдиционной практики, так и для решения вопросов общетеоретического характера. Пристальное изучение истории текста не только дает в руки исследователей научно достоверный материал, но само по себе ценно для истории фольклористики.

Опыт подобной работы накапливался на протяжении всего периода существования науки о народном творчестве. Но особо остро вопросы определения эдиционных принципов встали во время работы над многотомными сводами национального фольклора. Их создание явилось своеобразным толчком к дальнейшему усовершенствованию и развитию принципов фольклористической критики текста. В процессе подготовки изданий решались многие важные вопросы, связанные с осмыслиением специфики жанровой системы фольклора и классификацией произведений.

Бесспорно, опыт составлений свода одного национального фольклора не может быть механически перенесен на работы с инонациональным фольклорным материалом. Его специфика обуславливает структуру свода, конкретные его особенности. Однако важнейшие принципы, выдвинутые в докладе, несомненно, являются основополагающими для любого национального свода.

Не менее актуальной остается разработка и усовершенствование эдиционно-текстологических принципов в более узком смысле, что особенно существенно при создании сводов, составители которых пользуются материалами, зафиксированными в разных регионах, на различных хронологических срезах, собирателями различного уровня филологической подготовки.

Этот сложный во многих своих аспектах вопрос актуален как для фольклористов республик, где работа над сводами подходит к завершению, так и для тех, кто приступает к ее осуществлению.

Опыт, накопленный в процессе подготовки многотомных изданий, значим не только для конкретной текстологической практики создателей сводов, но важен и для фольклористических исследований в области истории и теории фольклора.

Юзвенко В. А. (СССР). В докладах А. И. Дея и А. С. Федосика убедительно доказано, что научный уровень издания фольклорных текстов во многом зависит от разработки проблем теории жанров, в частности, вопросов классификации фольклорного материала в жанровых

параметрах, поскольку фольклорный жанр — исторически сложившаяся наиболее устойчивая форма отражения явлений действительности, на которую направлено художественное сознание народных масс. В издании сводов украинского и белорусского фольклора достаточно четко выступает единство теоретической и практической системы дифференциации фольклорных жанров.

Общеизвестно, что выделение и научное определение жанров в значительной степени способствует решению современных задач исторического изучения народнопоэтического творчества. К сожалению, в современной фольклористике отсутствует научное определение ряда жанров, не упорядочена еще и классификационная терминология. Нам представляется, что достигнутые наукой знания о фольклоре позволяют решить этот вопрос.

Не менее важное значение имеет учет категории жанра при составлении национальных, региональных и общеславянских каталогов народных песен и народной прозы, что выдвигает задачу более четкого определения номенклатуры жанров в национальных классификациях и выделения типологически общих для фольклора разных народов жанров.

Думаю, что, исходя из методологических и практических задач современной фольклористики, следовало бы проблему теории фольклорного жанра включить в план деятельности Международной комиссии по славянскому фольклору.

Брицына А. Ю. (СССР). Среди вопросов, обсуждавшихся на заседаниях секции, значительное место заняла проблема специфики устной поэтики фольклорного текста. Ее различным аспектам посвящены, в частности, доклады К. В. Чистова и В. М. Гацака. Интерес к данной проблеме представляется симптоматичным. Современной советской фольклористикой накоплен большой эмпирический материал, нуждающийся в осмыслении, сделано большое количество наблюдений теоретического плана. Исследователями рассматриваются основы традиционной поэтики отдельных жанров и фольклора в целом, характер стабильности и вариативности в фольклоре, роль носителя в процессе воспроизведения фольклорного текста, взаимодействие традиционного и индивидуального начал и др. Для углубления дальнейшего осмысливания важных и сложных проблем современной фольклористики целесообразно обратиться к экспериментальным исследованиям, разработать методики осуществления повторных записей. Последующее изучение полученных данных будет способствовать выявлению механизмов устного воспроизведения фольклорного текста и характера воплощения традиционных поэтических стереотипов в процессе их устного функционирования. Необходимость развертывания исследований такого рода подчеркивалась ведущими советскими фольклористами, работы в этом направлении уже ведутся. Расширение жанров, охваченных исследованиями такого характера, несомненно, будет способствовать решению многих спорных вопросов в современной фольклористике.

Секция ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Пленарное заседание 7 сентября

Matula V. (ČS).

Уважаемые коллеги, дорогие друзья! После торжественного открытия IX Международного съезда славистов мы приступаем к работе в его секциях и подсекциях. Прежде чем дать слово первому докладчику пленарного заседания нашей исторической секции, разрешите сказать несколько слов. Этот съезд является уже пятым международным съездом славистов, в работе которого принимают участие на равных правах с лингвистами, литературоведами и фольклористами историки-слависты. Первый раз историческая проблематика была включена в программу V съезда славистов в Софии в 1963 г. после того, как МКС на своем пленарном заседании в Белграде в 1961 г. принял об этом соответствующее решение и когда место истории и историков в мировой славистике и ее органах было закреплено и в Уставе МКС, принятом на его московском заседании в 1962 г. Это важное и бесспорно правильное решение являлось результатом отказа от традиционного филологического понятия славистики и победы ее нового, комплексного понятия, которое соответствует единству и целостности самого исторического процесса и создает предпосылки его всестороннего познания.

За истекшие 20 лет работа историков-славистов стала органической и неотъемлемой частью славистических исследований, которые ведутся в рамках МКС. Свидетельством этого являются наши съезды, и работа двух специальных исторических комиссий — я имею в виду Комиссию по исследованию славянских культур раннего средневековья и Комиссию по исследованию общественной мысли славянских народов — и очень активное участие историков в работе Комиссии по истории славистики, которая за последние годы принесла очень важные и ценные результаты. Но всем этим — и я уверен, что Вы в этом согласитесь со мной — сферы и возможности нашего участия в славистических исследованиях и в работе МКС далеко не исчерпаны и существует еще ряд возможностей, которыми историки могут внести еще более существенный вклад в дальнейшее развитие мировой славистики. Поговорить об этом, обменяться взглядами и принять соответствующие предложения и планы будет возможность на заседаниях нашей секции и на заседаниях упомянутых комиссий. Разрешите пожелать и в этом плане нашей предстоящей работе, нашим заседаниям и неформальным коллегиальным встречам и беседам много успехов и передать слово первому докладчику.

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТАВИЛИ:

Хромов С. С. (СССР) — Развитие советского общества на современном этапе: социально-экономические аспекты (История, культура, фольклор и этнография славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 3—19).

Кондуфор Ю. Ю. (СССР) — Советская Украина в братском союзе народов СССР (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів: IX Міжнар. з'їзд славістів: Доп.— К., 1983, с. 3—271).

Петриков П. Т. (СССР) — Основные черты социального развития Белорусской ССР в составе СССР (Минск, 1983, 28 с.).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Некрасова И. (СССР). Комплексность развития народного хозяйства СССР на современном этапе является одним из основных направлений социалистической экономики. «У нас,— отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС,— сформирован единый народнохозяйственный комплекс страны, накоплен определенный опыт комплексного развития по регионам и узловым проблемам экономики» (см.: Правда, 1983, 16 июня). Одной из узловых проблем является развитие топливно-энергетического комплекса страны. Это вызвано тем, что рост масштабов социалистической экономики, высокий уровень развития производительности труда и увеличение энергоемкости производства повысили роль добывающих отраслей — источника материальных и энергетических ресурсов. Топливно-энергетический комплекс сформирован как совокупность отраслей топливной промышленности и электроэнергетики и представляет собой единую систему разведки, добычи и производства топливно-энергетических ресурсов, их обработки и транспортировки. Для него характерны многообразие взаимосвязей и взаимозаменяемость продукции. В структуре топливно-энергетического баланса в 1980 г. нефть с газовым конденсатом составляла 44 %, природный газ — 26, уголь — 24, атомная и гидроэлектрическая энергия — 2 % (см.: Экономическая газета, 1982, № 2, янв.; Правда, 1981, 30 дек.).

XVI съезд КПСС подчеркнул значение топливно-энергетического комплекса в масштабах производства, роль экономических показателей в развитии отраслей и в росте производительности труда. Поэтому улучшение структуры комплекса приобрело первостепенное значение на современном этапе экономического развития. Нефть, газ и их производные, являющиеся сырьем для развития химических отраслей, стали заменять в большей степени углем и электроэнергией, получаемой с гидравлических, тепловых и атомных электростанций. Электроэнергетика стала тем стержнем, вокруг которого концентрировалось развитие многоотраслевых территориально-производственных комплексов: Братского, Усть-Илимского, Саяно-Шушенского и др. Возросшая роль электроэнергии в условиях роста масштабности производства, повышения его энергоемкости способствовала росту производительности труда, дальнейшему решению социальных задач.

Об опережающем развитии электроэнергетики в 70-е годы свидетельствуют следующие данные: объем ее продукции вырос на 15 %, в то время как всей промышленности лишь на 9 % (см.: Народное хозяйство ССР в 1980 г.— М., 1981, с. 126). Атомные электростанции становятся одним из ведущих направлений в развитии энергетики. Предполагается, что к концу XX в. доля ядерного топлива достигнет 45 % (Коммунист, 1979, № 4, с. 20). Следовательно, электроэнергетика, являющаяся важнейшей частью топливно-энергетического комплекса, не только сама развивается опережающими темпами, но и играет также определяющую роль в формировании новых отраслей и промышленных регионов. Это одна из особенностей развития топливно-энергетического комплекса, показатель основных направлений размещения производительных сил страны. Другим важным показателем является более оптимальное решение развития нефтяной и газовой промышленности, которые обеспечили около 90 % общего прироста топлива в ССР в 70-е годы (Правда, 1979, ноябрь). В 1979 г. в западных районах Сибири добывалось 37,4 % газа и 52 % нефти (Правда, 1980, 5 мая). В 1983 г. проценты добычи соответственно возрастут до 51 и 60 (Правда, 1983, 1 авг.). Возросла роль топливно-энергетического комплекса в решении социальных задач общества — это третья особенность его развития в условиях социализма. Нефтяной пласт Западной Сибири — это огромные богатства, к освоению которых наша страна приступает, опираясь на имеющиеся достижения НТР. В сложном процессе освоения сибирских богатств меняются привычные формы труда и быта жизни коренного населения, работающего на промыслах. Внедрение НТР дает большой экономический эффект.

Топливно-энергетический комплекс развивается сейчас в системе Энергетической программы ССР.

Сохань П. С. (ССР). На пленарном заседании секции были заслушаны три доклада, посвященные историческому развитию и эпохальным достижениям Советского Союза в целом, а также Украинской и Белорусской советских республик в строительстве развитого социалистического общества. Все три доклада, по существу, объединены единой целью: они раскрывают те поистине огромные достижения в социально-экономическом, политическом и культурном развитии, которые достигнуты славянскими народами нашей страны в братской семье многонационального Советского государства. Вместе с тем, в докладах рассматриваются многие теоретические проблемы, связанные с совершенствованием социалистического общества. Докладчики С. С. Хромов, Ю. Ю. Кондуфор и П. Т. Петриков подняли, по мнению сопредседателей этого заседания, ряд интересных проблем о путях формирования единого народнохозяйственного комплекса страны, о сочетании местных, региональных и общесоюзных, а также национальных и интернациональных интересов, о процессах взаимообогащения национальных культур и формирования единой социальной однородности — советского народа, о федеративных основах нашего многонационального государства и др. Думается, что эти и другие поднятые в докладах вопросы, связанные с многогранными процессами совершенствования социалистического строительства, которые в той или

иной степени решают все славянские народы, представляют интерес и для ученых славистов из других стран. Совместное обсуждение их несомненно будет способствовать решению тех больших задач по строительству и совершенствованию социалистического общества, над которыми трудятся ныне народы всех славянских стран.

Эту главную цель и преследовали организаторы данного форума, вынося их на пленарное заседание нашей секции.

1 с е к ц и я

1. ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН В СВЕТЕ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

Пленарное заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Chropovský B., Šalkovský P. (ČS) — Novšie poznatky archeologie k riešeniu etnogenezy Slovanov (Československá slavistika, 1983, s. 151—156).

Седов В. В. (СССР) — Славяне и кельты (по данным археологии) (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 97—107).

Поболь Л. Д. (СССР) — Проблемы славянского этногенеза (по данным археологических источников) (Проблемы славянскага этнагенезу.— Мінск, 1982, 28 с.).

Баран В. Д. (СССР) — Формирование славянских древностей раннего средневековья по новым археологическим данным (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів: IX Міжнар. з'їзд славістів: Доп.— К., 1983, с. 165—179).

Рождественская С. Б. (СССР) — Проявление генетической общности художественной культуры восточных славян в современном народном искусстве (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 123—129).

Громыко М. М. (СССР) — Проблемы, методы и источники исследования этнических традиций восточных славян (XVIII—XIX вв.) (История, культура, фольклор и этнография славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 108—122).

Бандарчык В. К., Чаквін I. В. (СССР) — Проблемы этногенезу беларусаў у працах славянскіх вучоных (Мінск, 1982, 40 с.).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Покровский Н. Н. (СССР). Хотя тематика, связанная с народными представлениями позднего феодализма, в последние годы пользуется возрастающей популярностью, наиболее трудными проблемами оста-

ются методические и источниковедческие. Доклад М. М. Громыко дает новаторский пример успешного преодоления подобных трудностей. Следует особо подчеркнуть заслуги автора в создании типологии источников, в огромном большинстве своем для целей подобного анализа ранее не привлекавшихся и часто вообще неизвестных.

Представляется интересным определение границ и состава предмета исследования. Здесь, вероятно, возможно и расширение — есть источники этнических народных оценок в сфере отношений крестьянских и городских общин XVII—XVIII вв. с феодальной администрацией, государством. Вопреки строжайшему законодательству о «слове и деле» доносительство оценивалось крестьянами как неэтичное поведение. В то же время крестьяне пытались применить это законодательство, исходя из собственных этических представлений — объявляли «государевым делом», подлежащим строгому наказанию, превышение обычной нормы феодальной ренты, мздоимство чиновников и т. д. Вместе с тем, например, нарушение целой волостью господаревой соляной монополии вполне одобрялось крестьянами. Материалы по истории Томского восстания 1648 г. показывают, что городские общины считали неэтичным поведение воевод, пренебрегавших мнением мира.

Bukowski Z. (P). Pragnę ustosunkować się do dwóch kwestii, poruszonych w referacie dr. W. W. Siedowa, dotyczącego stosunków wzajemnych między Słowianami i Celtami w świetle danych archeologicznych. Uwagi moje dotyczą przede wszystkim zawartego tam sformułowania, iż społeczności Europy Środkowej (w tym również i Prasłowianie), zdzięczają znajomość żelaza Celtom, ekspandującym na obszary w dorzeczu Odry i Wisły dopiero w końcu IV w. p. n. e. Nie negując istotnych zasług Celtów w zakresie wprowadzania doskonalszych metod produkcji i technik obróbki żelaza, chciałbym zwrócić uwagę na znacznie wcześniejszą datą zapoznania się przez społeczności Europy Środkowej z tym metałem. W związku z tym uwagi swoje ograniczam do dwu kwestii: a) do omówienia procesu rozszerzania się znajomości żelaza w Europie Środkowej oraz b) do datowania pierwszej fazy celtyckiej w tej części Europy.

a) Źgodnie z najnowszymi badaniami archeologów i specjalistów-metallurgów żelaza, społeczności starożytniej Europy zapoznały się ze wspomnianym metałem między XIII a V w. p. n. e. trzema nieżelaznymi; drogami: 1) wschodnią, tzw. kaukasko-kimmeryjską (przedscytyjską); 2) południową, tzw. przednioazjatycko-bałkańską; 3) zachodnią, tzw. grecko-celtyczką.

Proces wprowadzania w użytku tego metalu obejmował kilka następujących po sobie etapów: 1) pojawianie się importów (głównie pochodzenia azjatyckiego) w postaci przedmiotów żelaznych lub brązowych z elementami żelaznymi; 2) miejscowa obróbka importowanego surowca żelaznego; 3) początki miejscowej produkcji żelaza. Dwa pierwsze etapy przypadały na okres XIII do VIII—VII w. p. n. e.; etap trzeci przypadał natomiast na okres kształtowania się wczesnych Celtów (Protoceltów) oraz ich obecności m. in. w Czechach i na Morawach.

Współczesne badania archeologiczne wykazały (zob. Pleiner R. Die Wege des Eisens nach Europa.— In: Frühes Eisen in Europa, Schaf-

fhause, 1981, s. 115—128; Bukowski Z. Najstarsze znaleziska przedmiotów żelaznych w środkowej Europie a początki metalurgii żelaza w kulturze lużyckiej w dorzeczu Odry i Wisły.— Archeologia Polski, 1981, t. 26, s. 321—401), iż droga tzw. wschodnia odegrała rolę przede wszystkim dla strefy leśnospłotowej Północnego Nadczarnomorza oraz zapewne dla Siedmiogrodu dla Bałkanów oraz w dorzeczu środkowego Dunaju, Odry i Wisły, podstawowe znaczenie odegrała droga południowa, przy czym od VIII—VII w. p.n.e. w związku z wykształceniem się szlaku bursztynowego, łączącego Adriatyk i Płn. Wyspy z wybrzeżami Bałtyku, istotną rolę w poznaniu technologii obróbki i produkcji żelaza przypisać należy illirom, ich wpływom kulturowo-gospodarczym ku północy. Jest to zarazem fazą bezpośrednich kontaktów iliryjsko-prasłowiańskich.

b) Mówiąc o obecności Celtów na obszarze Środkowej Europy, rozróżnić należy dwie fazy ich obecności: 1) tzw. wczesnoceltycką, datowaną co najmniej od VIII—VII do V—IV w. p. n. e. oraz 2) związaną z historycznymi Celtami, uchwytnymi nad środkowym Dunajem od połowy V w., a na obszarach na północ od Karpat i Sudetów od końca IV w. p. n. e. Faza pierwsza związana jest z procesem wykształcenia i istnienia na obszarze Czech dwóch kultur archeologicznych — byłańskiej oraz południowo-czeskiej kultury kurhanowej, natomiast na terenie południowych Moraw — kultury horakowskiej. Nie ulega dziś wątpliwości, iż wykształcenie się tych kultur związane było z przesunięciem się z zachodu liczebnych grup nosicieli o charakterze celtyckim (tzw. wcześni Celtoi), których poważny wpływ w zakresie materialnym i duchownym jest doszczególny ze znaleziska tzw. kultury lużyckiej we wsch. Czechach, półn. Morawach, w Saksonii, wsch. Turingii oraz na Śląsku. Uwzględnienie tego faktu jest ważne dla określenia stratyfikacji i datowania najstarszej fazy kontaktów prasłowiańsko-celtyckich. Faza druga tych kontaktów łączy się natomiast z drugą falą celtycką, reprezentowaną przesuwającą się w kierunku wschodnim. Fala ta objęła najpierw obszary położone na południe od Karpat i Sudetów, które zostały w kierunku północnym przekroczone dopiero u schyłku IV w. p.n.e. Na sam czas datowana jest obecność Celtów na obszarze Ukrainy Zakarpackiej. Powyższymi uwagami chciałbym uściślić W. W. Siedową, wskazując zarazem na możliwość wcześniejszego datowania najstarszej fazy kontaktów prasłowiańsko-celtyckich. Wspomnianej drugiej fali Celtoi m. in. Prasłowianie zawdzięczają wprowadzenie w powszechny użytku doskonalszych metod produkcji i technik obróbki żelaza, które jednak na obszarze prasłowiańskim znane było już kilka wieków wcześniej.

Перхавко В. Б. (СССР). На основе устного выступления Л. Д. Поболя трудно составить объективное представление о концепции славянского этногенеза, поэтому позволю себе задать лишь несколько вопросов докладчику. 1. Из опубликованных материалов раскопок в Тайманове (эталонном памятнике для автора доклада) можно утверждать, что там есть комплексы второй четверти I тыс н. э. и VI—VII вв., но нет комплексов VIII—IX вв. Единственная опубликованная находка VIII в.— маловыразительный фрагмент славянского ножа с волютообразным завершением рукояти, но это единичная находка,

а не комплекс. Какие еще материалы VIII—IX вв. открыты в Тайманове?

2. Как удалось проследить перерастание древностей башмаковской (колошинской, тушемлинской) культуры в достоверно славянские древности раннефеодальной эпохи (типа Луки-Райковецкой или роменской культуры)? В литературе пока никому такого перерастания проследить не удалось.

Шмидт С. О. (СССР). Значение доклада М. М. Громыко велико и выходит за рамки обозначенной в заголовке тематики: показано утвердившееся в советской науке расширение казавшихся еще недавно традиционными представлений об этнографии как о науке, изучающей а) народный быт давних веков, б) быт сравнительно отсталых народов. Теперь становится ясным, что этнография изучает быт, народные представления и народов нового и новейшего времени и тех народов, которые создали высокие ценности в области науки и искусства, письменной культуры. Но все-таки в данном случае изучаются те слои населения, которые могли оставить мало письменных памятников и общественное сознание которых можно сравнительно детально узнать по сочинениям «наблюдателей» со стороны. Это предопределяет особую важность выявления источников базы темы и методики изучения письменных источников, проверки степени их представительности, возможности использования для типологических построений. М. М. Громыко много сделала в этой области. В докладе же выводы и наблюдения ее и других ученых во многом обобщены и в то же время конкретизированы. Эта работа — вклад и в этнографию, и в социальную психологию, и в источниковедение. Хочется, однако, отметить важность использования и некоторых других источников для изучения проблемы. 1. Письменное и фольклорное наследие. Для этой цели можно использовать результаты археографических экспедиций. 2. Церковно-приходские летописи, составлявшиеся примерно с конца 1860-х годов и обязательно с рубежа 1880—1890-х годов в каждом приходе, включающие — несмотря на их клерикальную программу — интересные сведения о населении, его обычаях, его исторической памяти (о крепостном времени, в частности), о связи города и деревни, взаимоотношениях различных слоев сельского населения, развитии грамотности, о запечатлевшихся событиях (голоде 1891 г., событиях 1905 г., первой мировой войне и др.). Следует отметить, что особое внимание на этот источник обратил известный украинский этнограф Левицкий. 3. Архивы ученых, где хранятся собранные ими или по их заданию материалы, зачастую еще не обработанные. 4. Сочинения писателей-современников, причем не публицистов и писателей большого масштаба, а рядовых очеркристов, печатавшихся в провинциальных изданиях и с большой точностью изображавших факты (даже если они и неверно публицистически истолковывались). Все это побуждает продолжить столь успешно начатые исследования.

Смиленко А. Т. (СССР). Идеи доклада Б. Храповского — П. Шалковского близки к выводам украинских археологов. Докладчики полагают, что существовала обширная область славянского этногенеза, в которой проявлялись и местные субстратные черты. Один из очагов

славянского этногенеза авторы доклада усматривают в области т. н. прешовской культуры в Восточной Словакии. Украинские археологи также считают, что область славянского этногенеза была обширной, исследуя отдельные его очаги в Поднепровье, Поднестровье, Прикарпатье.

Как положительное достижение археологов-славистов в последние годы следует отметить концентрацию их внимания на изучении короткого хронологического периода (III—V вв. н.э.), непосредственно предшествующего периоду, который принято считать достоверно славянским (V—VI вв. н. э.).

Седов В. В. (СССР). В основе построений Л. Д. Поболя лежит мысль о том, что полуземлянка была основным видом славянского жилища на протяжении многих веков. Это ошибочное положение. Прежде всего нельзя говорить о жилищах-полуземлянках в целом. В зависимости от деталей строения, интерьера и отопительных устройств они подразделяются на несколько типов. В раннем железном веке полуземляночные жилища известны не только в Поднепровье, но и в ряде других регионов Восточной и Средней Европы. Докладчику следовало бы определить место милоградских и зарубинецких полуzemлянок среди соседних. К тому же нельзя забывать, что эти жилища своими деталями заметно отличаются от раннесредневековых славянских.

Во-вторых, следует иметь в виду, что полуземляночные жилища характерны только для одной из диалектно-племенных группировок славянства. Другие группировки раннесредневековых славян знали наземное домостроительство. Это не доучивается и в докладе В. Д. Барана. Славянская культура начала средневековья была далеко не монолитной. Построения В. Д. Барана относятся к региональным, в них не учитывается взаимодействие славян с другими этносами. Они выясняют вопрос о вкладе населения Поднепровья в этногенез славян, а не решают всю эту проблему в целом, как это представляется докладчику.

Космина Т. В. (СССР). В плане широкой проблематики международного съезда славистов весьма перспективны и актуальны историко-этнографические аспекты докладов советских коллег-этнографов — М. М. Громыко и С. Б. Рождественской.

Привлекая внимание ученых-славистов к проблемам генетической общности разнообразных форм традиционной культуры восточных славян (этики труда, досуга будней и праздника, взаимоотношения поколений, семейных отношений, художественно материализованных предметов быта, декоративно-прикладного искусства и архитектурно-художественного творчества), этнографы углубляют научные представления о механизмах сложения национально-своебразных и общеславянских черт в культуре каждого из славянских народов. Это в значительной степени будет способствовать конкретизации научно обоснованных аргументаций определения этнической принадлежности археологических культур, изучаемых на территории расселения славян, исторической глубины их этнических традиций.

Историко-этнографический анализ генетической природы и современного состояния как этнических, так и художественных традиций

славянских народов позволяет говорить о наличии активного творческого развития прогрессивных традиций восточнославянских народов и активном включении этих традиций в контекст современной народной социалистической культуры.

Небезынтересным представляется необходимость расширения тематики докладов историко-этнографического профиля в программах предстоящих славистических съездов с целью исследования аналогичных тенденций в развитии культурных традиций южных и западных славян.

Zoll-Adamik H. (P). Uwagi moje dotyczą trzeciego, wyróżnionego przez referenta, etapu wzajemnych kontaktów słowiańsko-celtyckich. 1) W etapie tym stosunki między kulturą przeworską a celtycką były na niektórych terenach Polski tak bliskie, że można mówić o mieszanych grupach, kulturowych, wyodrębnionych w literaturze archeologicznej jako grupa tyniecka (w Polsce południowej) i grupa Kruszańska (na Kujawach).

2) Referent nie scharakteryzował wystarczająco czytelnie, szczegółowo dla niearcheologów, argumenty świadczące o fizycznym pobycie celtów w Polsce południowej. Są to — prócz grobów szkieletowych o typowym obrządku pogrzebowym — przede wszystkim dowody lokalnej twórczości rzemieślniczej w stylu celtyckim, np. obróbki żelaza, produkcji malowanej ceramiki celtyckiej czy bicia monet. 3) Nieporozumieniem jest łączenie się grobów szkieletowych w Polsce południowej u schyłku starożytności z wpływami celtyckimi. Po pierwsze oba zjawiska występowania inhumacja dzieli luka czasowa kilku wieków, po drugie fakt zaniku archeologicznie uchwytnych grobów w okresie późnorzymskim przyjmuje się w literaturze przedmiotu za jeden z przejawów tzw. renesansu kulturzy lateńskiej, po trzecie zaś schyłkowo-rzymskie pochówki szkieletowe typu żerniki mieszczą się w tendencjach sepulkralnych, szerzących się wówczas w kręgu kultur germańskich Środkowej Europy. 4) Jeśli chodzi zaś o meritum referatu, to aby jego treść była zgodna z tytułem, musiałby wpierw referent udowodnić, że kultura przeworska różna się kulturze słowiańskiej.

2. КИЕВСКАЯ РУСЬ И ЕЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

Утреннее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Wörn D. (BRD) — Die politischen und kulturellen Beziehungen Rußlands zum Westen im ausgehenden 12. und beginnenden 13. Jahrhundert und ihre Bedeutung für die Kulturentwicklung des vormongolischen Rußlands (Резюме докладов и письменных сообщений: IX MCC.— М., 1983, с. 538).

Sjöberg A. (S) — Pop Upir' Lixyj and the Swedish runic master Ofeigr Upir (Резюме докладов и письменных сообщений: IX MCC.— М., 1983, с. 535).

Birnbaum H. (USA). Zu dem hochinteresanten und inhaltsreichen Referat von Herrn Kollegen Wörn möchte ich nur bemerken, daß bei der Erwähnung des neuen, wichtigen Buches von Robinson über die Kiewer Literatur andere Aspekte — etwa die dort vorgebrachte Perspektive der Kiewer Rus im weiteren eurasischen Raum (letzten Endes auf den sowjetischen Forscher Konrad zurückgehend) — ein wenig zu kurz gekommen sind, während zwar das Fehlen einer befriedigenden Erklärung bei Robinson der Tatsache, daß die feudale Sozialstruktur West- und Mitteleuropas sowie in Byzanz (als Basis, im marxistischen Sprachgebrauch) dort zwar u. a. auch ein gattungsmäßig reich gefächeretes weltliches Schrifttum (Ritterroman, Liebeslyrik usw.— als Überbau) hervorbrachte (während eine entsprechende Literatur in der alten Rus' bei analogen gesellschaftlichen Bedingungen im ganzen fehlte) verzeichnet wurde, dafür aber keine eigene Deutung dieser kultur-sozialen Asymmetrie geboten wurde. Was die Bewertung der Quellen betrifft, so wäre es zwar gewiss wichtig festzustellen, ob die Gattin von Vsevolod Bořsøe Gnezdo eine Ossetin oder eine Tschechin gewesen wäre, aber selbst fals letzteres der Fall wäre, erscheint es mir dennoch nicht sicher, daß der böhmische Einschlag des Uspenskij sbornik (wie etwa die dort enthaltene Forschung der Veitslegende sowie möglicherweise auch älteste überlieferte Version des Vita Methodii unbedingt auf einen solchen westlichen Einfluss zurückzuführen ist), da ja dasselbe Kodex auch rein ostslavischen Literaturstoff, wie etwa das Skazanie von Boris und Gleb (mit allerdings gewissen Anknüpfungen und Parallelen; vgl. die Bezeugung des Wenzellegende auf ostslavischem Boden), ferner die Lebensbeschreibung des Feodosij Pečerskij enthält. Was sonst über westliche, besonders deutsche, Einflüsse und Verbindungen in der Rus' um 1200 im Referat gesagt wurde, fand ich in der Tat überaus aufschlußreich und einleuchtend.

What professor Sjöberg has offered us is indeed a highly interesting, of bold, hypothesis which, if proven correct, would put the old Normanist controversy into an entirely new perspective. For if corroborated, his theory would imply that we not only have to be concerned with the contents of a Scandinavian impact on the political, economic and cultural situation in Old Rus, but conceivably also with an early Russian (as well as, indirectly, Byzantine) influence in Part of Sweden, namely Svealand — or, at any rate, Uppland — given the possibility on the part of the young Russian (Orthodox) Church in this region (as opposed to Grötaland more affected by such eastern ecclesiastic influences). As for proposed reinterpretation of the name of the Old Russian cleric (and scribe) Upir' Lyxyj as ultimately identifiable with that of the Runic master Ofeigr Upir', I find the rejection of R. Jakobson's ethymology of Upir' as meaning "vampire" fairly convincing. What still bothers me is the idea that in the case of the Christian name we would have to do simply with a phonetic adaptation while in the case of the by-name we would have to assume a loan translation of the underlying notion, especially as Lixyj (lixoj, etc.) makes good sense as a standard humility topos transformed into a sobriquet and with a quite different meaning than ON (OSW.) Ofeigr.

Котляр Н. Ф. (СССР). Отмечаю достоинство доклада д-ра Верна, который попытался проследить общие тенденции связей Руси с Западом, их динамику и зависимость от политических и культурных событий в мире.

В то же время не могу согласиться с его утверждением об упадке Киева после 1203 г. Исследованиями киевских археологов последних лет доказано, что Киев вплоть до нашествия орд Батыя оставался крупнейшим экономическим и культурным центром Руси (об этом свидетельствуют продолжение каменного строительства, скопление кладов драгоценных вещей и пр.). Не следует также преувеличивать отрицательные последствия феодальной раздробленности Руси в XIII в. Галицко-Волынское и Владимиро-Суздальское княжества были вскоре после Батыева нашествия восстановлены, а их экономический и политический потенциал и в неблагоприятных условиях децентрализации власти оставался большим. Докладчик исследует в основном влияния Запада на Русь. Но необходимо изучать взаимовлияния, т. е. и обратное влияние Древнерусского государства на страны Запада, прежде всего культурное.

Никитин А. Л. (СССР). Становление независимого Владимиро-Суздальского княжества в середине и второй половине XII в.— одна из ключевых проблем истории и культуры домонгольской Руси. Мне представляется, что д-р Верн правильно уловил основные тенденции этого момента, однако он ограничился лишь их констатацией, остановившись перед детальным анализом событий и их оценкой. Между тем именно здесь мы видим результаты культурных, политических и вероисповедных контактов Северо-Восточной Руси со славянскими государствами Западной Европы. Строительство Андрея Боголюбского во Владимире на Клязьме имеет полные аналогии, вплоть до тождества конструктивных особенностей и второстепенных деталей декора в поздних романских постройках южной Моравии. С «западной» ориентацией культового строительства хорошо согласуется устроение этим князем епископской кафедры в новой столице. Последовавшее вскоре загадочное убийство нового епископа — факт, беспрецедентный в истории Руси,— затем и самого князя позволяют с достаточной уверенностью сказать, что поводом послужило желание Андрея Боголюбского обрести не только политическую независимость от Киева, но и церковную от Византии и греческих патриотов, установив непосредственные связи с Римом. В случае удачи в междуречье Оки и Волги должно было возникнуть новое, независимое от Киевской Руси, государство. В западнической ориентации Андрея Боголюбского убеждает и знаменная повесть об его убиении, возникшая как результат переработки текста повести об убиении св. Вячеслава Чешского, как это недавно показал Г. Ю. Филипповский.

Содержательный доклад д-ра Съеберга об идентификации «Упыря Лихого», переводчика глаголических книг на кириллицу, с мастером рунического письма возвращает наше внимание к ряду вопросов, имеющих первоочередное значение для истории Восточной и Северной Европы. В первую очередь это относится к совершенно неизученной проблеме распространенности славянской литургии и письменности

у западных и балтийских славян. Столь же важно разрешение почти никем не затронутой проблемы множественности одних и тех же топонимов (Киев, Новгород, Чернигов, Ростов и пр.), антропонимов (Ярославль, Святослав, Святополк, Владимир), их эквивалентов (Ярослав/Ярислейф; Борислав/Борислейф/Борис; Владимир/Валдамир и т. п.), наконец, гидронимов (Дунай/Дуна, Двина/Вина, Дон и т. д.). Все это ставит под сомнение традиционные идентификации (Новгород — Хольмгард, Старая Ладога — Альдейгьюборг, или Алaborг и т. д.), заставляя искать более достоверные опорные точки воссоздания историко-географической ситуации эпохи раннего средневековья этого региона. Доклад д-ра Съеберга еще раз напоминает о необходимости поисков балтийского Новгорода, куда отправился из Смоланда шведский мастер рун, на южном, противоположном берегу Балтики, а не на Волхове, как это обычно полагают. Основанием для таких поисков может служить как наличие там же Старгорода, предполагающего вблизи «новый» город, так и свидетельства исландских саг.

Щапов Я. Н. (СССР). В докладе проф. Д. Верна затронут ряд проблем различного уровня. Важны результаты конкретных исследований автором памятников древнерусского прикладного искусства как источника истории культурных связей и общественно-политической мысли. Менее обоснованным представляется заключение докладчика о тесной зависимости развития древнерусской культуры от прогрессивного западноевропейского влияния в XII в., когда Империя обладала политической и культурной активностью, и утрате такого развития после 1200 г., когда эта активность уменьшилась. Имеющиеся в нашем распоряжении факты, в частности правового развития Руси, не подтверждают выводов о том, что это привело к некоторому регрессу: на рубеже XII—XIII вв. наступает новый этап кодификации русского светского и церковного права, причем использование византийских правовых кодексов в XIII в. способствовало становлению и нового этапа развития семейного права. Для противопоставления истории развития Руси и западноевропейских стран вряд ли есть достаточные основания. Важнее проследить черты сходства и различия и попытаться определить их причины. Общим для них является древняя земельско-хозяйственная основа общества и существование крупной земельной собственности, дающей возможность осуществлять в различных формах власть и эксплуатацию трудящегося населения, виды зависимости, начиная от рабов-холопов и кончая полусвободными и лично свободными крестьянами и горожанами; общее христианское мировоззрение в сочетании с местными традициями культуры варварской эпохи. Существенные различия в этих условиях позволяют лучше уяснить специфику различных регионов — место и характер общественно-политического синтеза, преобладание на Руси государственной формы крупной земельной собственности в ущерб развитию аллода, что находит выражение и в централизованной церковной десятине, длительном сохранении дани государству лично свободных крестьян и общин, однако существование и государственности, и раннеклассовой (раннефеодальной) эксплуатации, сменяющихся развитыми отношениями, несомненно.

Не часто приходится знакомиться со столь интересными новыми гипотезами в области международных культурных связей в средневековые, как та, что изложена проф. А. Съебергом. Она может быть сравнена, пожалуй, лишь с открытием Вл. Яниным в Новгороде мастерской византийского художника. Предположения докладчика подтверждают, наряду с основным совпадением имени и особенностями выполненных Упьрем рунических надписей, хронологическое соответствие жизни двух (или одного) мастеров-писцов, а также сама их деятельность, связанная с письменностью на древнерусском или древнеславянском языках. Важно, что оба этих писца (или один) не стесняются называть свое имя в своих работах, показывая тем самым одинаковый уровень своего самосознания. Для меня остается, однако, неясным действительное значение слов «лихвый» и «ofeigr». Нет ли в слове «лихвый» значения христианского уничижительного типа «хитрый», «недостойный», столь обычного в записях писцов? Это кажется естественным в контексте записи. Важный материал для подтверждения высказанный гипотезы могло бы дать выявление шведских элементов его записи и переписанного текста. Существование языковых индивидуальностей шведского Упьра, установленных докладчиком, позволяет считать, что какие-то черты его родного языка могли найти отражение и в его переписке книги пророков из глаголицы в кириллицу, если она действительно сделана шведским ученым писцом, служившим священником в древнерусской церкви. Нужно учитывать, однако, что работы Упьра сохранились не в подлиннике и не в современном ему списке, а в позднейшей традиции, неизбежно ослабившей возможные особенности его работы. Гипотеза проф. А. Съеберга позволяет заново понять целый пласт культурных явлений в жизни Швеции XI—XII вв., русско-скандинавских связей и даже истории Руси, вплоть до нового уяснения значения поставления Илариона митрополита в круг аналогичных церковно-политических акций европейских стран XI в. Это также является свидетельством плодотворности идей докладчика.

Sjöberg A. (S). To Birnbaum. I believe that Ofeigr was his name given at birth. Upir' is the name he chose, when he became a priest. One should have expected a name from orthodox calendar. It is, however, to observe that Upir' is an old swedish translation of the greek name (Angelos).

To Nikitin. There are indications of borrowing from the Byzantine liturgy on Uppland rune-stones. In south Sweden we find latin words from the catholic liturgy such as "Pater Noster" and "the holy Sancta Maria". Instead we find "may God help his soul and the Mother of God" which can be a loan from OR. of. «Bog budi za tem i svjataja Bogorodica». This use of "Mother of God" instead of "Maria" may derive from OCS.— OR. "Bogorodica", the greek Theotokos.

To Scapov. I am quite sure that "lichoj" is a good translation of the old Swedish adjective "Ofeign".

Wörn D. (BRD). Meine These vom politischen Niedergang der vor-mongolischen Rus' bezog sich nicht auf die Stadt Kiev speziell, sondern auf die Gesamtsituation des altrussischen Reiches nach dem Tod Romans

von Galic und Volyn' (1205) und Vsevolods Boſhoe Gnezdo von Vladimir (1205). Die innere Schwachung begünstigte die äußere Schwächung durch Ungarn, Polen, Schwertritter.

Вечернее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Божилов И. (НРБ) — България и Киевска Русия (Резюме докладов и письменных сообщений: IX MCC.— М., 1983, с. 523).

Jacobsson G. (S) — Варяги и «Путь из Варяг в Греки» (Резюме докладов и письменных сообщений: IX MCC.— М., 1983, с. 528—529).

Birnbaum H. (USA) — Микрокультуры Древней Руси и их международные связи: (Опыт определения местных разновидностей одной культурно-семиотической модели восточноевропейского средневековья) (Резюме докладов и письменных сообщений: IX MCC.— М., 1983, с. 521—522).

Fukuoka S. (Japan) — О дневнерусском летописном тексте, повествующем генеалогию первых Рюриковичей (Jap. contribut. ninth intern. congr. slav.— Tokyu, 1983, p. 89—96).

Владышевская Т. Ф. (СССР) — Греко-руssкие контакты в музикальной культуре Киевской Руси (Резюме докладов и письменных сообщений: IX MCC.— М., 1983, с. 521—522).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Хмель И. С. (СССР). Главная цель широкого международного интереса к проблемам славяноведения видится в том, чтобы через раскрытие этих проблем глубже понять проблемы человечества в целом, постигнуть в разнообразии форм и путей человеческой цивилизации общность ее существенных черт и закономерностей. Не во всех докладах эта цель, однако, просматривается с достаточной ясностью. В частности, в докладе г-на Г. Бирнбаума поставленная проблема лишена исторического основания. Это предопределено его методологической позицией, представляющей собой субъективный идеализм. Докладчик свел определенные культуры только к духовным ценностям, а сами эти ценности — к знакам, порождаемым воображением и лишенным реального содержания. В этом г-н Бирнбаум противоречит не только нашему пониманию культуры, но и тем представлениям, которые пользуются приоритетом в американской литературе. Ложная методологическая позиция не позволила докладчику дать правильную периодизацию развития древнерусской культуры, которая соответствовала периодам социально-экономического развития. Бытовавшее в свое время несостоительное утверждение о «византийской модели» древнерусской культуры подменено не менее несостоительным постулированием о внешнем влиянии из нескольких направлений и об образовании на территории Древней Руси соответственно нескольких «культурных ландшафтов» («микрокультур»). Тем самым делается попытка отрицать определяющую роль внутренних факторов развития культуры и то, что

культура Древней Руси, имея общие истоки, шла по пути дальнейшей консолидации. Предлагаемое формалистическое построение, если и имеет смысл, то оно не согласуется с целями науки.

Логвин Г. Н. (СССР). Освещая несомненно важную роль Болгарии в развитии письменности и культуры Руси, следует обратить внимание на один парадокс, который нуждается в объяснении — архитектура Киева и Болгарии разительно отличается. Уважаемый коллега Бирнбаум сделал интересный доклад. Для успеха исследования правомочно выделение отдельных каких-либо черт и особенностей, но такой метод грешит схематизацией и упрощением, а значит, не отвечает действительному положению с региональными культурами Древней Руси. Этим и объясняется, что им выделены только три микрокультуры — Киева, Новгорода и Владимира. Но уже в XI—XII вв. следует выделить и Полоцк, художественное наследие и культура которого имеют яркие черты своеобразия, дающие право выделить его, так же как и художественную культуру Чернигова и Переяслава.

Христианизация Руси до 988 г. прошла долгую историю. Деятели Киева XVII в. выделяли четыре этапа — легендарную проповедь апостола Андрея, отражающую реальные факты проникновения христианства уже в III—IV вв. О развитой церковной организации свидетельствует наличие в Киеве в 944 г. соборной церкви Ильи, а обращение Ольги к Оттону I с просьбой прислать на Русь епископа говорит, возможно, о вакантной кафедре в Киеве. Кроме того, оно говорит о стремлении Руси стать независимой как от Византии, так и Запада.

Перхавко В. Б. (СССР). В докладе И. Божилова показаны особенности развития отношений Болгарии с Русью в IX—XIII вв. и рассмотрены некоторые неблагоприятные факторы, препятствовавшие налаживанию постоянного древнерусско-болгарского сотрудничества на государственной основе. Действительно, налицо и некоторое хронологическое несовпадение этапов развития Болгарии и Руси в IX—X вв., и утрата болгарской государственности в связи с установлением византийского господства в XI—XII вв., и ордынское нашествие на Русь в XIII в. И все же, даже взятые вместе, они не дают оснований для пессимистического заключения относительно возможности развития отношений Болгарии с Русью. Ведь гораздо больше можно назвать благоприятных факторов: и общность происхождения, и отсутствие языковых преград, и территориальная близость (и даже соседство в IX—X вв.), и единство религий, и политические интересы, и, наконец, обояндная заинтересованность в торговом обмене. Не буду останавливаться на связях двух славянских стран в IX—X вв., а перейду сразу к XI—XII вв., когда вследствие византийского господства отношения Руси с Болгарией на государственной основе прекратились, но продолжали сохраняться и даже приобрели более широкий размах: торговые, культурные и церковные связи болгарского народа с Русью. Если в IX—X вв. русы торговали с болгарами лишь на пограничье (на Нижнем Дунае и Черноморском побережье), то в XI—XII вв. торговля охватила и более отдаленные, глубинные районы. Географ Идриси (ок. 1153 г.) сообщает о русском купеческом подворье в Шумене. Имеются и другие письменные свидетельства (русская летопись, грамота

Ивана Берладника, И. Скилица, «Тимарион», Евстафий из Фессалоники и др.). Изделия древнерусских ремесленников найдены в Преславе, Тырнове, Доростоле, Шумене и других средневековых болгарских центрах. Итак, даже в неблагоприятный период XI—XII вв. древнерусско-болгарские связи не прерывались.

Никитин А. Л. (СССР). Попытка нового лингвистического подхода к решению вопроса о действительном «пути из варяг в греки», на мой взгляд, оказалась неубедительной, потому что проф. Якобсон оставил в стороне весь археологический, исторический, литературный и палеогеографический материал, с помощью которого только и возможно решение этого вопроса. К сожалению, он оставил в стороне и наиболее важную аргументацию против традиционного толкования этого маршрута по Днепру, высказанную в 70-х годах XIX в. И. П. Вяземским, а недавно Б. А. Рыбаковым. Полагаю, что единственным реальным «путем из варяг в греки» остается путь из Балтийского моря через Вислу и Одер и верховья Дуная вниз по этой реке до Черного моря — древнейший трансевропейский путь, освоенный еще в неолите (шонянские кремени), активно функционировавший в бронзовом веке и позднее (янтарный путь). К сожалению, столь же односторонне осветил автор и проблему, оставив в стороне основные положения исследователей, позволивших уже давно отказаться от ее локализации на Северной Двине или на побережье Белого моря, утверждая ее идентичность современному району, прилегающему к Западной Двине и Рижскому заливу.

Котляр Н. Ф. (СССР). Доклад проф. Якобсона произвел серьезное впечатление. Он проливает новый свет на, казалось бы, хорошо исследованную проблему. Мне кажется, что предложенный проф. Якобсоном путь по Северной Двине вполне возможен. Во всяком случае лингвистические доказательства, в особенности же топонимические реалии, на которые опирается учений, выглядят убедительными. Конечно же, необходимо время и дополнительные исследования, чтобы увериться в правильности этого предположения. Не могу не высказать своего отношения к попытке критики гипотезы проф. Якобсона (А. Никитин). Почему-то к нумизматическим аргументам особенно охотно прибегают дилетанты, которые, и это понятно, не умеют ими пользоваться. Так и в этом случае. Поверьте человеку, профессионально занимающемуся нумизматикой, что отсутствие кладов монет вдоль Северной Двины не свидетельствует против использования ее в качестве торгового пути: ведь клады зарываются не купцами, они — продукт социально-экономической деятельности местного населения. А берега этой реки в те времена были безлюдными. Никто не сомневается, что в древнерусское время Днепр был оживленнейшей торговой артерией, но много ли вдоль него кладов?

Владышевская Т. Ф. (СССР). Культура Киевской Руси поражает музыкальным богатством разнообразных форм фольклорных жанров — как певческих, так и инструментальных — и разнообразными видами письменной музыкальной культуры: распевы — кондакарный знаменный, погласицы распевного чтения, разнообразные жанры церковного певческого искусства — кондаки, ирмосы, стихирь и т. д.

Музыкальная культура Киевской Руси переживала высокий подъем, подобный тому, который можно видеть в архитектуре, изобразительном искусстве того же времени. Искусство Киевской Руси дало мощный толчок своеобразию национального развития средневекового русского музыкального искусства вплоть до XVII в.

Jacobsson G. (S). Докладчик опровергает критику дискутанта А. Л. Никитин, по мнению которого докладчик якобы не понял его статью в журнале «Вопросы истории» (1976, № 7, с. 56—69). В статье А. Л. Никитин ошибочно, на наш взгляд, отождествляет Северную Двину с Западной Двиной, не обращая внимания на то, что эти реки в древнеисландской литературе имеют различные названия (*Gina*, respective *Dyna*). Его понимание местоположения и географического протяжения Бьермаланда также ошибочно.

Докладчик выразил признательность д-ру Н. Котляру за оценку его доклада и объяснил относительную скучность археологических находок, относящихся к «третьему пути» в Варяжское море, ссылкой на древнеанглийский город *Jorwick* (*Jork*) (по всем историческим документам — крупный центр викингов), где все-таки археологический материал того времени является весьма редким.

Birnbaum H. (USA). Хотелось бы поблагодарить оппонентов, бравших участие в дискуссии по моему докладу. Что касается первого выступления, то там речь шла об определении самого понятия культуры. Конечно, я согласен с тем, что всякая культура имеет две стороны — духовную и материальную. Поэтому я в самом начале доклада подчеркнул, что термин «культура» употребляется мной условно и что я в данном случае буду говорить лишь о духовной (в широком смысле) стороне культуры. Кроме того, понятно, что семиотический подход к явлениям культуры только один среди многих возможных, но так как, на мой взгляд, именно семиотический подход до сих пор систематически еще не применялся (хотя и есть уже целый ряд упомянутых мной специальных работ в этой области, особенно советских ученых), хотелось высказать несколько соображений, правда, предварительноного, но все-таки синтетического характера по этой теме. И еще я должен добавить, что я, конечно, говорил не только об известных внешних влияниях на древнерусскую культуру, но и упомянул также самобытные явления культуры и во всей Руси, и в отдельных ее районах. А что касается того, что мой подход как будто бы свидетельствует о моем «субъективном идеализме», то я считаю, что это, конечно, не так, хотя и признаю, что у нас действительно имеются основные идеологические расхождения. Переходя ко второму выступлению, более конкретному и близкому к фактам и явлениям, затронутым в докладе, хотелось бы сказать, что архитектура занимает в докладе (особенно в более широком его варианте) весьма важное место, хотя я признаю, что именно Полоцк у меня упоминается не на первом плане. Что же касается второго периода, то у меня упомянуты на юго-востоке Руси и Киев, и Переяславль, и Чернигов. Относительно же пяти фаз христианизации Руси мне кажется, что первые две фазы, связанные с св. Андреем и Аскольдом, слишком легендарные (или во всяком случае полулегендарные), для того чтобы серьезно считаться с ними, а фазы,

связанные с Ольгой и Владимиром Святым, обязательно важные, но и так выйдет лишь четыре, а не пять фаз. Наконец, то, что русская форма христианства как будто бы представляет собой особый тип, отличный от византийского, то я мог бы до известной степени согласиться с таким мнением, хотя, пожалуй, с той оговоркой, что это относится не только к Руси, а к славянству вообще, т. е. ко всей деятельности, начатой еще Константином-Кириллом и Мефодием, как это, впрочем, прекрасно показано проф. Ф. В. Марешем.

Божилов И. (НРБ). Възражението, че в България е била разпространена базиликата като основен тип религиозна сграда и поради това българската цивилизация не е могла да окаже сериозно влияние върху архитектурата на Киевска Русия, където е преобладавал куполният храм, не е основателно. Вярно е, че в първите години след приемането на христианството в България в българската религиозна архитектура преобладава базиликата. Но в епохата на цар Симеон, в българската столица Преслав господствуваща архитектурна форма е кръсто-куполната църква. До сега са открити и проучени 21 кръсто-куполни църкви, които могат да бъдат разпределени в три основни типа (вж. Божилов Ив. Цар Симеон Велики. Златният век на средновековна България.— София, 1983, с. 70).

2. Предлаганата периодизация на Киевска Русия е интересна, но трябва да отбележа следното: а) Кръщението на русите от апостол Андрей е легенда; ако се подходи по този начин към българската история, трябва да приемем, че кръщението на българите започва с дейността на апостол Павел, за което имаме сведения в български и чужди извори. б) Българския хан Кубрат — владетел на стара Велика България — е бил покръстен в Константинопол в 30-е години на VII в. Но българската медиевистика не разглежда този акт като начало на кръщението на българския народ, извършено почти две столетия и половина по-късно.

3. а) В началото на моя доклад аз отбелязах, че ще представя само крайно резюме на един по-общирен текст; б) моите усилия ще бъдат съсредоточени в епохата до начало на XI в.; в) аз отбелязах категорично, че началото на по-задълбочените и разпространени връзки между България и Киевска Русия поставя краят на X в., по-точно 989 г. (кръщението на Киевска Русия при Владимир). Дотова време не може да се говори за сериозни връзки, особено в областта на религията, културата и т. н. Неточно е да се твърди, че подобни връзки и влияния са обусловени от общ производ, общ език, обща граница и т. н. Трябва да се държи сметка за сложния процес на формиране на българската народност, която не е само славянска; сериозен принос има местното балканско население (главно траки) и преди всичко пра-българите. За близост в езика най-рано може да се говори от X в. и нататък. Изворите не свидетелствуват за обща граница между България и Киевска Русия. Но дори да допуснем нейното съществуване, само този фактор едва ли би допринесъл съществено за сериозни българо-руски връзки. Необходими са били други елементи, които се появяват едва в края на десетото столетие с встъпването на Киевска Русия във Византийска общност (The Byzantine Commonwealth).

Дневное заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Пашуто В. Т. (СССР) — Древняя Русь — великая держава средневекового мира (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 47—61).

Blankoff J. (В.) — Мнимая проблема: норманнские и антинорманнские теории о происхождении Киевского государства (*Slavica Gandensia*, 1983, N 10, р. 7—23).

Литаврин Г. Г. (СССР) — Киевская Русь, Болгария и Византия в IX—X вв. (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 62—75).

Ангелов Д. (НРБ) — Богомильство и стригольничество.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Котляр Н. Ф. (СССР). Сегодня мы чтим память выдающегося советского ученого В. Т. Пашуто. Он был выдающимся исследователем истории, экономики и культуры Киевской Руси, ее международных отношений. В. Т. Пашуто принадлежал к той славной плеяде советских историков-марксистов, которая открывается именами Б. Д. Грекова и М. Н. Тихомирова, был их сотрудником и последователем, а у Б. Д. Грекова он учился. Труды В. Т. Пашуто сделались классическими еще при его жизни, а это бывает, как мы знаем, не так уж часто. Еще в сравнительно молодом для историка возрасте он создал книгу «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси», которая стала поистине настольной для историков Древнерусского государства, в особенности же работающих на Украине. То же самое можно сказать о многих его сочинениях. Владимиру Терентьевичу были под силу темы, за которые в наше время мало кто берется (я имею в виду синтетический очерк международной жизни Киевской Руси).

О В. Т. Пашуто можно сказать словами Шекспира: «Он человек был!». Всегда горячо интересующийся происходящим в науке и жизни, радующийся успехам коллег и непримиримый к людям, ищущим легких путей, невежественным делателям карьеры, ученый являлся видным организатором науки. Созданный им сектор истории древнейших государств на территории СССР продолжает свою жизнь. И наш сектор истории Киевской Руси во многом обязан своим возникновением Владимиру Терентьевичу. Почтим же его светлую память!

Тъпкова-Займова В. (НРБ). 1. Отдавам почет на делото на В. Т. Пашуто. Обръщам внимание по-специално на организацията на Корпуса по история на най-старите държави на територията на СССР. Това ценно начинание се осъществява и със сътрудничество на специалисти от други страни.

2. Спират се на първо място на третата част от доклада на Г. Г. Литаврин. Там са засегнати главно культурните връзки между Бълга-

рия и Русия, изтъква се значението на българската писменост и паметници за духовното развитие на руските земи, допълват се в това отношение и някои части от доклада на В. Т. Пашуто.

Обръщам специално внимание на първата и втората част от доклада. Съгласна съм с предложената хронология. Заслужава да се изтъкне, че авторът успешно обрисува значението на руската търговска флотилия, като допълва археологическите изследвания на Воронин.

В изследването на търговията по Черно море би трябвало да се разшири триъгълника Византия — България — Русия и с ролята на печенегите. Руските кораби се чувствуват на сигурност след устията на Дунав (вероятно след втория ръкав), защото оттам «започва България», която ги пази от печенегите. Затова очевидно България играе важна роля в договорите между Византия и Русия (макар това и да не е означавано всеки път по конкретен начин). България участвува в организацията на тази търговия, която може би не е само транзитна. Покрай ролята на Месемврия, която заслужава още да се изследва, е интересно да се обърне внимание и на Девелт — бил ли е пристанище в този период? Накрая засягам въпроса за Херсон: съгласна съм с Литаврин, че той играе решаваща роля по-късно. Мисля дори че Херсон е в основата със Святослав.

Божилов И. (НРБ). Изследванията на Г. Г. Литаврин през последните години представят нова картина на руско-византийските отношения. Особено интересно в представения доклад е опитът да се намери място на България в тези отношения.

Бих искал да се спра само на един момент, а именно: мястото на Месемврия в руско-византийските отношения. Добре известен е фактът, че в Месемврия, когато градът е бил византийски, е съществувала митница. За това добре говорят и публикуваните печати на комеркиарин (Zacos—Veglery). Но тези печати са предимно от IX в. От друга страна трябва да се държи сметка за променлива съдба на Месемврия: до началото на IX в.— византийски, от 813 г.— български; от шестдесетте години на IX в.— отново византийски. Следователно, въпросът е: дали циларският пасаж от «*De adīlī*traudo īmpērīo**» е валиден за целия период на руско-византийските отношения или се отнася само към последните години, предшествуващи съставяването на Д. А. I. Аз лично склонен да поддържам второто мнение.

Перхавко В. Б. (СССР). В докладе Г. Г. Литаврина четко определено място и роль Болгарии в системе древнерусско-византийских отношений IX—X вв. Автором доклада на основе анализа византийских источников и russkoy летописи сделаны достаточно убедительные выводы, которые подтверждаются и другими данными, в частности, относящимися к торговым связям. Действительно, нельзя искусственно изолировать рассмотрение русско-византийских торговых отношений от торговли Руси с Болгарией и наоборот. Как справедливо подчеркивают исследователи (Г. Г. Литаврин, Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров и др.), против такого подхода свидетельствуют условия плавания русов через Болгию в Константинополь. И не только это, но и статьи болгарского, византийского и древнерусского экспорта и импорта. Русы продавали болгарам часть предназначенных для Византии товаров

(меха, кожи, воск, рабов), а в обмен получали от болгарских купцов как местные, так и византийские изделия. Так, арабский автор Ал-Масуди (Х в.) говорит о торговле русов с «областью Бургар» (Дунайской Болгарией) и о продаже «бурджанами» (болгарами) славянских рабов в Константинополе. Труднее привлечь данные археологии, так как упомянутые традиционные древнерусские товары археологически неуловимы. Но, к счастью, на Руси обнаружены находки товаров, поступавших с Балкан. Сходство форм амфорной тары и даже идентичность клейм амфор (из Диногеции и Свиштова на Нижнем Дунае и из Киевщины), наблюдения над топографией и составом византийских монет на территории Руси, распространением поливной посуды, византийских украшений и других предметов роскоши заставляют предположить, что часть этих товаров попала на Русь не прямо из Византии, а через Болгарию в результате болгаро-русских торговых сделок на Черноморском побережье, а также на Нижнем Дунае. Думается, дальнейшее углубленное рассмотрение этой проблемы и историками, и археологами приведет к новым интересным результатам и выводам, как в докладе Г. Г. Литаврина.

Бегунов Ю. К. (СССР). В своем докладе акад. Д. Ангелов обратил внимание на типологическое сходство учений болгарских богомилов и русских стригольников и тем самым сделал еще один очень важный методологический шаг в изучении проблемы. Ведь прежде всего было бы необходимо изучить религиозно-философскую систему их воззрений, описать их учения с точки зрения общей теории систем, объяснить факты совпадений и расхождений их учений либо общностью социальных условий, их породивших, либо генетически. Фрагментарное состояние источников пока еще не позволяет решить эту интереснейшую проблему окончательно. Но факты широкого распространения во многих списках на Руси тех апокрифов, которые читали богомилы («басни и кощуны» попов Черешни и Богомила), а также противобогомольной полемической литературы («Беседы» пресвитера Козьмы и многочисленные отрывки и компиляции из нее) говорят о том, что «не было дыма без огня»: с богомильскими взглядами или их отголосками боролась на Руси воинствующая церковь. Стригольники знали богомильский апокриф «о древе разумнем» и привлекали им народ к своей ереси. Доклад акад. Д. Ангелова открывает нам новые горизонты исследования.

Покровский Н. Н. (СССР). Доклад акад. Д. Ангелова с сопоставительным анализом основных черт идеологии богомилов и стригольников — весьма ценный вклад в изучение истории развития идеологии в обеих странах. Его выводы хорошо согласуются с результатами советских исследователей, в том числе Н. А. Казаковой, Я. С. Лурье. Предложенную автором четкую схему сопоставления этих двух идеологических систем интересно сравнить и с третьей системой — моделью «народного православия» русского позднего феодализма. Эта модель значительно отличается от догматики никейско-константинопольского символа веры, но в то же время ее нельзя свести, как это часто делается, к языческим пережиткам — недаром крестьяне сами называли себя христианами, православными.

Если сравнить систему взглядов «народного православия» с предложенной акад. Б. Ангеловым системой богомильско-стригольнических взглядов, то обнаружится ряд важных различий и существенных сближений. Принципиальным является то, что на русское крестьянское мировоззрение нельзя в сколько-нибудь полном объеме распространить богомильско-стригольнический тезис: «Христос — прост человек». Нельзя говорить и о националистическом отрицании христианской символики, живописи и т. д. Вместе с тем несомненная близость к богомильским взглядам видна в отношении церковной иерархии, мнении о возможности спасения вне официальной церкви или вообще вне церкви, учительства со стороны не-иероев, в распространении исповеди без священника, молитвы вне храма и представления о том, что каждый человек есть храм. В том же плане важен и дуализм крестьянских представлений.

Килиевич С. Р. (СССР). Нормандская проблема — вопрос о роли норманнов в истории Древнерусского государства и развитии древнерусской культуры с середины XVIII в.— была одной из наиболее острых в исторической науке. Более полтораста лет длились споры между норманистами и антинорманистами. Как указывалось в докладе, в изучении этого вопроса исследователи приходили иногда к совершенно противоположным выводам, что способствовало развитию этой полемики.

Автор доклада на основании изучения источников и результатов археологических исследований отдельных некрополей, городищ, древнерусских городов приходит к выводу, созвучному с позицией передовой науки, о том, что процесс развития Древнерусского государства явился результатом не варяжского влияния, а многовекового развития производительных сил и общественных отношений восточных славян. Как и советские исследователи, автор доклада не отрицает присутствия варяжского элемента в различных местах Древней Руси. Они оставили следы своего пребывания, а те, которые поселялись в древнерусских землях, ассимилировались.

Проф. Бланкофф приводит примеры исследования археологических памятников в основном северного региона — Гнездова, Ладоги и др. Очень острые споры со стороны норманистов были в вопросе возникновения Киева, который неотъемлем от проблемы образования Древнерусского государства в целом. Так, Т. Арнэ утверждал, что три старых поселения, размещенных на киевских горах, превратились в город только после прихода варягов, т. е. не ранее IX в., а другие приписывали варяжский характер некрополю у Десятинной церкви. Действительно, в погребальных комплексах Киевского некрополя IX—X вв., а также в отдельных районах города найдены некоторые вещи скандинавского происхождения. Это, в основном, скорлупообразные и кольцевые фибулы. Эти единичные находки наряду с характерным обликом всех славянских элементов погребального обряда и многочисленного разнообразного инвентаря убедительно свидетельствуют о незначительной роли скандинавского влияния в сложении высокой культуры Киевской Руси.

Жуков Д. А. (СССР). В «Повести временных лет» говорится, что на

берегах Варяжского моря жили: «варяги, свеи, урмане ...». Проф. Бланкофф выдвигает на передний план норманнскую теорию под видом объявления «мнимыми» теории норманистов и антинорманистов, приняв как данное, что варяги — норманны (урмане или свеи?). Последнее время существует тенденция игнорировать труды русских учёных, доказывавших славяно-прибалтийское происхождение варягов (А. Ф. Гильфердинг, Н. С. Державин и др.). Обращая внимание в раскопках на вещи скандинавского происхождения, археологи не учитывают того, что в варяжские воинские формирования могли включаться и скандинавы. Попытка объявить Рюрика легендарной личностью не спасает положения. Отцом Игоря Рюриковича была все-таки конкретная личность, тесно связанная родственно или династически с Новгородом. Вопрос о том, кто такие варяги, остается открытым. Доклад проф. Бланкоффа льет воду на мельницу норманистов, стремящихся доказать заемность русской государственности.

Седов В. В. (СССР). В связи с выступлением Д. А. Жукова необходимо заметить следующее. Исследователей, которые рассматривают варягов выходцами из Скандинавии, нельзя считать норманистами. Вопрос об этнической принадлежности летописных варягов обсуждается только в околонаучных кругах, не знакомых с фактическими данными современной археологии и палеоантропологии. Между тем научные факты неоспоримо свидетельствуют о скандинавском происхождении варяго-норманнов. В частности, при раскопках Старой Ладоги исследовано старое кладбище около Ц. Климента, где, судя по письменным источникам, хоронили варягов. Анализ черепов из этого могильника показывает их принадлежность северному антропологическому типу и тождественность скандинавским. Археология (особенности погребальной обрядности, вещевые находки, рунические надписи и др.) также дают все основания утверждать, что варяги русских летописей были выходцами из Скандинавии.

Афонин Ю. И. (СССР). Анализ выступлений докладчиков и их оппонентов дает основание считать, что они, ссылаясь на письменные источники, недостаточно учитывают политические позиции авторов этих источников, в том числе и «Повести временных лет» (ПВЛ), написанной представителями православной церкви в период ее борьбы за укрепление своих позиций на Руси. Поэтому целью ее написания было доказательство «законных» прав Рюриковичей (причем только тех, кто покровительствовал церкви) на киевский престол.

Исходя из этих позиций, авторы ПВЛ и производили подборку и обработку фактического материала, отбрасывая или упоминая вскользь все, что считали несоответствующим поставленной ими цели. Видимо, поэтому в ПВЛ называется только один путь «из варяг в греки» — тот, которым прошел Олег, а затем пользовались и другие киевские князья, несмотря на то, что вполне логично предположение о других удобных путях по Северной Двине (Якобсон), Одеру, Висле (Никитин), которыми также пользовались.

Следовательно, при использовании источников такого рода необходимо не только построчное, но и междустрочное прочтение. В его пользу может свидетельствовать доклад Фукуока, выявившего сов-

падения в смертях Олега и Игоря после заключения договора с Византией. Если же к этому прибавить такие же совпадения в смертях Святослава и Владимира, а затем занятие престола Святополком, названным летописцами Окаянным, то возможно предположение о существовании сильной антивизантийской оппозиции в окружении киевских князей, о чём пытались умолчать летописцы.

Считаю, что подобные «прочтения между строк» с учетом политических позиций авторов источников позволяют сделать новые открытия и устраниют поводы для споров по некоторым «темным» местам.

Головко А. Б. (СССР). Прозвучавший на нашем заседании доклад В. Т. Пащуто — это квинтэссенция его многогранного творчества в области изучения внешней политики Древней Руси. Особый интерес вызывает исследование ученым закономерностей развития международных связей Руси, влияние на них различных факторов: социально-экономических, внутриполитических, культурных, церковных.

Большим достоинством штудий историка является то, что его внимание постоянно нацелено на установление имманентной связи социально-экономического развития и внешнеполитической деятельности. Это позволяет объяснить закономерности международных связей и установить их хронологию. В. Т. Пащута высказывает мысль, что между Русью и рядом ее соседей существовала устойчивая многолетняя система межгосударственных союзов. Проведенное исследование русско-польских отношений второй половины XI — первой трети XII в. привело нас к выводу, что в контактах двух стран ведущей тенденцией было стремление к поддержанию и укреплению политического и военного союзов. В. Т. Пащута обращает особое внимание на то, что на Руси и в Польше не существовало групп, заинтересованных в широкой экспансии по отношению друг к другу. Это мнение полностью согласуется с итогами нашего изучения этих связей на протяжении длительного периода (Х—конец 30-х гг. XIII в.). Наконец, автор подчеркивает важную мысль, что Русь в своей дипломатической деятельности и на Западе, и с Византией руководствовалась не узкоцерковными, а политическими, государственными интересами. Подводя итоги, хотелось особо отметить, что теоретическое наследие видного советского ученого В. Т. Пащуто является важным стимулом в последующей работе советских исследователей в области истории Древней Руси.

Литаврин Г. Г. (СССР). Основная причина моего решения выступить с заключительным словом после дискуссии — опасение, что частным выводам моего доклада может быть придано неоправданно широкое значение. Отвечая на интересное (содержащее свежие археологические данные о роли Херсона) выступление С. А. Беляева, следует подчеркнуть, что я отнюдь не хотел умалять значение Херсона в качестве посредствующего звена в торговых связях Древней Руси и Византии. В данном случае Херсон попросту был вне рамок доклада. Впрочем, роль Херсонской фемы в византийско-русских отношениях не была одинаковой — она менялась со временем и, в частности, в середине X в. заметно снизилась. В этом я совершенно согласен с выступавшей в дискуссии проф. В. Тыпковой-Займовой.

Я весьма благодарен моему болгарскому коллеге Ив. Божилову за замечание, что Моимврия не была в первой половине X в. непрерывно византийским городом, как можно подумать, читая текст доклада (или слушая его резюме). Лишь с 927 г. действительно можно говорить с уверенностью, что Моимврия по договору между царем Петром и Романом I Лакапином была признана имперским городом. Мне следовало бы оговорить это специально.

Теперь о моем отношении к старой теории о болгарском происхождении Ольги. Насколько помню, основанием этой теории является летописное (Новгородская летопись) указание, что Олег «привел» Игорю «жену из Плеснова». Известно, сколь серьезные выводы делались из этого в историографии (например, о введении христианства Охридской архиепископией и т. п.). Я не берусь решать эту проблему, которая опирается во многом на чисто лингвистические (этимологические) изыскания. Вообще я считаю не столь важным вопрос об этническом происхождении государыни Ольги. Важно, что она выражала интересы господствующего класса Древней Руси, действовала на троне как русская княгиня.

Dolmanosh (H). На наших конгрессах специально еще не были затронуты вопросы личной защиты и государственной безопасности русских государей, хотя эта защитная система во многом способствовала поднятию международного престижа Киевской Руси.

В противовес буржуазной исторической науке, объясняющей привозные передвижения русских государей и главные проблемы княжеского двора этих веков исключительно как собирание дани и прежде всего как якобы вообще капризные, субъективные решения князей, мой письменный материал доказывает, что в системе защиты государства и строительства резиденций княжеского двора решительную роль играла феодальная политика безопасности и военной стратегии.

Военные победы русского средневековья основывались в значительной мере на определенных боевых приемах русских войск. Эти приемы с течением времени все больше превращались из спонтанной системы обычаем в сознательное военное искусство. Упомянутые боевые приемы в условиях затиснутости России среди внешних врагов (К. Маркс) требовали для подготовки победных контрнаступлений организованных отступлений государей (по европейской терминологии — реги-фугий — от слова *регифугиум*) и связанную с ними вербовку войск. Острие этих «побегов» по причине безопасности указывало часто на север. Метод временных отступлений русских государей и серия их контрнаступлений образуют яркую параллель с другими подобными европейскими явлениями. Эти приемы объективно соответствовали друг другу.

Великие князья распоряжались помимо своих первопрестольных крепостей и внешними крепостями-близнецами, резиденциями на смену. Обычно двор князя шел в убежище именно в эти крепости во время особенно сильных вражеских наступлений, внутренних заговоров или массовых народных движений. Моя студия среди прочих занимается системами Вышгорода под Киевом, городища Брониц близ Новгорода, северными убежищами Костромы и Белоозера.

Оказывается, что к городам и крепостям основных княжеских резиденций всегда традиционно примыкает ближняя или дальняя крепость-убежище (либо целая система последних). Этот резиденциальный порядок, вопреки ошибочной трактовке западноевропейской и американской буржуазной исторической литературы, является в России относительно постоянным, длительным.

Письменный материал объясняет более быстрое политическое выдвижение Москвы в эпоху средневековья по сравнению с Новгородом. Наряду с благоприятными экономическими условиями она обладала развитой системой военной защиты. Он ставит во взаимосвязь с политикой безопасности тот факт, что крепость Москвы создавалась первоначально как передний замок Владимира, как залог его безопасности. В самой Москве, как и в Киеве и Новгороде, создавалась система дворов безопасности, получившая более широкое развитие, чем в упомянутых центрах. Из этого следовало, что московские великие князья предпочитали жить преимущественно вне Кремля-города, например, в западной области Москвы, в городе Занеглименье, недалеко от дворов великой княгини: на той стороне, которая лежала еще дальше от зоны возможных нападений врага.

Студия выдвигает на передний план историю возникновения и процветания так называемого княжеского «уголя» в городе Занеглименье как одного из важных центров политики безопасности московских великих князей.

Что касается эпохи Василия III, периода завершения классических защитных отступлений, « побегов » русских государей, то методы безопасности этого особенно осторожного великого князя с его практикой менять крепости и резиденции сопоставляются с жизненными обстоятельствами и дворцовыми порядками французского короля Франциска I. Материал дает описание дальнейшего усиления южного военного центра Московского государства (Коломны, Тулы), находящегося ближе к врагу, чем другая московская резиденция — пригородное Коломенское.

В конце концов накопленные опыты русского военного мастерства помогают нам лучше понять и объяснить историю следующего XVI в., много раз стоящую в центре горячих споров. И что еще важнее: давние исторические опыты в значительной мере направляли русских государей в последующую эпоху в их борьбе с различными вражескими силами.

Пленарное заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Hensel W. (P) — The contacts of Polish territories with Kiev Russia. Main lines (Резюме докладов и письменных сообщений: IX MCC.— М., 1983, с. 528).

Bialeková D., Ruttikay A. (ČS) — Beziehung der Kiever Rus zum Gebiet des östlichen Teiles Großmährens im 5.—10. Jahrhundert (Резюме докладов и письменных сообщений: IX MCC.— М., 1983, с. 520—521).

Медынцева А. А. (СССР) — Начало письменности на Руси по археологическим данным (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 86—96).

Висоцький С. О. (СССР) — Київські графіті XI—XII ст. (рус.). (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів.— К., 1983, с. 132—145).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Перхавко В. Б. (СССР). Проблема польско-русских отношений давно уже находится в центре внимания польских историков и археологов. Обрисованная в докладе акад. В. Хензеля всеобъемлющая картина развития связей Польши с Русью во всех областях культуры базируется на результатах многолетних исследований самого автора и других польских археологов и историков (С. Александровича, З. Гильчер-Курнатовской, Я. Яжджевского и др.). На первом этапе изучения этих связей, в 50—60-х годах XX в., были опубликованы сводки находок древнерусских изделий в Польше на основе внешнего сходства с материалами из Руси. Причем в ряде случаев к древнерусским импортам были причислены собственно польские вещи (например, часть поливных глиняных писанок и шарообразные погремушки с бугорчатыми выступами, часть белоглиняной посуды и украшений). В 70-х годах начался второй этап исследования польско-русских отношений, на котором уточняется список древнерусских товаров. Выяснилось, что уже в XII в. польские мастера освоили с помощью древнерусских ремесленников секреты стеклоделия, изготовления поливных изделий, некоторых украшений, бытовых предметов и оружия. Число находок древнерусских товаров в Польше либо изготовленных по русским образцам польскими ремесленниками вещей с каждым годом растет. Археологические материалы убедительно свидетельствуют о благотворном влиянии древнерусско-польского сотрудничества на процесс культурного развития обоих славянских государств и народов IX—XIII вв. И это хорошо показано в докладе В. Хензеля.

В отличие от польской историографии в чехословацкой археологической науке изучение связей с Русью находится пока на начальном этапе. Если некоторые археологические свидетельства контактов Чехии и Моравии с Русью опубликованы в работах А. В. Флоровского, Й. Схрапича, Я. Квета, Р. Турека и И. Нехватала, то о связях Руси с населением восточных областей Великой Моравии, т. е. Словакии, пока не вышло ни одного исследования. Тем более заслуживает внимания и одобрения попытка словацких археологов Д. Бялековой и А. Рутткай восполнить данный пробел. Основываясь на анализе письменных источников и археологического материала, авторы доклада совершенно верно наметили три аспекта проблемы: 1) связи в предвеликоморавский период V—VIII вв.; 2) отношения с Великой Моравией в IX в. и 3) великоморавское влияние на Русь в X—XI вв. Д. Бялекова и А. Рутткай хорошо показали параллели в развитии Руси и Словакии на протяжении изучаемого периода. Археологичес-

ких материалов, показывающих прямые связи обоих регионов, пока открыто мало (височные кольца западнославянского происхождения из Волыни, Среднего и Верхнего Поднепровья и Поднестровья). Будем надеяться, что будущие раскопки словацких археологов значительно дополнят этот список и позволят уточнить наши представления о непосредственных связях Руси с населением Словакии в V—X вв.

Лысенко П. Ф. (СССР). Доклад проф. В. Хензеля посвящен проблеме контактов Польши и Киевской Руси в конце I — начале II тыс. н. э. Археологические материалы и письменные сообщения подтверждают существование многоплановых контактов западных и восточных славян. Исследования погребальных памятников установили пределы расселения дреговичей и мазовшан, мирный характер их взаимоотношений (С. А. Дубинский, К. Мусянович, Т. Раугут). Политические взаимоотношения Киевской Руси и Польского государства характеризуются чередованием попыток стабилизации путем заключения династических браков и периодов военной конфронтации с целью усиления своего влияния в Побужье (взаимные походы 1017, 1022, 1044, 1073, 1098 гг. и т. д.). Существование оживленных экономических связей подтверждается большим количеством подвесных товарных пломб, найденных в Дрогичине над Бугом. Очевидно, здесь располагался пограничный торговый контрольный пункт (Н. П. Авкариус, Болсуновский, В. Л. Янин). Многочисленность находок этого типа свидетельствует об интенсивности транзитных торговых связей между Киевской Русью и Польшей (и Западной Европой), осуществлявшихся по этому водному пути. Материалы археологического изучения древнего Берестя на Буге, располагавшегося у западного Побужья, также свидетельствуют о контактах с соседними мазовшанскими племенами (круглопроволочное височное кольцо с s-видным завитком, фрагменты керамики мазовшанского облика, свинцовевые товарные пломбы дрогичинского типа). Относительно небольшое количество импортных предметов в Берестье позволяет высказать следующие предположения. 1. Очевидно, две соседние славянские страны — Киевская Русь и Польша — находились на одном уровне социального и экономического развития, и ни одна из них не была в состоянии оказать решающего влияния на экономическое и культурное развитие другой. 2. Очевидно, частые военные конфронтации в раннем средневековье препятствовали свободному проникновению товара в соседние страны через четко фиксированные границы. 3. Очевидно, ввиду одинакового уровня социально-экономического развития Польши и Киевской Руси отсутствовала необходимость в обмене широким ассортиментом бытовых товаров повседневного употребления. Спрос местного населения на эти товары удовлетворялся местным производством.

Жуковская Л. П. (СССР). В содержательном докладе А. А. Медынцевой мое внимание особенно привлекли два вопроса: прочтение надписи, которая вошла в науку как «Горухща», и сведения об оружиях письма X в. на бересте.

Докладчик сообщает, что писала появляются на рубеже IX—X вв. и исчезают на рубеже X—XI вв. Необходимо было бы сказать, что после этого периода новгородцы употребляли более скромные писала

иных форм, иначе возникает вопрос, чем же писали новгородцы в XI—XV вв., от которых известно уже 600 берестяных грамот.

Надпись на корчаге из Гнездова под Смоленском А. А. Медынцева использует для аргументации гипотезы С. А. Высоцкого и моей о существовании «неустроенного письма» у славян, о котором писал Черницец Храбр. В качестве гипотетического мы предложили чтение «горюча» — именительный падеж множественного числа в вещественном или собирательном значении — как слов *чернила, румяна* и т. п.; по происхождению это средний род причастия в древнерусском его варианте (ср. *горючие слезы: сидючи, глядиючи* — в фольклоре) действительного залога настоящего времени. О его прочтении нами и значении см. в книге «Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI—XVIII ст.» (К., 1981, с. 13—14).

Если указанная гипотеза А. А. Медынцевой (и наша) имеет основания, то это еще аргумент в пользу того, что славяне могли употреблять полуупорядоченное греческое письмо, подобное открытой С. А. Высоцким азбуке Софийского собора.

Слабое место у всех нас в том, что Гнездовскую надпись археологи датируют X в., когда уже существовало отличное письмо кириллицей (38 букв), которое включало все необходимые славянам греческие буквы и новые буквы, необходимые фонетической системе славян, но отсутствовавшие в греческом алфавите.

Проблема происхождения славянского письма становится все более интердисциплинарной. Это не может не радовать. Раньше ее занимались преимущественно лингвисты, теперь — представители археологии. В силу специфики материала очень содержательный доклад С. А. Высоцкого был оглашен только в извлечениях. Каждому интересующемуся необходимо читать доклад полностью: в нем много нового даже по сравнению с двумя фундаментальными книгами автора, вышедшими ранее. Очень радует, что автор продолжает думать над своей гипотезой, и мысль об «омеге» как последней букве алфавита (ср. выражение: «от α до σ ») свидетельствует, что азбука эта закончена. Докладчик демонстрировал надпись 1150 г. из киевских пещер. В ней есть буква *s* в древнем грецизированном написании с головкой, повернутой вправо, как в современном латинском «*s*». Между тем даже в Мстиславском евангелии, написанном на рубеже XI—XII вв., употребляется только «зело» с головкой, повернутой влево, т. е. как в современном скорописном (см. об этом: Алракос Мстислава Великого.— М., 1983, с. 15 и рис. 8, л. 41). Материалы С. А. Высоцкого свидетельствуют, что более ранние начерки в эпиграфике задерживаются дальше, чем в письме пергamentных рукописей.

Относительно написания чисел второго десятка с числом десятков впереди, т. е. $\text{ia} = 11 /$, а не $\text{ai} = 11 /$, в киевских надписях аналогичный материал содержится в Реймском евангелии, кирилловскую часть которого Анна Ярославна привезла с собой во Францию, и в Изборнике Святослава 1073 г.

Сакович Г. Н. (СССР). Содержание доклада А. А. Медынцевой (писала) гораздо уже его названия. В докладе упомянуты такие типы письменности в находках, как руническая, неустроенная кириллица и

куфическое письмо. Я обратил внимание подсекции и на другие — например, нерасшифрованную надпись типа не совсем рунического на пряслице, найденном математиком и краеведом А. С. Бугаем (его фото в экспозиции музея книги на территории Киево-Печерской лавры (заповедника)). Важно изучать начертания (не только надписи) на масштабном и долговечном материале, особенно керамике, а также тамги, и не только родовые или княжеские, но и мастеров-гончаров, кирпичников и т. д. У них (особенно строителей) были свои профессиональные секреты, иногда и математического характера. Изучение их важно для истории точных знаний в домонгольской Руси, поскольку книг уцелело очень мало. Я располагаю материалами, близкими к «авилюнам», изучавшимися акад. Рыбаковым, но другого типа, и надеюсь сделать о них более подробную публикацию. Я поддержал предложение Логвинина о создании на следующем съезде славистов подсекции архитектуры (а лучше — архитектоники). В докладе Д. Бялековой и А. Рутtkai правильно подчеркивалось, что Восточная Словакия, Закарпатская Украина (по р. Верхняя Тиса), некоторые районы Польши, Валахии и др. в разные эпохи составляли единый культурный ареал, в котором трудно разграничить этническую принадлежность находок. Я привел пример иконы, находящейся в Словакии, на которой изображено (рисунком упряжки волов, в клейме) с надписью кириллицей зодиакальное созвездие Весы, что весьма интересно для истории славянской астрономии. Очень важно строгое соблюдение принципов источниковедения, но источники могут привлекаться самые неожиданные.

Знойко А. П. (СССР). Доклад А. А. Медынцевой назывался «Начало письменности на Руси по археологическим данным».

А. А. Медынцева считает, что письменность в Киеве известна с X в., а в VIII в. и ранее ее не было. Конечно, с X в.—времени расцвета Киевской Руси и ее международных связей — письменность приобретает исключительное значение. Однако мы праздновали 1500-летие Киева, и потому необходимо говорить о письменности с I тыс. н. э., начиная хотя бы с III в. Да и с X в. археология дает много находок письменности, которые следовало рассмотреть. Необходимо указать и письменность на территории УССР до нашей эры, так как это была письменность Руси (со времен Геродота) и ее предшественников. Восполним этот пробел хотя бы отчасти.

Перечислим только прочитанные надписи. Это надпись на острие копья из с. Солнечное Волынской области (III в. н. э.); надпись на пряслице черняховской культуры (р-н Гайсина Винницкой области, III—IV вв. н. э.); надпись на острие дротика из Развадова над Саном. С X в.: письмена Ибн-Аль-Недима, пять надписей из древнего Воиня, четыре из Желни (Вышгородская билингва, XII в.); двухалфавитная надпись на пряслице из г. Друнка; надпись на шиферном пряслице XI—XII вв. (Киев) — раскопки П. П. Толочко 1968 г. на склонах Старокиевской горы; надпись из села Сахновка (поселение в урочище Гончариха).

Логвин Г. Н. (СССР). Величие Древней Руси и ее вклад в мировую культуру ярко воплощены в архитектуре и живописи Софийского собора — вершины развития храмов крестовокупольной структуры.

Сложная иерархия внутреннего пространства органически выявлена в геометрии форм — двадцатипятикупольном венчании, из них тринадцать на световых барабанах и двенадцать без них. Подобная многокупольная пирамидальная композиция является уникальной в мировой архитектуре. Но с наибольшей полнотой и изяществом принцип органической архитектуры воплощен в произведениях народной деревянной монументальной архитектуры. Особенность его заключается в том, что конструкция верха типа «четверик на четверике», либо «восьмерик на четверике», или «восьмерик на восьмерике», осуществляется с помощью введения при переходе от одной части верха к другой залома — срезанного срубного свода. Поэтому украинские деревянные и каменные храмы с верхами с заломами являются наиболее ясное, простое и предельно совершенное воплощение принципов органической культуры, а высотно раскрытое внутреннее пространство — наивысшего художественного совершенства, достигнутого вопреки ограниченным физическим параметрам, но исключительно архитектурно-конструктивными средствами, не имеющими precedента в мировой архитектуре.

Мыльников А. С. (СССР). Мне хотелось бы высказать несколько соображений не как председателю этого заседания — я не считаю себя вправе претендовать на подведение итогов, а как одному из участников этого интересного и поучительного заседания. Доклады, которые мы прослушали, при всем разнообразии их содержания объединены не только общей темой, но и стремлением их авторов к подлинно научному освещению проблем истории и культуры Киевской Руси и ее международных контактов. В этой связи хотелось бы подчеркнуть важность доклада С. А. Высоцкого о результатах исследования им киевских граффити XI—XII вв. Докладчику принадлежит выдающаяся заслуга в изучении древнекиевской культуры, имеющая не только собственно научное, но и практическое значение. Все мы любовались прекрасной реставрацией Золотых ворот, произведенной исторически убедительно, а главное — тактично и бережно. В выработку окончательного варианта реставрации С. А. Высоцкий внес без преувеличения решающий вклад. Большое спасибо ему за это!

Я не случайно отмечаю как необычайно существенный именно этот аспект — историческую убедительность и тактичность. К сожалению, — и в этом легко было убедиться по некоторым выступлениям в прениях — нередко в освещении истории и культуры древнерусского общества наличествуют псевдоромантические фантазии и беспочвенные домыслы, которые компрометируют высокие идеи патриотизма и научности. Ученые должны чувствовать свою ответственность перед обществом за обоснованность выводов своих исследований. Изучение этого, как и других этапов истории культур славянских народов, не терпит дилетантизма и субъективизма. В этом и заключается основная ценность прослушанных докладов.

Яйленко В. П. (СССР). Доклады С. А. Высоцкого и А. А. Медынцевой весьма интересны, отражают существенное значение древнерусских граффити. Эти ученые многое сделали для их изучения, но немало еще предстоит сделать. Связка надписей, собранных А. А. Медынцевой,

показала, что в IX—X вв. в Восточной Европе были в употреблении руны и куфическое письмо, и немногие памятники древнерусской кириллицы свидетельствуют о формировании последней в основном на материалах греческой графики. Интересна куфическая надпись на литеиной форме из Киева, прочтенная Маршаком как «Торк». Это еще одно свидетельство о тюрках в дохристианском Киеве, сведения о которых позволяют предложить тюркскую этимологию названия города. Арабская и армянская передачи его дают основу *ки-*, а западные — *кип-*. Эта альтерация может быть объяснена этимологией названия из древнетюркской основы *ки-* (*кип-*). Тюркское и в древнерусском передавалось через *ы*. У ряда тюркских племен тотемом был лебедь. Сказанное означает, что Киев был назван как поселение племени с тотемом «лебедь». Отсюда объясняется название данной области Лебедия, а также мифологический образ Лыбеди, сестры Кия, тоже, стало быть, легендарного персонажа.

Ruttkay A. (CS). Авторы дополнили свой доклад конкретными заметками с точки зрения левристики X—XI вв., которые связаны контактами между Киевской Русью и территорией Словакии в рамках Венгерского королевства, и указали на необходимость развития международного сотрудничества по этой проблематике.

3. ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ПЕРИОД ПРОСВЕЩЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Утреннее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Генов Ц. (НРБ) — Руските славянофили и освободителното дело на южните славяни (Etudes historiques, 1983, t. 11, p. 139—145).

Ivantyšynová T. (CS) — Vplyv ruského slavianofilstva na vývin společenského myslenia Čechov a Slovákov v polovici 19. stor. (Československá slavistika, Praha, 1983, s. 201—209).

Злыднев В. И. (СССР) — Типологическая общность славянских культур в эпоху формирования наций (на материале западных и южных славян) (Резюме докладов и письменных сообщений: IX MCC.—М., 1983, с. 569).

Cross A. G. (GB) — Russian perceptions of England and Russian national awareness at the end of the eighteenth and the beginning of the nineteenth centuries (Резюме докладов и письменных сообщений: IX MCC.—М., 1983, с. 542).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Кочеткова Н. Д. (СССР). Доклад представляет собой результат тщательного изучения русско-английских культурных отношений конца XVIII — нач. XIX в. Собранный автором материал свидетельствует

об интересе к русской и английской общественной жизни и культуре. Желательно, однако, рассмотреть поставленную проблему в более широком контексте, а именно в связи с вопросом «европеизации» России XVIII в. Полезным нам кажется привлечение работы П. Н. Беркова «Особенности русского литературного процесса XVIII в.», в которой исследователь приходит к обоснованному выводу, что «европеизация» ничего не создала, но ускорила процесс развития русской национальной культуры и самосознания.

Лаптева Л. П. (СССР). Славянофильство — чисто русское явление, порожденное русской историей и русским способом мышления. Следует приветствовать попытки западнославянских ученых углубить исследование этого исторического феномена. Необходимо, конечно, учитывать сложность и неоднородность понятия «славянофильство», его историческую изменчивость. Так, в начале XIX в. существовало славянофильство шишковцев, отрицавшее всю западную культуру и защищавшее российское ретроградство. Иным было славянофильство 30—40-х годов XIX в.— философское течение, созданное людьми, получившими образование в Западной Европе, не отрицавшими ее культуру, положившими в основу своей доктрины некоторые идеи Гегеля, своеобразно понятые и примененные к русской истории и культуре, как и к реалиям зарубежных славян. К 60-м годам, о которых идет речь в докладе коллеги из ЧССР, славянофильская доктрина 30—40-х годов уже не развивалась. Многие ее творцы уже сошли со сцены, а их последователи брали из теорий, созданных основателями славянофильства, лишь некоторые элементы. Зато широкое развитие получает политический аспект славянофильства, в свою очередь, неоднородный. При изучении вопроса о влиянии славянофилов на западных (как и на южных) славян необходимо прежде всего определить понятие «славянофильство», т. е. обозначить, что именно понимается под этим термином в том или ином контексте.

Весьма интересным представляется также вопрос, почему т. н. политическое славянофильство (а в докладе, видимо, речь идет именно о нем) находило отклик в основном у малых славянских этничностей, тогда как славянские народы большей численности предпочитали разивать различные варианты «славянской взаимности».

Пашаева Н. М. (СССР). Типологическая общность славянских культур ярко прослеживается на таком демократическом памятнике, как историческая книга славянских будителей. Славянская историческая книга не совсем укладывается в рамках двух этапов — скорее можно говорить о трех этапах: первый — 2-я половина XVIII в.— попытки создать национальные капитальные труды, рассчитанные на интеллигентного читателя; второй — 1-я половина XIX в.— романтический период — историческая книга становится объектом интереса широкого читателя, для которого и предназначена; третий — период 50—70-х годов — становление национальной историографии славянских стран.

Дьяков В. А. (СССР). Доклады показали, что для их тематики и для тематики всей подсекции важную роль играет сложный и недостаточно изученный пока вопрос о генезисе и сущности идеи славянского

единения, или «славянской идеи». Хотя своими корнями она уходит в глубокую древность, важным фактором эта идея стала лишь в конце XVIII — первой половине XIX в., явившись неизбежным и закономерным продуктом в период развития перехода от феодализма к капитализму. В этих условиях этническое сознание феодального периода, существенно трансформируясь, превращалось в строительный материал для пришедшего на смену национального самосознания. В своей изначальной сущности идея славянской взаимности была политически нейтральной, имея, если не исключительно, то главным образом этнонациональное содержание. Однако вскоре «славянская идея» утратила это качество и постепенно превратилась в орудие борьбы между различными социальными группами. Каждая из них интерпретировала ее по-своему: передовые силы общества использовали идею славянского единения в интересах социального прогресса и достижения национальной независимости, тогда как реакционеры пытались делать из нее выводы прямо противоположного характера.

Марков П. Г. (СССР). В ряду основоположников и фундаторов славяноведения М. А. Максимовичу — выдающемуся деятелю духовной культуры Украины XIX в.— принадлежит особое место. Будучи основоположником целого ряда наук на Украине (историографии, исторической географии, источниковедения, этнографии, фольклористики и др.), выдающийся ученый подводил читателей к пониманию многих проблем, волновавших общественную мысль того времени, в том числе по проблемам генезиса, географии, этнической истории, исторической и культурной общности славян. М. А. Максимович сформулировал ряд важнейших теоретических положений и принципов славяноведения. Он отверг произвольные этнографические построения, в частности, В. Н. Татищева, дуалистическую систему И. Добропольского, ввел в науку деление славян на две половины (восточные и западные) и четыре группы (разряда): юго-восточные, северо-восточные, юго-западные и северо-западные славяне. Их объединяет единство исторических судеб, не имеющее аналогов, солидарность, самоотверженная взаимопомощь и многовековые великие традиции братства. Ученый мечтал о новом, более тесном политическом единстве славян: «Як би добре, як гарно сталося на світі, коли б всім слов'янам вкупі по-братськи жити».

М. А. Максимович отвергал славянофильские концепции обособленности развития славянского и западноевропейского мира, решительно выступал против шовинизма и национального чванства. Противопоставлять славян Западу, отмечал ученый, может только круглый невежда.

Особо надо отметить заслуги М. А. Максимовича в отражении процесса образования и консолидации этнических центров⁴ и славянских языков, в изучении особенностей исторического, этнографического и культурного развития славян. Он впервые в науке отметил полногласие звуков в языках восточных славян («протяженность») и «сокращенность» звуков в языках славян западных. Непреходящее значение имеют его выводы о развитом хозяйствственно-политическом укладе славян, его резкая критика попыток представить их культуру значительно

ниже, беднее культуры норманнской и других соседних народов. М. А. Максимович впервые в отечественной науке привлек обширнейшие знания по филологии, этнографии, фольклористике и наряду с Ю. И. Венелиным и Ф. Л. Морошкиным углубил критику норманистов, скажем сильнее, довел ее до обстоятельного анализа их теории.

Большое общественно-политическое и теоретическое значение для науки имело поистине замечательное историко-филологическое обоснование выводов выдающегося сына украинского народа об автохтонности восточных славян, происхождении имени «Русь», о Древнерусском государстве как колыбели славянских народов. Используя большое количество летописных и архивных материалов, данных топонимики, М. А. Максимович метко уточнял сведения, содержащиеся в трудах своих предшественников и современников. Издание ученым сборников украинских песен послужило значительным толчком к изучению народной жизни славян, побудило или вдохновило историко-филологическое дарование целой плеяды видных ученых — О. М. Бодянского, сподвижников «Галицкой троицы», И. И. Срезневского, Н. И. Костомарова, М. П. Драгоманова, П. Жеготы, А. Грозы и др. П. Шафарик в дружественном письме благодарил М. А. Максимовича, просил помочь и совета в изучении украинского языка. М. А. Максимович был одним из наиболее авторитетных исследователей истории славянской церкви и русской митрополии.

В 1984 г. исполнилось 180 лет со дня рождения М. А. Максимовича. Наследие его велико и многогранно; оно широко и ярко отражает историческое богатство культур славянских народов.

Ристовски Б. (Yu). В весьма интересном докладе проф. Ц. Генова говорится о всех южнославянских народах, кроме одного — македонцев. Проф. В. И. Злыднев в своем выступлении также пренебрег этим фактом и даже Миладиновых аппострофировал только в болгарской культурно-национальной истории. К сожалению, в последнее время в Болгарии и в Институте славяноведения и балканистики в Москве исчезло даже имя Македония и македонцы. Надеемся, что это состояние научной мысли кратковременное. А между тем русские славянофилы уделяли очень большое внимание македонскому освободительному движению. Как известно, даже во время русско-турецкой войны были подготовлены различные акты и обращения к македонскому народу. Хитрово составил, например, особую прокламацию. К сожалению, в большинстве эти материалы не опубликованы. Известно также, что и литературные и исторические произведения македонского культурного деятеля и революционера Г. Пулевского были разосланы именно русским славянофилам во время Восточного кризиса, а сам автор — не только участник войны, но был и воеводой Кресненского восстания. В чрезвычайно важном документе «Правила-устав Македонского повстанческого комитета» (1878) четко просматривается отношение македонцев к славянской России. В этом контексте связи Ст. Везенкова, И. Мажовского и других с русскими славянофилами того времени становятся важным свидетельством русско-македонских контактов.

Особенно плодотворны отношения русских славянофилов с македонцами в последующие годы. Известны слова И. С. Аксакова об изучении македонского литературного языка и об особенностях македонского народа. В этом плане была направлена и деятельность бессарабского болгарина и русского славяноведа и славянофила П. Д. Драганова — основателя македонистики в России. Также надо упомянуть и об этнографической карте народов Петербургского славянского благотворительного общества (1890), поддержке русских славянофилов Македонского научно-литературного общества в Петербурге (1902—1917), национально-освободительного движения во время Иллиденского восстания и т. д.

Следовательно, когда говорим об освободительном движении южных славян и русских славянофилов, мы должны иметь в виду и македонское освободительное движение.

Дьяков В. А. (СССР). Важные для славистики термины «панславизм» и «славянофильство» часто употребляются нами, но не всегда с достаточной научной точностью. Между тем они не могут и не должны безоговорочно и без уточнений применяться к различным историческим условиям, к деятелям, идеологам, позициям различных общественно-политических направлений. В дореволюционной России, например, необходимо делать различие между тремя направлениями: 1) реакционным — от позднего Карамзина через теорию официальной народности к черносотенному национализму начала XX в.; 2) либеральным — от реформаторов из окружения Александра I через предреформенное и пореформенное славянофильство к неославизму; 3) прогрессивно-демократическим — от А. Радищева и декабристов через кирилломефодиевцев и петрашевцев к революционным демократам и революционным народникам, в особенности П. Л. Лаврову.

Вечернее заседание 8 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Исламов Т. М., Мыльников А. С., Фрейдзон А. И. (СССР) — Социальное и национальное в освободительной борьбе народов Австро-венгерской империи в эпоху перехода от феодализма к капитализму (История, этнография, культура и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 34—461).

Sesták M., Mikulka J., Št'astný V. (ČS) — Společenské myšlení slovanských národů habsburské monarchie a buržoazní revoluce ve střední Evropě (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 556—557).

Карасев В. Г. (СССР) — Первая буржуазно-национальная революция на Балканах: (К вопросу о характере сербского восстания 1804—1813 гг.) (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 548—549).

Шарова К. (НРБ) — Идейни контакти на българите с обществена-

та мисъл на другите славянски народи през 60-те и 70-те години на XIX в. (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 563—564).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Трайков В. (НРБ). Проф. В. Г. Карасев е избрал тема, която представлява интерес не само за специалистите, които се занимават със сръбска история, но и за всички, които разработват балканска тематика. Той дава ред ценни и точни постановки, свързани с характера на първата буржуазно-национална революция на Балканите. Високо ценя негови постановки.

Същевременно бих искал да искача някои още съображения. В Сърбия не е имало высоко развита икономика — други области са били напред в стопанско отношение: Пелопонес и Албена в Гърция, Влахия, подбалканските части на България. Защо все как борбата избухна в Сърбия? Защото класовите съотношения бяха там други. В Сърбия нямаше коджабашии — богати земевладелци, както в Гърция, или богати гърци корабопритечители, или боляри — както във Влахия и Молдова, нямаше фанариотско духовенство, както в България. Затова и гърци, българи и румъни взеха участие в сръбско въстание — особено голямо бе участието на българите. В Сърбия могла да се обедини националната борба със социалната борба и това даде голям размах на народната борба.

Същевременно в Сърбия се наблюдава още една особеност. При въстанието от 1804—1813 г. на преден план излезе революционният път. При Милош Обренович вече напред излязат дипломатическите действия: натиск над Високата порта. Тези два пътя оказват по-късно влияние върху цялото балканско развитие.

Кр. Шарова много добре подчертава положението в България — там не всички влияния действуват самостоятелно. Те завирват значително българско културно наследство, традиции, начин на мислене. Под негово влияние чуждите идеи претърпяват българска трансформация.

Това се наблюдава още при кръга около Г. С. Раковски. Запознат с историческото минало на своя народ, Раковски проявява традиционната за българския народ симпатия към руския народ. Постепенно той се запознава с идеите на руските революционни демократи и все повече е настроен критично към руския царизъм. За него Херцен е «прочут с жаркото си родолюбие». По-късно той все по-ярко обявява против панславизма, но и докрай остава убеден приятел и почитател на руския народ. Същевременно през Раковски българското общество все повече опознава делото на Шафарик, Ханка, Иван Кукуйевич-Саксински, Й. Шросмайер и други великанни на славянската мисъл. С това става възможно все по-широкото свързване на българите с най-напредничавата славянска мисъл през периода, който проф. К. Шарова така сполучливо изложи тук пред нас.

Писарев Ю. А. (СССР). 1. Значение поставленных на заседании вопросов в докладах А. С. Мыльникова, В. Г. Караваева и К. Шаровой. 2. Австро-Венгрия как «модель» государственности в буржуазной ис-

ториографии. Необходимость изучения и освещения этой проблемы в дальнейшем (на следующем конгрессе славистов). 3. Новые источники и работы в советской историографии по проблемам (в первую очередь, в Институте славяноведения и балканстики АН СССР).

Поплыко Д. Ф. (СССР). Проф. К. Шарова хорошо известна в научных славистических кругах как автор многочисленных и интересных трудов по проблемам болгарского Возрождения. В докладе проф. К. Шарова уловила необходимость переломного момента в изучении проблемы идейных связей и взаимодействий болгар с общественной мыслью других народов. В связи с накоплением большого фактического материала наступило время поставить вопрос в целом.

Докладчица особо отметила противоположность средневекового мышления и мировоззренческий склад людей новой эпохи, нового времени, отсюда большая интенсивность культурного, идейного развития болгарского народа, в лице его лучших представителей осуществлявшего контакты с идеологами славянских и неславянских европейских народов.

Отвечая на вопрос, что искали и находили болгарские деятели, автор доклада в результате анализа фактического материала четко и обоснованно сделала вывод о том, что они искали единомышленников, каковыми были борцы за социальную и национальную свободу. Этим удачным, на наш взгляд, термином охватывается широкий круг исторических деятелей разных народов, которые различались между собой по взглядам на национальное и социальное освобождение, но были близки болгарам тем, что ставили жизненно важные для национально-освободительных движений вопросы: от русских революционеров-демократов, сербских социалистов до «благосклонных» (также удачно найденное автором определение) к болгарскому движению хорватских, чешских, польских и других деятелей различного политического толка. Так, автор доклада ставит вопрос о необходимости выявления и изучения вопроса о естественных союзниках болгарского народа в период национального возрождения.

Из других вопросов, поставленных в докладе и имеющих общее методологическое значение, остановимся на проблеме влияния. Автор справедливо заметила, что это сложный вопрос. Эта проблема привлекала и привлекает внимание как советских, так и болгарских историков и философов. Нам кажется, что важнейшим критерием в данном случае может стать признак избирательности. Идеологи каждого национального движения берут у других народов только то, что им близко и понятно, т. е. в конечном счете необходимо исторически. Поэтому количественный критерий (число прочитанных книг иностранных авторов и т. п.) не является определяющим, он играет подчиненную роль по отношению к избирательности. Здесь, по-видимому, следовало бы различать ознакомляемость (ознакомление) и усвоемость (усвоение). Именно в такой постановке вопроса можно найти ответ, почему болгарское движение испытывало столь сильное влияние передовой русской общественной мысли.

Проф. К. Шарова заострила внимание и на втором аспекте определения «влияния». В отношении каждого национального идеолога воз-

никает вопрос: что для него характерно — слепое подражание или творческая переработка иностранного влияния? Последнее воссоздает самобытность и историческую значимость личности.

В целом положения доклада проф. К. Шаровой кажутся нам не только убедительно доказанными, но и открывающими перспективу для дальнейшего исследования в указанном направлении.

Ристовски Б. (Yu). В связи с докладом проф. К. Шаровой хотел бы сказать несколько слов. Одновременно отмечу некоторые вопросы и в связи с выступлением проф. В. Трайкова.

Верно, мы мало внимания уделяем вопросам двух путей развития революционного движения. Но должен заметить, что это явление имеется и в македонском освободительном развитии. В Кресненском македонском восстании (1878) выразилась революционная линия освободительного движения, но и в Илинденском восстании (1903) уже выразились два основных течения: революционное и «эволюционное». Так что сербский пример виден и в болгарском, и в македонском освободительном движении.

Коллега В. Трайков опять упомянул «болгарские земли». Мне кажется, давно уже пора отказаться от терминологии прошлого времени. Сказать сегодня «болгарские земли», «сербские земли», «греческие земли» и т. д. значит употребить давно уже устаревшую терминологию с явно великородственной идеологией.

В своем докладе проф. Шарова фундаментально рассмотрела идеинные контакты болгар с общественной мыслью всех славянских народов, кроме соседнего македонского. Не пора ли заняться и болгаро-македонскими отношениями в прошлом? Это очень актуальный и чрезвычайно интересный научный вопрос. Болгары и македонцы часто вели совместную борьбу против угнетателей. В войне России с Турцией за освобождение болгар участвовало большое количество македонцев. а в Македонском восстании вместе с другими балканцами сражалось много болгар. И в Илинденском восстании большое количество болгарских добровольцев взяли участие в освободительном движении македонцев. Эта традиция на Балканах особенно выразилась в освободительных движениях сербов, греков, румын, а также македонцев. Почему сегодня нужно развивать «фобство» вместо «фильтра» в отношениях двух соседних братских народов? Пусть вернется дух П. Д. Драганова, Кр. Раковского и других болгар, чтобы в ближайшее время македоно-болгарские отношения получили монографическое исследование, как уже имеем монографические труды К. Джанбазовского о сербско-македонских отношениях.

Гранчак И. М. (СССР). Буржуазные и буржуазно-демократические революции — важнейшее событие в истории народов Европы, в том числе и истории народов многонациональной Австрии. С революцией народы связывали решение своих проблем как в области социальных отношений, так и национальных. Революция поставила на повестку дня и те проблемы, которые волновали народы Австрийской империи, в том числе славянские народы, проживавшие на территории владения Габсбургов. Вызревание революции, ее развитие и последствия оказали глубокое влияние на развитие общественной мысли.

Хотелось остановиться на нескольких аспектах формирования и развития различных течений общественной жизни славянских народов Австрии середины XIX в. Содержательным в данном плане был и доклад наших чехословацких коллег М. Шестки, Я. Микулки и В. Счастного.

Исходя из положений доклада, а также учитывая монографические исследования советских, югославских и других историков, наиболее глубоко изучено в общественной мысли славянских народов австро-фильское движение. В докладе правильно подчеркивается, что австро-фильство было наиболее распространенным течением в Чехии и Хорватии. Думаю, что следовало бы более глубоко изучить причины успехов автрославизма в Чехии и Хорватии и сравнительно низкого его уровня развития среди словаков, русинов (украинцев), сербов и т. д. Глубокое изучение данных вопросов способствовало бы лучшему освещению специфики развития общественной мысли в отдельных славянских странах. Революция и ее последствия оказали глубокое влияние на судьбы автрославизма.

В середине XIX в. вследствие поражения революции наиболее глубокие изменения произошли в демократическом крыле общественной мысли славянских народов. Часть революционных демократов, сторонников активных действий, разочаровалась в возможности развития революции, стала пересматривать свои концепции в сторону либерализма. Значительная часть революционных демократов преследовалась властями, была репрессирована, не имела возможности активных действий. Это очень важный вопрос развития общественной мысли, но ни в докладе названных товарищей, ни в монографической литературе он не получил должного освещения. Считаю, что вопросы развития революционно-демократического направления общественной мысли славянских народов Австрии должны стать предметом более глубокого исследования. Следует обратить внимание на такой вопрос, как причины успехов революционных демократов в одних частях Австро-Венгрии (Чехия, Словакия) и слабость этого движения в Хорватии, Словении и других югославянских землях. Революционно-демократическое движение было антифеодальным, антигабсбургским и даже антикапиталистическим. Революционные демократы выступали против габсбургской власти как орудия господства класса помещиков и молодой австрийской буржуазии. Путь к социальному и национальному освобождению революционные демократы видели в совместной революционной борьбе трудящихся против социального гнета и порабощения Австрийской империей. Национальный вопрос они тесно связывали с решением социальной проблемы.

В 60-е — нач. 70-х годов XIX в. на историческую арену в славянских странах выходит рабочий класс. В ряде мест наблюдается процесс соединения социализма с рабочим движением. Часть революционных демократов славянских народов приближалась к правильному пониманию роли рабочего класса. Представляет большой интерес вопрос взаимосвязей рабочего движения и революционно-демократической мысли.

Обсуждение докладов на нашей секции свидетельствует о необхо-

димости уделять значительно больше внимания истории общественной мысли славянских народов.

Лещиловская И. И. (СССР). Доклады К. Шаровой и А. Кросса посвящены проблеме культурных взаимоотношений славянских народов между собой и с другими европейскими народами в конце XVIII—XIX вв. В. И. Ленин отметил как закон мирового капитализма две тенденции в развитии национальных отношений: тенденцию к национальной консолидации отдельных народов, доминирующую на ранних стадиях капитализма, и тенденцию к учащению межнациональных контактов. Эти тенденции проявились и в сфере межнациональных культурных отношений: формирование национальных культур сочеталось с усилением межнациональных культурных связей. Представленные доклады конкретно подтверждают эту закономерность.

Учащение культурных контактов славян с другими народами во 2-й половине XVIII—XIX вв. одновременно означало качественное изменение культурных связей в сравнении с феодализмом. На общественную арену у славян выступили новые социальные силы, к которым перешла главная роль в развитии культурных связей. Эти контакты строились в соответствии с идеальной близостью общественных лагерей. Они стали важным фактором формирования и утверждения культур нового исторического типа. Особенностью культурных связей южных и западных славян с другими народами было влияние на эти связи национального вопроса, возникшего с развитием капитализма. Однако при всем значении межнациональных культурных контактов в новое время развитие национальных культур славянских народов, в том числе и русского, определялось внутренними социально-экономическими факторами. И русское национальное самосознание, которое пронизывало русскую культуру нового времени, «питалось» не английским примером, как это утверждается в резюме доклада А. Кросса, а определялось внутренними процессами, которые переживало русское общество в XVIII—XIX вв.

Виноградов С. А. (СССР). В своем выступлении я хочу коснуться доклада проф. В. Г. Карасева. В какой-то степени мое выступление будет продолжением выступления д-ра ист. наук В. В. Зеленина, посвященного социально-экономической истории Первого сербского восстания.

Меня заинтересовало выступление проф. В. Г. Карасева, поскольку я долгое время занимался изучением социально-экономической истории Второго сербского восстания. В ходе изучения многочисленных источников и литературы как в СССР, так и в Югославии я пришел к выводам, во многом сходным с выводами В. В. Зеленина.

I. В Сербии в 20—30-х годах XIX в. стали зарождаться капиталистические отношения, в первую очередь в торговле сельскохозяйственными продуктами. Главными сербскими торговцами стали князь Милош и сербские богачи-великаши из числа разбогатевших крестьян. В конце 30-х — начале 40-х годов в стране появляются первые ремесленные мастерские и мануфактуры.

II. В стране идет аграрная революция или аграрный переворот, суть которого составлял переход земли от помещиков к крестьянам

(путем ее захвата, как в период Первого восстания, или путем ее покупки).

III. В ходе Второго восстания внешний фактор также сыграл важную роль в закреплении победы этого восстания (Аkkреманская конвенция 1826 г. и Адрианопольский мир 1829 г.). Турецкий султан вынужден был в 1830 г. и в 1833 г. издать хатт-и-шерифы, которые провозгласили создание первого на Балканах автономного Сербского княжества в рамках Османской империи. Таким образом, Второе восстание, возможно, явилось одним из этапов буржуазно-национальной революции сербского народа.

Шарова К. (НРБ). Доклад проф. В. Г. Карабасева ставит вопрос о характере Сербского восстания, но относится не только к Сербии. Это вопрос принципиального значения для всех национальных революций на Балканах и еще шире в Европе XIX в. Я не совсем убеждена, что главное основание для характеристики Сербского восстания как буржуазно-национального — развитие элементов капиталистических отношений в Сербии. Вполне принимаю основательность этой ленинской формулировки для Сербии и в целом для национальных движений XIX в. Но определяющим, на мой взгляд, являются прежде всего те результаты и социально-экономические перемены, которые наступают после восстаний как в Сербии, так и в других странах.

Проф. В. Г. Карабасев приводит ряд соображений, они убедительны, однако его доклад побуждает искать еще другие обстоятельства, обусловившие сербские восстания. Первое восстание началось, как известно, в условиях анархии в Турции, борьбы против дахиев. Та же ситуация сложилась и в Болгарии, где анархия приняла более широкие формы, и далеко не случайно, что болгары не только западных, соседних Сербии областей, но и отдаленных массово участвовали в Сербском восстании. В самой Болгарии против кырджалиев развернулась вооруженная борьба. Но условия в Болгарии (точнее, ее географическое положение вблизи Константинополя, значение для военной стратегии Турции) не позволили болгарской вооруженной борьбе перерастти в восстание. Поэтому болгаре боролись за свою свободу вместе с сербами.

Утреннее заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Magocsi P. (USA) — Old Ruthenians and Russophiles in nineteenth century Galicia (Резюме докладов и письменных сообщений: IX MCC.— М., 1983, с. 553—554).

Kunze P. (DDR) — Fragen der Kulturentwicklung im Rahmen der nationalen Wiedergeburt der Lausitzer Sorben (Lětopis, 1983, N 29/2, p. 140—154).

Kasper M. (DDR) — Die Entwicklung des sorbischen Volksforschung als slawistische Disziplin nach dem zweiten Weltkrieg (Lětopis, 1983, N 29/2, p. 155—168).

Pražák R. (ČS) — Raně osvicenské myšlenkové předpoklady národní

obrozeneského procesu ve východní části střední Evropy se zřetelem k Ukrajině (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 560).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Жовтобрюх М. А. (СССР). Концепції доповіді П. Магочі прийняті ніяк не можна. Його твердження, що до 1871 р. «галицько-українська інтелігенція складалася тільки (підкр. наше.— М. Ж.) зі старорусів», які не визнавали ні української мови, ні українського народу, зовсім не відповідає історичній дійсності. Процес національного відродження слов'ян в Австро-Угорській імперії поширився і на галицьких українців, про що свідчить багато фактів. Наприклад, ще в 1832 р. І. Могильницький пише граматику української мови, в якій, як і в окремих статтях, обстоює погляд, що українська мова є самостійна в сім'ї слов'янських мов; у 1834 р. Й. Левицький друкує працю «Grammatik der ruthenischen oder kleinrussischen Sprache in Galicien», а в 1849 р. виходить у Львові відома граматика української мови Я. Головацького; у 1837 р. галицька трійця (М. Шашкевич, Я. Головацький і І. Вагилевич) видають живою українською мовою альманах «Русалка Дністровая». У газеті «Зоря галицька» (№ 1 від 15.05.1848 р.) друкується відозва, в якій написано: «Ми, русини галицькі, є частка великого руського (тобто українського.— М. Ж.) народу, що виносить 15 мільйонів, з котрих пів третя мільйона живе в Галичині». У галицьких періодичних органах, таких, як «Вечорниці» (1862—1863), «Мета» (1863—1867) та ін., обстоюється єдність українців галицьких і надінпрянських. Помилкова теза доповідача, що в кінці 60-х — на початку 70-х років «одна група, відома під назвою народовців, відокремилася» від старорусинів «і остаточно прийняла ідею ідентифікації з окремою українською національністю». Народовці ніколи не належали до старорусинів і від них не відокремлювалися, а навпаки, ідея ідентифікації була прийнята там значно раніше. Не було виділення від старорусинів і групи русофілів у 90-х роках, про що говорить доповідач. Більшість галицької інтелігенції була русофільська, про це добре сказав І. Я. Франко («Ми всі русофіли...»), але різні її суспільно-політичні групи орієнтувались на різну Росію: староруси чи «московофіли» — на Росію офіціальну, самодержавну, а прогресивні кола інтелігенції, що відокремились від народовців, які перейшли на буржуазно-націоналістичні позиції, — на Росію прогресивну, на її велику літературу, передові політичні ідеї, передову культуру і т. д. Різниця між «московофілами» і народовцями та прогресивною галицько-волинською інтелігенцією ґрунтувалася не лише на мовній основі, а була глибша, відбивала класову позицію, ідейні переконання, мала ідеологічну основу.

Теодорович И. М. (СССР). В выступлениях уже отмечалась важность проблем, рассматриваемых на секции и связанных с национальным и социальным движениями славянских народов в двух многонациональных империях — Габсбургской и Османской. Следовало бы, на

наш взгляд, выделить общее в этих движениях и не только обоснованно определить типы и виды революций, но, как нам кажется, раскрыть процессы, связанные с национально-объединительными стремлениями славянских народов. Эти процессы особенно активно проявлялись после «весны народов». Славянские народы вели борьбу против административной разобщенности, за объединение родственных народов, за воссоединение с соплеменниками, живущими по ту сторону границ. Примеров можно привести много, они известны из истории национального движения чехов и словаков, болгар, югославов и поляков.

В кратком выступлении хочу остановиться на представителях восточных славян, затронутых в докладе уважаемого коллеги из США. Они заселяли компактной массой северо-восточные окраины монархии Габсбургов, но были разделены тремя административными единицами (Галиция, Буковина, Закарпатье), двумя религиями, двумя политическими группами, которые официально назывались «старые рутены» и «молодые рутены». Как свидетельствуют документы, Вена поддерживала и финансировала обе группы. «Рутенами» украинское население монархии стала называть с середины XIX в., и только в апреле 1918 г. был издан приказ военным министром (а не правительством), разрешающий всем служебным учреждениям официально употреблять вместо старого названия «рутенский», новое — «украинский».

Это один из примеров денационализаторской политики Габсбургов. Но здесь хочу сказать не об этом, а о стремлении народа к национальному объединению и к воссоединению с соплеменниками по ту сторону границы. Эта тенденция усиливалась по мере роста национального самосознания, исходила из глубины исторического прошлого, находила поддержку у широких народных масс, которые оказывали в этом направлении давление на программы партий, подчас противоположной политической ориентации. Она учитывалась и Веной в ее различных комбинациях в плане сохранения единства монархии, особенно в период ее предсмертной агонии.

Гошко Ю. Г. (СССР). При дослідженні цього питання необхідно в першу чергу уточнити, які групи очолювали ту чи іншу політичну течію і яка була у них ідеяна платформа.

Русофільство, очолюване консервативним духівництвом, не визнавало українського народу, як і його мови, тому не могло бути рушійною силою національного відродження. Русофіли на перших порах своєї діяльності прислужувались австрійському урядові, пізніше робили ставку на російський царизм, на його найбільш відсталі суспільні відносини, постійно боролись проти впливу соціалістичних ідей. Русофільство засуджувалось В. І. Леніним та іншими прогресивними діячами Росії.

Народовці, в керівництві яких стояли студенти та дрібна буржуазія, були тоді більш прогресивними, хоча їх вплив на маси до 80-х років XIX ст. був мінімальним.

Москвофіли нічим не відрізнялися від русофілів, і вони не були окремою течією, як це стверджує автор.

Як одні, так і другі не мали ніяких політичних програм, бо всі надії покладали на російського царя. Таким чином, жодна з названих

вище течій не була і не могла бути виразником народної ідеології, оскільки кожна представляла інтереси окремих соціальних груп.

На кінець 90-х років XIX ст. найбільш повним виразником національних інтересів стала українська радикальна партія, очолювана прогресивною інтелігенцією.

Павленко Г. В. (ССР). Хотелось бы высказать еще несколько мыслей и соображений по докладам П. Магочи, П. Кунце и М. Каспера, в той последовательности, как они прозвучали на заседании нашей секции. О докладе П. Магочи из США. Коллега Магочи путает два понятия «национальный» и «националистический», «национальное» и «националистическое» движение. И в русском, и в украинском языках эти понятия четко различаются. Разделяя идеиные течения в общественной жизни Галиции конца XIX в. только по языковому признаку, докладчик, на наш взгляд, допускает серьезную ошибку. Он игнорирует социально-экономические и политические факторы. В его делении галицкой интеллигенции на «три националистические группы» размываются границы и исчезает разница между прогрессивными и реакционными идеиными течениями, между демократическими и консервативными направлениями в общественной жизни Галиции конца XIX в. Из концепции коллеги Магочи выходит, что и такой поборник дружбы и братства народов, как И. Я. Франко, также принадлежит к «националистам», да и его «москофильство» приобретает реакционный характер. В действительности, И. Я. Франко был близок к пониманию ленинского положения о существовании двух культур в каждой национальной культуре и призывал не только украинцев, но и всех славян объединиться «с благороднейшей частью русского общества... с Россией Тургенева, Салтыкова, Чернышевского, Добролюбова, Писарева и т. д.».

Теперь о докладах коллег из ГДР — П. Кунце и М. Каспера. Очень хорошо, что они привлекли наше внимание к такой малоизученной проблеме, как история и культурное развитие лужицких сербов — славянского народа в ГДР. Думается, что доклад П. Кунце только выиграл, если бы его автор раскрыл экономические причины культурного возрождения лужицких сербов конца XVIII — начала XIX в. Это во-первых. Во-вторых, автор допускает ошибку, когда утверждает, что в отличие от других славянских народов у лужицких сербов ведущую роль в борьбе за социальные и национальные права должны были взять на себя мелкобуржуазные слои населения. Известно, однако, что мелкобуржуазные слои были движущей силой в национальных движениях и других славянских народов, даже такого большого и компактно живущего народа, как чехи. Таким образом, это то, что не отличало, а, наоборот, сближало национальное возрождение лужицких сербов с национальным возрождением других славянских народов. Феномен этот хорошо изучен и объяснен в славистической науке.

Я согласен с положением коллеги М. Каспера, что изучение истории и культуры лужицких сербов необходимо рассматривать в тесном контексте с историей и культурой других славянских народов. Но не следует забывать и о внутренних факторах, абстрагироваться от тех

конкретных условий, в которых шло развитие лужицких сербов. И еще одно. Проф. В. Г. Карабев очень интересно поставил вопрос о характере сербского восстания 1804—1813 гг. как первой буржуазно-национальной революции на Балканах. Думается, что в преддверии 200-летнего юбилея Великой французской буржуазной революции конца XVIII в., когда будет проходить следующий международный славистический конгресс, целесообразно было бы вообще обсудить тему «Великая французская буржуазная революция и проблема славянского возрождения конца XVIII — первой половины XIX в.».

Пашаева Н. М. (СССР). Я не могу не согласиться с мнением колледжи П. Магочи относительно двух направлений в старорусском движении. На мой взгляд, старорусины, они же русофилы, были единым движением. Оно еще недостаточно исследовано, но думается, все движение ориентировалось на понятие, высказанное еще Зубрицким, — «русский народ от Карпат до Камчатки». Как бы за скобками русофилы чувствовали то сознание древнерусского единства, которое жило в толще галицкого населения со времен Киевской Руси.

Лаптева Л. П. (СССР). Лужицкие сербы, о которых говорилось в докладах П. Кунце и М. Каспера, всегда составляли самый малочисленный славянский народ. В течение последних двух сотен лет возможность их дальнейшего национального существования постоянно подвергалась сомнению, в том числе и русскими учеными и путешественниками. В 1814 г. В. Ф. Тимковский, побывав в Лужице, записал в своем дневнике, что внуки современных ему лужичан едва ли будут помнить свой родной язык. Весьма скептически отнесся к проблеме этнического сохранения лужицких сербов и русский ученый А. Ф. Гильфердинг (1855). А в начале XX в. проф. Юрьевского университета Е. В. Петухов был уверен в том, что события первой мировой войны нанесут серболужицкой народности в Германии смертельный удар. Однако народность выжила и существует в настоящее время. В докладе П. Кунце показано, как лужицкие сербы боролись за свое существование средствами развития национального языка и культуры и при поддержке других славянских народов. Доклад П. Кунце хорошо подтверждает две мысли: а) что возрождение малых славянских народов возможно и без буржуазии и б) что славянская солидарность и взаимопомощь имели в XIX в. реальное вещественное содержание, а не ограничивались лишь абстрактными идеями.

Доклад М. Каспера показывает, что создание в ГДР условий для равноправного развития лужицких сербов способствовало развитию новой области славистики, а именно сорабистики как комплексной дисциплины, изучающей серболужицкий народ во всех аспектах и вносящей вклад в славяноведение вообще. Таким образом, сообщение коллег из ГДР наглядно и живо отображает развитие сорабистики от ее истоков до расцвета в настоящее время, в чем и заключается ценность этих сообщений для нашей науки.

Дневное заседание 9 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Matula V. (ČS) — Havlíček a Štúr — dvě cesty transformácie kolárovskej koncepcie slovanskej vzájomnosti ve 40. rokoch 19. stor. a ich odraz v spoločenskom myšlení Čechov a Slovákov (Резюме докладов и письменных сообщений: IX MCC.— М., 1983, с. 555—556).

Пандевски М. (Yu) — Македонски стојалишта за јужнословенска-та солидарност и балканскиот мир (крај на XIX и почеток на XX век) (Реферати на македонските слависти за IX Меѓународен славистички конгрес во Куманово— Скопје, 1983, с. 145—158).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Šťastný V. (ČS). Referát soudruha Matuly, velmi zajímavý a předmětný mě přivádí k úvahám o širší problematici úlohy slovanské ideologie v politickém životě slovanských národů monarchie. Soudruh Matula správně ukázal na důležitý proces překonávání falešných představ romantické generace o jednotném slovanském národě a konfrontoval dva směry, z nichž jeden rozvíjel další program slovanské vzájemnosti při existenci individuality jednotlivých národů a druhý představoval vyhnaněný nacionnalismus jednoho národa. Jeho vývody přispívají i k řešení dalších problemů, které nebyly předtem jeho pozornosti.

Chtěl bych se zmínit o jednom z faktorů, který byl podle mého soudu velmi důležitý pro uplatnění slovanské ideologie v politice slovanských národů monarchie. V průběhu našeho jednání byla již nadhozena důležitost otázky spojenců pro slabá a nerozvinutá národní hnutí potlačených národů. Různé slovanské programy měly být právě především prostředkem získání spojenců těchto hnutí. Sledujeme-li politický život 19 století, můžeme postihnout, že jak postupoval proces formování novodobých slovanských národů, tak se upevňovalo sebevědomí buržoazie jako vedoucí síly národních hnutí, slovanská ideologie hrála v politických koncepcích stále menší úlohu a posiloval se nacionnalismus buržoazie jednotlivých slovanských národů. Tento proces můžeme sledovat zvlášť v českém prostředí, a nesmí nás mást skutečnost, že každé české politické hnutí včetně rodicího se hnutí proletariátu považovalo za potřebné a nutné vyjadřit se k obrázu slovanské vzájemnosti. Tři hlubší analýzy se však ukáže, že politická práce vycházela především z úzce nacionalistických zájmů buržoazie. Názory K. Havlíčka jsou vlastně odrazovým můstkem těchto tendencí, které se staly v druhé polovině 19 století, když se dotvořily jejich společenské předpoklady, mnohem výraznější a zřejmější.

Трайков В. (НРБ). В своя доклад д-р Манол Пандевски поставя на разглеждане важни въпроси около развитието на отношението към проблемите на балканския мир и южнославянската солидарност. Д-р Пандевски е известен автор, написал вече много трудове по въпроса. Като изказвам съгласие с автора относно оценката за важността на

разглеждания проблем, искам да изложа някои принципни възражения.

Д-р Пандевски набляга на твърденето, че македонски дейци били против войната, за мир, като с това искали да запазят териториалната целостност на Македония. Това, мисля, не е съвсем точно. Дейците на Вътрешната македоноодринска организация бяха за мир, но не за мир на всяка цена, а за борба за освобождение. Още в гл. 2 на първия Правилник на Българомакедонския комитет от 1893 г. и в следващите правилници се казва, че ще се води борба с всякакви средства, включително и въстанието. С това те продължават линията на Българския революционен централен комитет отпреди 1877 г. Отношението към въпросите на мира и войната бяха въпроси, които широко занимаваха дейците на българската социал-демокрацията в края на XIX и началото на XX век. Както е известно, БРСДП, начело с Димитър Благоев от с. Загоричане, Костурско, бяха решително противници на империалистическата война, която се готовеше. Голяма част от дейците на ВМОРО сами бяха членове и привърженици на идеите на тесните социалисти и като такива също бореха срещу империалистическата война, но те не отричаха всяка война.

Въпросите за мира и войната, така като бяха поддържани от ВМОРО, отговаряха изцяло и на постановката на В. И. Ленин за войната: че има и справедливи войни. Поради това дейците на ВМОРО разчитаха на войната. Не случайно първите ръководители на революционното движение разчитаха на помощта на България. Dame Груев изразно пише, че се очаква война от България. Опитът на Априлското въстание и намесата на Русия бяха гледани с вяра, че ще се повтарят.

Отношението към войната пролича и през 1912 г., когато жителите на Македония се включиха масово в българската армия, когато за участие във войната се върнаха от Америка и емигрантите. Разминаването с историческите факти е слагането на една дъска на България с политиката на Гърция и Сърбия, които сами виждаха, че разрешението, което се търси от македонските революционери, отговаря на интереси на българския народ. Идеята за автономия, основана на гл. 23 от Берлинския договор, беше неприемлива за тях, защото спомените от съединението на Източна Румелия с княжество България бяха още пресни. Българския народ гореше с мисълта за подпомагане борбата в Македония. Да се приписват при това положение някакви завоевателни стремежи на българите, значи да се тълкуват исторически факти с оглед на днешни позиции.

Борбата на народните маси, останали под властта на Османската империя, се водеше нашироко. ВМОРО обединяващо усилията на българите от Одринска Тракия и Македония. Гоце Делчев действуваше и в Лозенградско, и край Черно море, в усилия да организира всички сили против вековния потисник. В резултат избухна Илинденско-Преображенското въстание, обявени бяха Крушевската и Страндженска републики.

Позволявам си да оспоря и други някакви твърдения на д-р М. Пандевски: не е вярно, че македонският въпрос съществува от 1876 г.; не е вярно, че Кресненското въстание 1878—1879 гг. е проява

на отделно македонско революционно движение. Хилядите запазени документи свидетелствуват, че то е протест против Берлинския договор, против отделенето на Македония от освободените области на България и т. н.

За мен е болно да говоря по тези въпроси. От баща си, участник в събитията по онова време, знам истината за борбата в Македония. За мен истината не изходжа само от хилядите документи, но и от преките спомени, които се предават от поколение на поколение. Какво ще правим с тези хиляди документи, с тези спомени на съвременници?

Вярвам, че ще дойде време да обсъждаме спокойно тези въпроси с колегите от Скопле, да ги разискваме от научна гледна точка, в съгласие с историческия процес, такъв, какъвто е бил един век. Науката не може да не стигне до окончателни, приети от всички виждания. Казвам науката, защото всички ние тук служим на науката, а тя познава и трябва да познава само един принцип: историческата истина.

Ристовски Б. (Yu). Коллега В. Трайков затронул вопросы, по которым чувствую необходимость высказать свое мнение и отношение.

1) В болгарской научной литературе последних лет заметно систематическое стремление навязывать всем македонским явлениям в развитии города какую-то болгарскую традицию, чтобы показать континуитет болгарской национальной мысли и акции в Македонии. К сожалению, это трудно доказать прочными фактами. Македонские деятели правильно изучали болгарское освободительное движение, так же как изучали и сербское, греческое, итальянское или русское революционное движение; они тщательно изучали «Записки» Зах. Стоянова, но они всегда выходили из своих интересов и целей. Кроме того, это действия не совсем различных эпох, и их нельзя так безразборно смешивать.

2) В. Трайков сказал, что со всех сторон приходили македонцы в 1912 г., чтобы взять участие в первой балканской войне. Это точно. Но они не использовали войны, как болгары, для болгарских интересов. Наоборот, соседние монархи в начале войны провозгласили, что цель войны — освобождение Македонии. Это проявилось и в сербо-болгарском договоре: в первом пункте целью войны становится автономия Македонии, но сразу же подписчики добавили, что, «если из-за каких-либо обстоятельств невозможна автономия... Македония будет расселена по таким и таким принципам» — и в деталях разработано расселение Македонии. Македонская колония в Петербурге (1913) во главе с Чуповским и Одесская — с Мисирковым тоже оценили сначала войну как освободительную, но сразу почувствовали, что истинная цель захватчиков — раздел этих турецких владений. Не имея поначалу точного представления о положении вещей на Балканах, В. И. Ленин писал (1912) об освободительном характере войны, но скоро сам подкорректировал себя, уточнив, что война резко завоевательная. При этом подчеркивалось, что все участники войны — завоеватели, в том числе Болгария, которая даже согласилась на раздел живого тела Македонии.

3) Оспаривается македонская национальная программа крестьянского македонского восстания. Но у нас недавно была опубликована

книга «Правила-Устав Македонского повстанческого комитета 1878», где впервые представлен интегральный текст этого документа. Это материал, полученный от болгарского (уже покойного) патриарха Кирилла в Софии (сам родом из Македонии), из его личного архива. Там точно и чрезвычайно подробно разработана македонская национально-освободительная программа и точно показано отношение к соседям и великим державам.

Пандевски М. (Yu). Одговори на прашањата поставени от проф. В. Трајков (НРБ).

а) Во рефератот јас ја потуртувам територијалната гусност на Македонија за која се залагало македонското ослободително движење, затоа што тоа било прашање фундаментално во македонската национална програма за кое зборуват стотици програмски и други документи.

Проф. Трајков ги ... мирот и револуцијата, кога говори дека Македонија не била за мир по икоја цена.

Македонското револуционно движење не било и можело да биде продолжение на делото на В. Левски, Х. Ботев и др. Пред народите на двете земји, особено по 1878 се поставино сосема различни историски задачи за разрешување.

Меѓународната и балканската социјал-демократија по тај број и БРДРП (т. с.) на Д. Благоев, борејќи се за зачувување и мирот во годините пред 1914, не правела разлика помеѓу двете балкански и Првата светска империјалистичка војна. Првата балканска војна за македонците не била ослободителна, а ми завојувачка војна. За тоа говорат документите, современиците и резултатите.

Кога проф. Трајков говори за мојот доклад, тој во него не је забелезува разликата во односите на македонските револуционери на една страна спрема бугарската прогресивна општественост, а на друга спрема владелчките сили. Јас тоа разлика ја подвлекувам. Неа ја наогаме во македонските програми и во публицистиката.

Се согласувам со дискусијата на проф. Б. Ристовски, па затоа сето ока што тој веќе изнесе, јас нема да га повторувам.

б) Проф. В. Фишер (Франција).

Во насловот на мојот реферат стон синтагмата «јужнословенска солидарност» поради тоа што дел од македонските револуционери се надевале на помош само от ним блиските и веќе ослободени народи — бугарскиот и српскиот.

Западноевропската социјал-демократија во својот однос спрема македонското прашање била поделена. Едни биле за поддршка на Македонците, други биле за *status quo* во Македонија, зашто сосема не-оправдано се плашеле од проширување на руското политичко влијание на Балканот. Тука имало и антируисизам.

Утреннее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТАУПИЛИ:

Macmaster R. (USA) — Tolstoj and the West: The instance of Polikushka and German populism (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 552—553).

Donnert E. (DDR) — D. A. Golicyn (1734—1803) und sein Werk «“Von Geist der” Ökonomisten» (Zeitschrift für Slavistik, 1982, N 5, с. 678—683).

Грдинић Н. (Yu) — Морална симболика и емблематика кијевске провенијенције у српској књижевности с краја XVIII и у првој половини XIX века (Зборник за славистику Матице српске, 1983, 24, с. 43—52).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Опульская Л. Д. (СССР). Тема доклада проф. Р. Макмастера интересная, значительная и малоисследованная. Л. Толстой высоко ценил немецких писателей — «популистов», т. е. писавших о народе. Познакомившись с Бертольдом Ауэрбахом, он внес в дневник его фамилию и поставил 15 восклицательных знаков. В позднейшей статье горячо пропагандировал роман Вильгельма фон Поленца «Крестьянин».

Проф. Макмастер уделил внимание периоду конца 50-х — начала 60-х годов, сложному кризисному времени в биографии и творчестве Толстого. Некоторые положения в докладе приходится оспорить: они не подтверждаются материалом. Отъезд в 1857 г. из Парижа свидетельствует не о «легитимистских настроениях Толстого», а о его возмущении порядками буржуазной республики, где возможно чудовищное зрелище — казнь посредством гильотины. Путешествуя дважды по Европе, Л. Толстой сопоставляет Россию с Европой, думает об исторических путях развития своей страны и утверждает, что России предназначено иное развитие (не потому, что у нее есть «преимущества отсталости»). По его мнению, в смысле человеческом, духовном Россия именно не отсталая, а передовая страна, которая призвана найти самостоятельный исторический путь и указать его другим народам. При всех противоречиях Толстого многие его суждения в педагогических статьях начала 60-х годов звучат как пророчество. Особенно странно было услышать в докладе американского коллеги слова о том, что в рассказе «Поликушка» Толстой открыто поддерживает официальную доктрину государственного национализма — православие, самодержавие, народность. Толстой никогда и нигде не поддерживал эту доктрину! Что касается периода начала 60-х годов, когда писалась «Поликушка», Толстой в это время был очень близок к тому кризису, перелому, полному мировоззренческому разрыву со своим классом, который произошел позднее. Об этом горячо и точно рассказано в «Исповеди».

Вечернее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Ристовски Б. (Yu) — Правците на развитокот на македонската општествена мисла по периодот на просветителството и националната преродба во корелација со развитокот на општествената мисла кај јужнословенските народи и на славистичката наука во XIX век (Реферати на македонските слависти за IX Меѓународен славистички конгрес во Киев.— Скопје, 1983).

Лаптева Л. П. (СССР) — Развитие русской исторической мысли в XIX веке по проблемам славяноведения (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 551).

Степовик Д. В., Федорук О. К. (СССР) — Становлення реалізму в образотворчому мистецтві слов'янських народів як проблема історії славістики (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів.— К., 1983, с. 198—223).

Saunders D. B. (GB) — Historians and concepts of nationality in early nineteenth-century Russia (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 562).

Herman K. (CS) — Vývoj československé historické slavistiky od r. 1945 do současnosti (Československá historická slavistika v letech 1945—1980.— Praha, 1983, s. 120—129).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Сарбей В. Г. (СССР). Говоря о развитии концепции национальности в исторической мысли России начала XIX в., докладчик много внимания уделяет Украине, вводит имена многих деятелей как прогрессивного, так и консервативного направления. Но едва ли не центральной фигурой доклада остается Зориан Доленга-Ходаковский. В связи с этим хотелось бы посоветовать докладчику при дальнейшем углубленном изучении взглядов Ходаковского на проблемы национального самосознания и славянского единства обратить внимание и на то, что Ходаковскому не только противостояла реакционная Россия в лице А. С. Шишкова, Ф. П. Уварова, Н. М. Карамзина и др., но и вместе с ним выступала Россия передовая, представленная участниками тайных дворянских революционных обществ — будущими декабристами. В этой связи можно напомнить, что в Петербурге Ходаковский был избран членом Вольного общества любителей российской словесности, использовавшегося дворянскими революционерами для пропаганды их идей. Президент общества Ф. Н. Глинка являлся также основателем и руководителем тайной организации — Союза Благоденствия. Значительно, что Глинка содействовал и обеспечению сохранности рукописного наследства Ходаковского после его смерти.

Нельзя, не искажая исторической правды, изображать зрелого Ходаковского периода его семилетней научной деятельности (1814—1822) приверженцем польского национализма и едва ли не безоговорочным врагом России. Напомню, что автор обстоятельный биографичес-

кого очерка о нем Иоахим Лелевель публично свидетельствовал после прочтения (к сожалению, позже утерянного) дневника Ходаковского: «Он заслуживает опубликования. В нем ничего нет, что обижало бы Россию». Это свидетельство выглядит особенно авторитетным в свете высказывания К. Маркса, который заметил в одной из своих работ: «Своим тщательным исследованием экономических условий, превративших польского крестьянина из свободного в крепостного, старик Лелевель сделал гораздо больше для выяснения причин порабощения своей родины, нежели целый сонм писателей, весь багаж которых сводится просто к ругательствам по адресу России». Современник и единомышленник Лелевеля Ходаковский также не принадлежал к этому сонмищу писателей—ругателей России. Совсем напротив: он решительно выступал против «обоядного чувства недоброхотства», внедрившегося в сердца двух народов и поставившего «вековые преграды между детьми матери славянской».

Станков В. (НРБ). В своем докладе проф. Б. Ристовский привел цитату из статьи Димитра Македонского, известного болгарского общественника и учителя из Македонии, чтобы показать, что Д. Македонский является сторонником т. н. македонизма. А в действительности в этой статье, опубликованной в журнале «Македония» (1871, № 7), Д. Македонский не только многократно повторяет, что македонцы — это болгары, но и прямо заявляет, что никакого македонского вопроса нет. Вот, например, первая часть предложения, цитированного проф. Б. Ристовским, которую докладчик пропустил: «И Понаучете ся малко историйка или изучете поне характерите на историята и ще се уверите, че македонците не са цинци, нито друг някой народ, но чисти българи...».

В научных исследованиях надо цитировать точно и полно, а не только выбранные отрывки, из которых неосведомленный читатель может получить ошибочное представление.

Трайков В. (НРБ). 1. Каждая периодизация должна считаться с историческими фактами. Предложенный началом первого периода 1814 год — год появления первых книг Кирилла Пейчиновича — связан неразрывно с болгарской историей. Сам Пейчинович писал, что его язык — это язык болгарский. Тогда почему д-р Ристовский не взял как начало «Историю славяноболгарскую» Паисия Хилендарского, написанную в 1762 г.? Паисий рожден в городке Банско, в северо-восточной Македонии. Здесь на выставке я видел книгу Александра Матковского, тоже из Скопле. По его мнению, началом возрождения можно считать вторую половину XVIII в. Я думаю, что это точнее.

Концом первого периода д-р Ристовский считает 1870 г.— явно создание болгарской экзархии, но это тоже связано с болгарской историей. На мой взгляд, концом этого периода должен быть 1878 г.— год Берлинского конгресса. Конец второго периода, по д-ру Ристовскому,— 1903 г. Но снова эта дата узко связана с болгарской историей — с Илинденско-Преображенским восстанием. Я думаю, что более точно было бы принять Балканские войны как конец второго периода. Я не понимаю, как можно принять концом Возрождения 1944 год — четверть века после ВОС революции; в эпоху социализма не надо

говорить о возрождении. Вот почему я не могу принять попытку определять специфичную македонскую периодизацию, когда все процессы в Мизии, Фракии и Македонии узко связаны.

2. Как доказательство, что борьба населения этих областей была связана, можно показать и группу документов, которая до сих пор не исследована и относится к архивам католических и протестантских миссионеров. Я долго работал с этим материалом. Он очень интересный. Документы исходят от американцев, которые жили 20—30 лет вместе с местным населением, знали его язык, его нравы, и, конечно, его национальное самосознание. Тысячи документов говорят об общественной и культурной жизни в Битоле, Рессе, Прилепе, Водене, Епидия-Вардаве, Кавардене, Велесе, Скочне, Радовцах, Струмице, Кукуше, Дойране, Кавракаче, Драме, Тетове и т. д. Известный протестантский миссионер д-р Альберт Лорд писал, например, в 1956 г., что в Македонии живет население «жадно для знания».

Я хочу здесь процитировать дословно Уста-Ховлена (1871, Битоль): «...of the Christians in Bitolja, about 2000 are known as Bulgarians, the rest being called Greeks, though as a matter of fact there are scarcely any Greeks in the city. This place is centre of considerable population of decided and earnest Bulgarians, but a large part of the Christian population are Vellinised Bulgarianse of pure origin. These latter, like the Bulgarians in and about Phillipopolis, during the past few years, are increasingly proclaiming their true nationality».

Таких документов много. Я думаю, что они также говорят убедительно об исторической правде. Д-р Ристовский сказал, что эти тысячи документов не имеют никакого значения. Более важное значение может иметь только один документ, если, по мнению д-ра Ристовского, он говорит о правде.

Но что такое правда? Почему некоторые коллеги не хотят увидеть эту правду, показанную в многочисленных документах? Этого я не понимаю. Но я понимаю только одно: историческая правда должна быть результатом анализа исторического процесса.

Мыльников А. С. (СССР). Хотя доклады К. Германа и Л. П. Лаптевой посвящены истории славистики разных исторических эпох и разных стран, они дают повод высказать некоторые суждения общего характера об условиях генезиса общественной мысли и славистики в славянских странах. В этой связи, во-первых, хотелось бы выступить с критикой понятия «европеизация» культуры славянских народов в XVIII и начале XIX в.— именно тогда происходит становление славистического комплекса. Термин «европеизация» неточен уже потому, что не вскрывает сути процесса, превращая его в простое подтягивание славянских народов до некоего «европейского эталона». На деле речь шла о становлении культуры нового времени, национальной культуры в эпоху перехода от феодализма к капитализму. По этой же причине, во-вторых, нецелесообразно обозначать этот процесс как «ренессансию». Ренессанс в Западной Европе был конкретно-историческим феноменом, который, однако, полностью не охватил этой эпохи; вспомним эпоху Просвещения как вторую фазу — об этом прямо говорил Ф. Энгельс. В славянских странах переходной эпохи

отмечаются типологические сходные черты, но это суть процесса, а формы были иными. Отсюда и вытекает нецелесообразность применения терминов «европеизация» и «ренессансные» черты для указанной эпохи. Что касается доклада Л. П. Лаптевой, то хотелось бы лишь отметить, что уже в первой половине XIX в., наряду со славянофильским направлением, формируются национально-романтические (Венелин, Савельев) и раннепозитивистские (Прегос) и революционно-демократические (Белинский, Герцен).

Калениченко А. П. (СРСР). Приеднувшись до думки Д. В. Степовика і О. К. Федорука про активніше розширення славістикою тематичних меж, яке сьогодні охоплює всі гуманітарні науки, в тому числі й мистецтвознавчі, спинюсь на пограничній зоні славістики лише з однією з мистецтвознавчих наук — музикознавством. Музично-славістичні дослідження систематично проводяться ще з минулого століття, а 1971 р. з'явилось і поняття «музичне слов'янознавство» як наукова дисципліна, предмет якої тлумачився вузько. На наш погляд, предметом «музичного слов'янознавства» є музично-історичний процес слов'янських народів, насамперед міжслов'янські музичні зв'язки. Подібно до «музичного слов'янознавства» можна окреслити предмети дослідження «образотворчого» і «театрального» слов'янознавства та «слов'янознавчого кінознавства».

Пропонуємо на наступному Міжнародному з'їзді славістів розширити мистецтвознавчу проблематику, посилити питому вагу доповідей з проблем мистецтвознавчого слов'янознавства, можливо, запровадити окрему секцію мистецтвознавства з підсекціями музикознавства, історії образотворчого мистецтва, театрознавства та естетики.

Дуриданов И. (НРБ). Должен напомнить, что мы здесь не обсуждаем вопрос современной языковой ситуации в социалистической Македонии. Речь идет о XIX в. Чтобы доказать, что в XIX в. в географической области Македонии начал формироваться литературный язык, отдельный от болгарского, надо основываться на фактах. Таких фактов я не нахожу. Наоборот, все деятели болгарского Возрождения, выходцы из Македонии, называли себя болгарами, а язык, на котором писали, означали как болгарский или словено-болгарский. Патриарх болгарского Возрождения Паисий Хилендарский из города Банско озаглавил свой замечательный труд, написанный в 1762 г., «Словено-болгарская история». Припомним из предисловия его слова: «А кой не любать за свой родъ болгарски знати но се обращаютъ на чужда политика и на чужди езикъ и не радать за свой язикъ болгарски но се учать читати и думати по грчки и сраматъ да се наречатъ болгаре, о неразумне и юроде поради что се срамишъ да се наречешъ българинъ и не четиши по свои язикъ». Автор первой болгарской грамматики — «Болгарска граматика» (1835) — Неофит Рильский тоже из города Банско. Он посвящает свой труд братьям Мустаковым и «на всичките наши любезни единоплеменни Болгари». Надо подчеркнуть, что как Неофит Рильский, так и другие деятели болгарского Возрождения из Македонии стремились писать на наддиалектном языке. Таким образом, они активно участвовали в процессе формирования литературного болгарского языка. Я назову их имена: Павел Божигробский,

братья Димитрий и Константин Миладинови, Йордан Хаджиконстантинов-Джинот, Партеней Зографский, Григор Пырличев, Райко Жинзифов, Йосиф Ковачев, Димитрий Македонский и др. Братья Миладинови, как известно, издали большой сборник народных песен, собранных и из многих краев Македонии, под заглавием «Български народни пъсни» (Загреб, 1861). Деятель болгарского Возрождения Натаанайл Зографский, митрополит охридский и пловдивский, родом из деревни Кучевшица в районе Скопья, издал несколько книг на болгарском языке. Вот как выглядел его язык: «Ние говоримъ нѣсколько человѣцы посвятихме живота си за общенародното образование, и по ясно от прочите виждамет скудостъта за необходимите книги на Българския народъ: за това почнахме неосыпно да са стараемъ да превождаме и составляваме различни и най необходими книги не только полезни за юношеството, но необходими и за всякаго возрастнаго Българина» (Зерцало или оглъдало христианское.— М., 1847). В 1865 г. Натаанайл издал «Букваръ словено-българский заради училище на Скопско Черногорско село Кучевшица». Упомяну здесь и замечательную статью Партиения Зографского (из деревни Галичник, Македония) «Мисли за българският язикъ» (Български книжици, 1858, 1), в которой дана характеристика двух основных болгарских наречий — западного (македонского) и восточного — и оценивается положение об участии «македонского наречия» в формировании общего письменного болгарского языка. Димитрий Македонский, который упоминается в докладе Бл. Ристовского, издал в 1867 г. «Кратка священна история за училищата по Македония (на македонско наречие)». В этом учебнике во многих местах славянское население в Македонии прямо названо «болгары»; ср. например: «кои се ония бугари, що се кръстиха в началото на първий вѣк потемъ Рождество Христово. Тия се Бугарить, що живатъ по Македония; ... и така во 866 година се кръсти сичкийть Бугарский народъ. После Борисъ що направи. Прати по гърцкия царь да му испрати учители отъ ония бугари, що живеле по Македония». Свой взгляд на единство болгарского языка и его наречий болгарский поэт Райко Жинзифов (из г. Велеса, Македония) выразил в предисловии к переводу «Слово о полку Игореве» (1863): «Мые за Българский язикъ бройме той язикъ, кой ся говорить по цѣла Македония, Тракия и България, между говоры-те на кой има малу много разлика, но мые, както и секой Българинъ не косогледъ, не можиме да речиме, що словото рѣка или вода е Македонско или Тракийско, а река, вода е Българско, зашото нема Македонци, нема Тракийци като отдѣлни народы, а има само славяне-Българе, кои-то живѣять по реченцы-те мѣста, имена-та на кои, може бы, имаятъ си право въ землеписанието а не въ народностъ-та, накъсо да речиме, има единъ цѣленъ народъ Българский и единъ язикъ Българский, кой-то как и секой кой му драго другъ язикъ ся делить на наръчия»... Надо обратить внимание и на то, что вся поэзия Жинзифова является яркой манифестацией его болгарского национального сознания. Ограничусь здесь несколькими цитатами из его поэмы «Гусляр в собор» (Братски труд, 1862, кн. 4):

Македония, чудна страна,
Нема да бѣдитѣ гърчка она

Шума и гора и планина,
Самый каменъ на тая страна,
Птица и рыба въ Вардаръ рѣка
Живо, мяртво на свои крака
Ке станатъ и ке дадатъ отвѣтъ:
На цѣла Европа на цѣла свѣтъ:
Я Българка сумъ, Българин сумъ я,
Българе живѣтъ в тая страна.

Кочеткова Н. Д. (СССР). Проблема народности, национальности — одна из важнейших для историков культуры и литературы, изучающих названный период. Плодотворны разыскания автора, привлекшего новые материалы по истории жизни и деятельности Ходаковского. Закономерно внимание к полемике Ходаковского с Карамзиным. Необходимо, однако, более объективно оценить значение «Истории государства Российского». Несмотря на монархическую концепцию историографа, его труд во многом стимулировал обращение к героическим темам (декабристы, Пушкин, назвавший «Историю» подвигом честного человека), а также интерес к национальной истории в славянских странах.

Пандевски М. (Yu). Се задрзувам на некои аспекти от причанего за националното именуване на македонците во XIX век. Авторот (доклатчик) во почеткот је спомна синтагмата «Шеријатска Турција». Што то значи? Според турското позитивно право засновано на Куранот породноста се покривала со чурковната припадност на граганите по принципот «cuisreligio eius natio». Поради тоа по питането на Византија, податите што ја наменувале (христјанска), ја добила збириста именка «рум-милет», што рече ромејски народ кој бил поставен под чурковната јурисдикција на Цариградската фанариотска грчка православна чурква. Во XIX в. фанариотите справедувале грцизација на Македонците, Бугарите, делумно и на Србите.

На почеткот на 70-е години от XIX в. бугарскиот народ си избрал своја национална црква со основането на бугарската Егзархија. Со тоа чеизините верски приподници биле официјално признани во Турција како Бугари, Македонците не успеле да ја обноват својата Охридска автокефална архиепископја. На тај начин прошируването на егзаршката дискуеза во Македонија придонело за затврдување и проширување на бугарското име во Македонија.

Во XIX в. и особено по 1878 станувале се помножни контактите ме у Македонците и Бугарите. Тогаш тие чи откриле народносните белези кои ги роздвојувале. Македонските емигранти по 1878 од бугарската народна средина биле спонтано приkrатени со името Македонци. На таа средина тогаш не и била позната подонца затврената конструкција за «Бугари от Мизија, Тракија и Македонија». Македонското име во разни форми беше зачувано во Бугарија до наши дни.

Се разбира дека во Македонија следствие на многу околности особено до 1912 покрај македонското се задржало и бугарското име за Македонците.

Дойнов Д. (НРБ). Напълно съм съгласен, че в процеса на формиране на науката, на новия, буржуазен по характер и светоглед,

закономерно се появяват и нови качествени изменения в изкуството, в случая в изобразителното изкуство. Авторите правилно и обективно се спрели вниманието си на реализма като елемент в изкуството на славяните включително и на южните славяни и българите по-специално, като тенденция при оформянето на националното самосъзнание и светоглед.

За България следва обаче да се вземе предвид и относително подългото задържане на средновековните по характера си прояви в изобразителното изкуство — църковна живопис и иконопис. Това произтича до голяма степен от обективно историческата роля на източноправославната църква в борбата за народно самоутвърждаване за национална самобитност срещу чужоземен и чуждоверен поробител. Но въпреки това по характера си изобразителното изкуство в тази форма е продължение на средневековните традиции. В този смисъл едва ли следва да определяме Банско-Разложката, Самоковската и Тревненската школи като «Възрожденски», макар че в тях се появяват и някои нови елементи, ктиторски портрети, символични моменти и т. н. По-дълбоко и всъщност по-точно като граница и тенденции за новото възрожденско по характера си изкуство следва да вземем преди всичко портретите на З. Зограф, творчеството на школувалите в Русия и Австроунгария Н. Павлович и Ст. Доспевски, на Хр. Цокев и други. В това време се появява и политическата карикатура и дори жанр (прим. творбите на Х. Дембицки), карикатуристи осмиващи чуждата мода (т. е. насочени в защита на българските занаяти срещу западноевропейската конкуренция) и т. н.

Надявам се, че авторите имат предвид всички тези особености и ще ги отразят в по-пълния вариант на доклада.

Само едно мнение по доклада на Б. Ристовски: неговата периодизация на «прерадбата на македонската мисъл» не е аргументирана. Не са взети предвид научните марксистки критерии за една периодизация. Тази произволност се наблюдава и по отношение и на използването на документалния материал.

Драги С. (Yu). 1. Прилагаю оттиск своего доклада (первая страница). 2. Ставлю вопрос, почему в болгарской грамматике Стояна Стоянова в первом и втором издании, где говорится об южнославянских языках, читаем: словенский, сербохорватский, болгарский и македонский, а в издании 1980 г. только: словенский, сербохорватский и болгарский!?

Ристовски Б. (Yu). Благодарю всех выступавших по моему докладу. Сказанное поможет мне в работе над этими вопросами. В частности, в том плане, что вопрос периодизации всегда довольно сложный и незаконченный. Я сам считал нужным уделить внимание началу нашего Возрождения. Как я отметил во второй сноске моего доклада, можно было бы начать с половины XVIII в., но мы еще не имеем исследований этих вопросов в нашей науке. Вопрос о Паисии Хилендарском для нас тоже очень важный. Мы должны тщательно, с чисто научной точки зрения, рассмотреть этот вопрос. Это не так просто, как сегодня интерпретируется в Болгарии.

Вполне понятно, что мы должны совместно с болгарскими кол-

легами заниматься исследованием вопроса о выдающихся деятелях нашего прошлого, принадлежащих как одной, так и другой национальной истории. Таких примеров довольно много и в области литературы, и культуры, и истории и т. д. Тем самым мы сможем более полно и глубоко изучить сложные процессы развития славянских народов и культур. Говорили здесь, что нет веских документов. Но наш Институт македонского языка издал сборник документов «За македонскиот јазик», а недавно вышел большой двухтомный сборник документов, изданный Институтом национальной истории и Кафедрой истории в Скопле.

Коллега цитировал отдельный документ как свидетельство болгарского характера македонского народа. Говорилось про тысячи таких документов. Но знаете ли, сколько томов документов могут процитировать греки о «греческом характере» этого же славянского македонского народа?

Проф. Трайков сказал, что в «Правилах-Уставе Македонского повстанческого комитета» (1878) обработаны лишь главы македонского периода. Это значит, что коллега не держал в руках саму книгу: там опубликованы факсимиле рукописного текста оригинала, на котором болгарский патриарх Кирилл написал своей рукой сигнатуру документа в своем архиве. Кроме того, д-р Славко Диневский, приятель патриарха, получил от него около 20 000 различных документов (копий) о македонском вопросе. Кирилл был сам македонец и перед смертью определил свое отношение к истории своего народа.

Проф. Станков процитировал открытый текст статьи Димитра Македонского. Я благодарю за услугу, потому что этим лишний раз доказывается, что действительно существовало македонское национальное движение со своей национальной программой.

Проф. Дойнов упоминал о сербах. Я хочу добавить, что у нас вышла недавно отлично иллюстрированная книга «Гърбовите во Македония» Александра Матковского, а также труды наших исследователей средневекового искусства, где установлено, что портреты Кирилла, Мефодия, Кнежича и Надка находятся в Македонии, но их нет в Болгарии до второй половины XIX в.

Утреннее заседание 12 сентября

с докладами выступили:

Рогачник J. (Yu) — Инициативы Копитара в украинском народном Возрождении (Зборник за славистику. Матица српска, 1983, 24, с. 32—42).

Cooper H. (USA) — The role of Jerney Kopitar in the foundation of South Slavic studies (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 540—541).

Живанчевич М. (Yu) — И. И. Срезневски према илирском покрету (Зборник за славистику: Матица српска, 1983, 24, с. 42—52).

Горленко В. Ф. (СССР) — Спільнослов'янські елементи в традиційній матеріальній культурі українців (4) (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів.— К., 1983, с. 295—310).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Шевченко Ф. П. (СССР). Доклад Е. Погачника посвящен вопросу, который еще не нашел своего освещения. Были отдельные упоминания в существующей литературе. Автор вводит в научный обиход новые факты, почерпнутые из различных источников. Доклад интересен своим содержанием и постановкой вопроса.

В силу ряда обстоятельств автором использованы материалы, относящиеся только к Восточной Галиции, находившейся тогда в составе Австрии, которая не являлась центром украинского движения. Таким центром, притягательным и для украинских земель, находившихся в составе Австрии, была Восточная Украина в составе России. Здесь сосредоточило свою силу и целеустремленность украинское Возрождение. Об этом следовало упомянуть в докладе, тогда и события в Галиции приобрели бы надлежащий им вид.

В Резюме докладов (с. 558), в тексте самого доклада (с. 33) обозначены даты: Е. Копитар (1770—1844), но в существующей литературе употребляется 1780—1844 гг., что более точно.

Пашенко Е. Н. (СССР). Е. Погачник — автор ряда работ, в том числе и по украинской литературе,— детально рассмотрел один из малоизученных вопросов словенско-украинских связей первой половины XIX в. Знаменательно, что центральной личностью этих контактов был известный словенский ученый Е. Копитар, о котором интересно говорил в докладе и Х. Коопер. Словенский филолог пристально, как показал исследователь, интересовался вопросами украинской истории, языка, литературы и др., что было составной частью его славистических интересов.

Исследование Е. Погачника расширяет наше представление о круге интересов «основателя научной славистики» и проливает свет на сложный вопрос взаимоотношений славянских культур, находящихся под австрийской доминацией. Особенно интересны замечания автора о том, что Е. Копитар, несмотря на свой политический статус в Австрии, был «эмоционально привержен украинским вещам», что становится понятным, если учесть, что западноукраинская культура, как и словенская, находились в одном географическом регионе и в одинаково «ущемленном» положении со стороны Вены. В этой связи представляется целесообразным дальнейшее углубленное сравнение в типологическом, например, аспекте украинской и словенской литературу этой эпохи. Результаты таких исследований помогут выявить некоторые закономерности в развитии славянских литератур данного ареала, немалый интерес они представляют и для истории славистики.

Дневное заседание 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Шевченко Ф. П. (СССР) — Проблема единения славян в общественной жизни Украины в XVII веке (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів: IX Міжнар. з'їзд славістів. Доп.—К., 1983, с. 94—106).

Dell'Agata G. (I) — Гръцко-български паралели в схващания за новите литературни езици през време на Възраждането (*Mondo slavo e cultura italiana*. IL Veltro editrice.— Roma, 1983, p. 90—99).

Eeckaute D. (F) — Idée de fédération slave dans les écrits politiques et les sociétés secrètes du XIXème siècle (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 543—544).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Дъяков В. А. (СССР). В опубликованном варианте доклад Д. Екот представляет собой попытку серьезного анализа федералистских концепций тайных обществ, существовавших в XIX в. в славянских странах. Доклад импонирует широтой замысла, стремлением охватить имеющуюся литературу. Знакомство с текстом позволяет высказать в предварительной форме два пожелания: во-первых, основываться в освещении вопросов не только на французской и западной специальной литературе, но и на новых работах, выходящих на русском языке и на языках других славянских стран, в частности, когда речь идет о первой половине XIX в. Во-вторых, четче определить критерии для отнесения к категории, так как, например, Агрономическое общество в Варшаве, славянские матици и некоторые масонские организации едва ли можно относить к этой категории.

Георгиева Е. (НРБ). Докладът на проф. Дел'Агата с основание се обсъжда в историческата секция, тъй като създаването на книжовни езици е преди всичко културно-историческо явление.

В този доклад се разглеждат извънредно интересни проблеми, които разширяват сведенията за създаванието по време на Възраждането български книжовен език създавайки общобалкански и дори общеваландски фон.

Важно е обаче да се добави, че към чисто културно-историческите задачи, които се преследват със създаването на книжовен език, се преследват и допълнителни, още по-важни за България задачи: обединяване чрез езика на български народ от всички български земи, т. е. национално-политически. Именно национално-политическите задачи предопределят до голяма степен спецификата на българските възрожденски процеси, а именно: търсенето на езиково средство, което подпомага идеята за единство, отразено в практиката на всички книжовници по това време — както от Запада (и крайния юго-запад), като К. Пейшнович, Н. Рилски, Й. Кърчовски, Р. Жинзифов и др., така и от Изтока — Софр. Врачански, К. Фотинов и др.

В този смисъл трябва да се оценява и гръцкото влияние върху българската езикова ситуация. Гръцкото влияние е по-скоро идейно, в теорията, а не в конкретното изграждане на книжовния език, което завършва с резултат, който няма аналог в Гърция, — създаване на книжовен език напълно на народна основа.

Бажова А. П. (СССР). В докладе чл.-кор. Ф. П. Шевченко глубоко и аргументировано раскрыты проблемы единения славян в общественной жизни Украины в XVI—XVII вв. В развитие мысли докладчика следует сказать, что воссоединение Украины с Россией открыло

новый этап в межславянских контактах в XVII в. Примером этому могут служить русско-югославские отношения, получившие большое развитие в XVIII в. В частности, интересна в этом плане судьба серба Симеона Пишчевича, основные произведения которого написаны в России, но обращены к соотечественникам. Межславянские контакты в XVII—XVIII вв. были плодотворнее, богаче, чем можно представить по опубликованным исследованиям и документам. Публикация «Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.», подготовленная Институтом истории АН СССР, может способствовать дальнейшему глубокому изучению межславянских отношений.

Шарова К. (НРБ). Доклад представляет большой интерес как удачное решение задачи показать многосторонние связи Украины с другими славянскими народами. Два вопроса, которые поднимает проф. Шевченко, имеют, на мой взгляд, принципиальное значение. 1. Межславянские отношения (экономические, политические и культурные) являются частью международных отношений в XVII в. И вообще пора отказаться от ограниченного понимания международных отношений только как межгосударственных. Такие международные отношения существовали между народами, в определенные периоды лишенными своей государственности. Существовала и дипломатия этих народов еще до восстановления самостоятельности их государств. Возьмем, к примеру, сербов, болгар и т. д. 2. Вполне поддерживаю утверждение проф. Шевченко, что XVII век является недостаточно изученным и что он представляет большой интерес для всех славянских народов и их отношений с другими народами. В частности, мы в Болгарии работаем над темой «XVII в. в болгарской истории», которая включает взаимоотношения болгар со славянским и неславянским миром. Приглашаем всех коллег участвовать в нашей работе своими исследованиями, которые могут коснуться и болгар.

В своем докладе проф. Д. Екот дала широкую панораму развития федеративной идеи у славян — от государственных планов через массонов и до революционных идей и организаций. Это задача далеко не легкая. Я считаю удачной попытку дать классификацию федеративной идеи, за исключением того, что в докладе отсутствует разграничение по существу, по политическому и социальному содержанию. Мне кажется, что южные славяне представлены в докладе в недостаточной степени. Следовало упомянуть взгляды Св. Милетича, побольше сказать о болгарском идеологе федеративной идеи Л. Каравелове, а также о Х. Ботеве.

Основательным, по-моему, является заключение автора, что федеративная идея была в XIX в. утопичной и неосуществимой. Представляет интерес выяснение обстоятельств, которые мешали реализации этой идеи для каждого варианта и обоснования различными социальными и политическими обстоятельствами.

Kravchuk P. (USA). Незабаром українські поселенці будуть відзначати 100-річчя свого перебування у Канаді. Хоч, можливо, українці були у Канаді ще й перед тим, бо могли переходити із Сполучених Штатів Америки, куди масова еміграція українців, особливо із

Закарпаття, почалася раніше. Однак 7 вересня 1891 р. вважається сьогодні днем започаткування українського поселення в цій країні. Започаткували його селяни з Небилова, нинішнього Рожнятівського району Івано-Франківської області, Іван Пилипівський і Василь Єленяк.

1891 р. можна вважати і роком поширення творчості Тараса Шевченка у Канаді. Напевно, Іван Пилипівський, який навчався декілька років у Станіславській гімназії, знов про поета і його творчість. Можливо, і привіз із собою деякі його друковані поезії. Все це, звичайно, гіпотеза, бо поки що питання, коли дійсно з'явились твори Тараса Шевченка у Канаді, на жаль, ніким не досліджено, хоч давно вже настала пора взятися за цю справу.

Але можна категорично твердити, що з приїздом до Канади в листопаді 1896 р. Кирила Геника, друга Івана Франка, з яким він перебував у коломийській тюрмі 1880 р. за соціалістичну агітацію, твори Тараса Шевченка поширювались серед українських емігрантів. Адже через сім років у хаті Кирила Геника у Вінніпегу була організована читальня ім. Т. Г. Шевченка. 1 травня 1904 р. у тій читальні відбувся перший у Канаді шевченківський концерт, присвячений вшануванню великого поета, на якому з доповіддю «Про дитячий вік Т. Г. Шевченка і його переслідування» виступив Кирило Геник.

Отже, у листопаді 1983 р. минуло 80 років, коли була організована перша читальня ім. Т. Г. Шевченка, а 1 травня 1984 р.— 80 років, як було організоване перше пошанування пам'яті Великого Кобзаря у Канаді.

На мою думку, це дуже важливі дати у дослідженні поширення Шевченкових ідей серед українських поселенців у Канаді. Адже з того часу з кожним роком популярність Тараса Шевченка, його творчість, його благодоріжні ідеї почали щораз глибше і глибше проникати в гущу українських поселенців як у великих містах країни, так і в фермерських околицях, де більшими громадами скучились українські трударі.

У 1906 р. у Вінніпегу організовується Товариство ім. Т. Г. Шевченка, яке з перших років свого існування відіграво позитивну роль, об'єднавши у свої ряди сотні людей. Тоді ж почали виникати у різних місцевостях шевченківські вітальні й товариства. Українські газети, які почали виходити у Канаді з кінця 1903 р., публікували на своїх сторінках окремі поезії Шевченка і статті про його життя і творчість. Були то, звичайно, передруки, переважно з галицьких і буковинських газет і журналів, бо тоді в Канаді ще не було компетентних дослідників його творчості. З'явились в українських газетах кореспонденції-повідомлення про те, як проходили шевченківські дні у різних місцевостях Канади.

Треба завважити, що у ті роки виходили газети різних політичних напрямків, які, кожна по-своєму, інтерпретували творчість поета. Позитивним, однак, було те, що вони, передрукуючи поезії Тараса Шевченка, популяризували як його ім'я, так і його творчість.

Найбільшою подією з приводу вшанування Великого Кобзаря було відзначення 100-річчя з дня народження Тараса Григоровича

Шевченка, яке припало на 1914 р. На Україні, в Росії прогресивно-демократична громадськість відзначала цей ювілей під закликом до боротьби за соціальну справедливість і національну свободу українського народу. Готовалися до цього свята й українські емігранти у Сполучених Штатах Америки і в Канаді. Правда, українські поселенці у Канаді не відзначали цей ювілей одночасно скрізь: кожна група організувала святкування по-своєму; між ними навіть доходило в цьому питанні до конфліктів.

У цьому ювілейному році Руська книгарня у Вінніпегу (накладом газети «Канадський фермер») випустила 24 книжечки — твори Тараса Шевченка, що були передруком ілюстрованої шевченківської бібліотеки, опублікованої 1911 р. у Петербурзі В. Яковенком. Тоді ж вийшов перший том «Кобзаря» з вступною статтею В. Доманицького — «Життя Тараса Шевченка». Це, скільки відомо, були перші видання творів Тараса Шевченка у Канаді. То була знаменна подія в культурно-освітньому і суспільно-політичному житті українських поселенців. На жаль, вона поки-що належно не оцінена дослідниками-шевченкознавцями.

У перших десятиріччях ХХ ст. у Канаді вже помітне зацікавлення творчістю Тараса Шевченка з боку англосаксонських перекладачів. Першим за цю благодородну справу взявся Александер-Джердін Гантер ще в 1910 р. Правда, тоді він переклав лише три-чотири поезії, які не були опубліковані. Лише через 12 років А.-Д. Гантер власним коштом опублікував збірку своїх перекладів під заголовком «Кобзар України», до якої увійшли 23 твори поета. І як зазначається у «Шевченківському словнику», це було «найповніше видання творів Шевченка англійською мовою» того часу. Незважаючи на те, що з ідейного і художнього боку ці переклади були слабкі, сам факт появи цієї збірки був чималою подією не тільки для української громадськості у Канаді, але й для Шевченкіанії взагалі. І цього важливого факту, як би сьогодні не підходили до оцінки цих перекладів деякі критики, не можна ні заперечити, ні применшити його значення.

Я не збираюся робити огляд всього того, що зроблено дотепер у Канаді як українською, так і англійською мовами в справі поширення творчості поета і його величезного впливу на українську громадськість, бо це не входить ні в мое завдання, ні, тим більше, в мою компетенцію. Це питання, однак, повинне бути всебічно і грунтovно вивчене і висвітлене у відповідних наукових дослідженнях — монографіях. Адже за останні 30 з лишнім років слава про Тараса Шевченка задзвінна від океану до океану, від Монреаля до Ванкувера, про нього сьогодні знають у Канаді не тільки люди українського походження, але й люди інших національностей, бо його твори поширені у країні доступно ім мовою — англійською.

Так, у Канаді 1922 р. вийшла перша найповніша збірка творів Тараса Шевченка англійською мовою, а майже через 30 років у Канаді був встановлений перший на американському континенті пам'ятник Великому Кобзареві.

Як бачимо, Канада займає особливе місце серед країн, поза межами Радянського Союзу, де широко й голосно лунає слово безсмертного

сина України, видатного революційного демократа, великого слов'янина, поета світового значення — Тараса Григоровича Шевченка.

4. СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ПОСЛЕ 1945 г.

Пленарное заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Сохань П. С. (СССР) — Киев в духовном общении славянских народов (традиции и современность) (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів : IX Міжнар. з'їзд славістів. Доп.—К., 1983, с. 28—50).

Кулинич И. М., Мельникова И. Н. (СССР) — Национальное и интернациональное в социалистических культурах славянских народов (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів : IX Міжнар. з'їзд славістів. Доп.—К., 1983, с. 51—77).

Шерстобитов В. П. (СССР) — Культурное взаимообогащение народов СССР в 60—70-х годах (История, культура, этнография и фольклор славянских народов : IX Междунар. съезд славистов : Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 20—33).

Тронько П. Т. (СССР) — Відображення єдності східнослов'янських народів у пам'ятках історії та культури соціалістичного Києва (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів : IX Міжнар. з'їзд славістів. Доп.—К., 1983, с. 78—93).

Афанасьев В. А., Гордійчук М. М., Зубков С. Д. (СССР) — Сучасне українське мистецтво в загальнослов'янському контексті (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів : IX Міжнар. з'їзд славістів. Доп.—К., 1983, с. 180—197).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Шишов Н. (СССР). 1. В годы второй мировой войны огромное значение имело единство народов мира, в том числе славянских народов. В результате деятельности Коммунистической партии и Советского государства была создана антигитлеровская коалиция народов и государств. СССР внес решающий вклад в разгром фашистской Германии и ее союзников.

2. Важное значение имела деятельность Всеславянского комитета, созданного в 1941 г. в СССР. Секции: русская, украинская, белорусская, чехословацкая, южных славян, польская — провели огромную по своему масштабу работу. Они создали различные славянские организации, оказавшие помощь народам, ведущим борьбу с фашизмом.

3. Интернациональное единство народов планеты имеет огромное значение и в современных условиях, когда все прогрессивное человечество ведет борьбу против мировой реакции, против подготовки новой мировой войны.

Ненароков А. П. (СССР). Открывая первое пленарное заседание нашей секции, проф. В. Матула, как вы помните, говорил, что представленные доклады дают прекрасную возможность не только обменяться мнениями по ряду важных проблем и подвести итоги проведенным между VIII и IX съездами исследованиям, но и определить новые направления конкретно-исторических работ, расширяющих вклад историков в славистику. И это действительно так. Нельзя не согласиться с уважаемым профессором, что наступила пора для определения таких проблем, которые бы стали предметом коллективного междисциплинарного исследования, объединяющего усилия представителей многих стран, что, в свою очередь, как мне представляется, могло бы открыть возможность системного анализа некоторых весьма серьезных вопросов, все еще ждающих своего решения. С этой точки зрения весьма правомерны и интересны доклады проф. С. С. Хромова, Ю. Ю. Кондуфора, П. Т. Петрикова по т. н. общим темам, касающимся широких социально-экономических и культурных аспектов развития советского общества в целом, где достижения русского, украинского, белорусского народов в братском союзе стали составной частью великих достижений великой семьи советских народов, которую мы по праву называем новой исторической общностью людей. Доклад проф. В. П. Шерстобитова вплотную примыкает к упомянутым выше докладам.

Определяя, исходя из опыта социалистического строительства в нашей стране, ряд необходимых условий интернационализации духовной жизни, а значит, и интенсивного взаимодействия национальных культур, докладчик справедливо подчеркнул, что одним из решающих факторов, воздействующим на темпы и масштабы межнационального взаимообмена культурными ценностями и, я бы добавил, на процесс их осознанного взаимоусвоения, является рост национальной экономики и культуры.

Вместе с тем именно рост национальной экономики и культуры неизбежно ведет к росту национального самосознания. Этот процесс объективный и закономерный. Понятно, что в рамках своих докладов ни С. С. Хромов, ни В. П. Шерстобитов не могли коснуться этого вопроса, поскольку тема у них иная. Но вот то, что он пропал в других докладах, посвященных расцвету и взаимосвязи национальных культур, весьма жаль. Ведь именно в этом, причем в концентрированном виде, аккумулируются, в частности, те гигантские успехи в области национальных культур, о которых шла речь во многих выступлениях на секции. Говоря о культурных взаимоотношениях народов СССР в последние два десятилетия, стоило бы выделить сюжет, связанный с ростом культуры межнационального обмена, что является в значительной мере итогом процессов, составляющих суть этого взаимообогащения. Свидетелями того, что рост национальной культуры содействует росту межнационального культурного обмена, росту культуры межнационального общения, стали участники Международного съезда славистов в прекрасной столице Украины.

В заключение хочу обратить ваше внимание на две проблемы, представляющие интерес для всех нас. Первая из них связана с раз-

работкой темы, для которой история славянских народов дает богатейший материал. Как историк культуры, я бы сформулировал ее следующим образом: «Становление и развитие национального самосознания славянских народов и роль в этом процессе славянской культуры». Решение этой проблемы потребует усилий историков, философов, социологов, филологов, искусствоведов, музыкантов, этнографов, демографов и т. д. В хронологическом отношении данная проблема могла бы быть, как мы говорим, сквозной, а для нас, историков современного периода, она дала бы и блестящую возможность показать, как влияют социально-экономические и культурные достижения социализма на саму суть национального сознания, обогащая его содержание, утверждая диалектическое единство национального и интернационального, возможность проследить взаимосвязь между успехами в социалистическом решении национального вопроса, национально-культурной и языковой политикой пролетарских партий, правящих партий в наших странах, и ростом национального самосознания масс. Вторая проблема — более широкая, определяющаяся вкладом славянских народов в строительство социалистического общества и социалистической культуры. Ее можно было бы, на мой взгляд, сформулировать так: «Социализм и культурный прогресс славянских народов». Думаю, нет необходимости долго обосновывать правомерность постановки такой проблемы как одного из направлений развития славяноведения, тем более, что, как известно, начало подобного рода исследованиям положено созданием интернациональной группы под руководством М. Ешича в Институте славяноведения и балканстики АН СССР и теми плановыми работами, которые намечены научным советом АН СССР по истории социалистической культуры, возглавляемым Д. Марковым.

Конечно, исследования по названным проблемам, безусловно, должны вестись объединенными усилиями славистов различных стран. Может быть, с этой целью МКС стоит обсудить вопрос о создании при Комитете специальной комиссии по социальному и культурному развитию славянских народов после 1945 г. Работа предстоит большая и сложная, но я думаю, что мы найдем общий язык, независимо от различия в подходах и оценках, ибо язык науки — это язык поиска к взаимопониманию.

Герасимова-Персидская Н. А. (СССР). В дополнение к данному докладу хотелось бы указать на интенсивное развитие музыкального славяноведения в последние десятилетия как на Украине, так и в СССР в целом. Проблемы, встающие при этом, являются общими для всех областей славяноведения. Изучение музыкального творчества России, Украины, Белоруссии в межславянских связях способствовало бы более глубокому постижению славянских культур. Аспекты таких исследований едины как для музыковедения, так и для различных направлений филологических и других изысканий славистов.

В связи с вышеизложенным представляется своевременным создание секции музыкального славяноведения.

Афонин Ю. И. (СССР). В процессе интернационализации материальной и духовной жизни наряду с взаимообогащением в многона-

циональных странах вырабатываются и некоторые стандартные черты. При этом, чем интенсивнее межнациональные производственные и другие контакты, тем больше этих черт.

Сейчас работники одной и той же профессии для производства одной и той же продукции независимо от места проживания используют одни и те же орудия труда и методы оперирования ими. Наиболее ярко это отражается в промышленности, но и в сельском хозяйстве по мере его механизации наблюдается та же тенденция.

Стандартизуются многие элементы проведения внерабочего времени населения, т. е. места проживания и отдыха; их оборудование, одежда, сформировался определенный стандартный набор времяпрепровождения. Эти элементы стандартизации нередко приводятся в качестве аргумента якобы существующей стандартизации. Но ни один из этих элементов нельзя назвать чисто русским, это общесоюзный, а иногда и мировой стандарт. В условиях равноправного сотрудничества вопрос приема того или иного стандарта решается добровольно.

Являясь средством межнационального сотрудничества, как и взаимообогащения, стандартизация служит выработке одной общечеловеческой культуры. Но различать эти два явления необходимо.

Попов Г. Н. (СССР). Характерной чертой заслушанных докладов является то, что они как бы объединены единой темой: зародившиеся в глубокой древности связи славянских народов в сфере духовной жизни с течением времени постоянно растут, крепнут и совершенствуются. С победой социалистических революций во всех славянских странах эти связи поднялись на новую качественно высшую ступень — переросли в подлинно братское сотрудничество. В докладах убедительно показаны и факты, обусловливающие расширение, углубление и совершенствование этого сотрудничества. Доклады обогащают ценной информацией, будят творческую мысль.

Селивачев М. Р. (СССР). Специфіка «нелінгвістичних» форм слов'янських культур реально окреслюється там, де вони взаємодіють з неслов'янськими, зокрема, на українсько-молдавському пограниччі. Особливе багатство видів народного мистецтва, стилістичних напрямків спостерігається на поліетнічних півночі і півдні Молдавії з прилеглими Чернівецькою та Одеською областями України. Взаємодія східнослов'янських традицій зі східнороманськими підтверджує положення доповідачів: зростає своєрідність кожної національної школи, яка розвиває найбільш досконале, естетично-виразне, збагачуючи цим сусідні народи (широке побутування в українців яскраво темпераментної молдавської орнаментальної музики і української багатоголосої пісні на молдавських весіллях та ін.).

Не меншою мірою, ніж музичі, декоративна щедрість і орнаментальна пишність властиві сучасному молдавському житлу, народному мистецтву, в той час як українці здавна віддавали перевагу строгішим архітектурним вирішенням. З початку ХХ ст. спільні для Східної Європи стилістичні зміни народної творчості в бік натурної достовірності, багатоколірності сприяли поширенню молдавського впливу. Коли ж на початку 80-х років «натуралістичний напрям» досяг своєї

вершини, посилюється інтерес до геометричного орнаменту, українських, гуцульських зв'язків.

Нерідко молдавані Північної Буковини (що безпосередньо межує з Гуцульщиною), в яких більше поширене вівчарство, ткацтво, запозичують гуцульські візерунки, передаючи їх українцям Буковини та Молдавії, а ті часто відтворюють їх вишивкою.

Хоча славістика довгий час формувалася в лоні лінгвістики і літературознавства, настав час для рівномірного дослідження різних аспектів культури слов'ян, зокрема презентації мистецтвознавчої, образотворчо-фольклорної проблематики.

Вечернее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Петерс И. А., Потехин А. В. (СССР) — Научно-техническая интеллигенция славянских стран: пути формирования, источники пополнения, место в социальной структуре социалистического общества (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів : IX Міжнар. з'їзд славістів. Доп. — К., 1983, с. 119—131).

Cambels S., Zelenák S. (CS) — Spojenci robotníckej triedy, Ich úloha vo vývoji revolúcií v Československu a v Bulharsku po druhej svetovej vojne (Резюме докладов и письменных сообщений : IX МСС.— М., 1983, с. 572—573).

Чичовска В. (НРБ) — Международные культурные связь на България и движението за славянско единство 1944—1948 гг. (Резюме докладов и письменных сообщений : IX МСС.— М., 1983, с. 573).

Fišera V. C. (F) — Politiques et modèles d'intégration régionale en Europe centrale et orientale (1944—1948) (Резюме докладов и письменных сообщений : IX МСС.— М., 1983, с. 573).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Дьяков В. А. (СССР). Доклад д-ра Фишера посвящен важной теме — роли славянской солидарности в период второй мировой войны. Однако в освещении затрагиваемых вопросов имеются существенные недостатки. Прежде всего это относится к терминологии, которая сильно отличается от принятой в научной литературе, а заимствована во многом из заданной пропагандистской литературы времен второй мировой войны и первого послевоенного десятилетия.

Д-р Фишера необоснованно утверждает, будто всеславянское сотрудничество в борьбе против «германского варварства» возникло летом 1941 г. «в советской идеологической и политической тематике» (см. резюме доклада). Основной слабостью методологического подхода д-ра Фишера является то, что он рассматривает лишь одну, в значительной мере сконструированную им самим геополитическую форму «славизма», приписывая ее Всеславянскому комитету и безосновательно утверждая, что он не был участником антифашистской общественной организации, а играл роль инструмента внешней политики СССР.

Для подтверждения своих выводов автор доклада приводит некритически используемые источники и произвольно собранные факты.

Сухарев В. В. (СССР). Представляется бесспорным важное значение представленной на рассмотрение IX Международного съезда славистов проблемы союзников рабочего класса, их роли в развитии революции в славянских странах после второй мировой войны (на примере Болгарии и Чехословакии). В этой связи мне хотелось бы поддержать основные положения, сформулированные в докладе чехословацких ученых С. Цамбела и Ш. Зеленака, и высказать некоторые соображения по затронутым ими вопросам.

Объективный анализ исторического материала убеждает, что развернувшиеся в Чехословакии и Болгарии в 40-х годах революции не явились каким-то «экспортным товаром», а осуществлялись широкими народными массами этих славянских стран, причем гегемоном как в национально-демократической, так и в социалистической революции был рабочий класс. Чем определялась способность рабочего класса осуществлять свою ведущую роль в борьбе трудящихся масс, сплачивать вокруг себя широкие слои населения в ходе революции?

Думается, правильный ответ на эти вопросы можно дать только с учетом сложной взаимосвязи количественных и качественных факторов, характеризующих объективное положение в социальной структуре и в жизни общества как рабочего класса, так и совокупности классов и социальных групп, обычно называемой средними слоями. К ней можно отнести крестьянство, ремесленников, мелкую буржуазию города, а также служащих и интеллигенцию. На характере устремлений и действий этих социальных групп сказывалось их промежуточное положение между рабочим классом и крупной буржуазией, социальная неоднородность, идеологическая и организационная раздробленность. Ни одна из них в силу причин объективного характера не оказалась в состоянии возглавить и повести за собой всю массу трудящихся на борьбу за коренное переустройство общества. Опыт революций в славянских странах показывает также, что только рабочий класс во главе со своим марксистско-ленинским авангардом выступил как единственная последовательно революционная сила, способная сплотить трудящихся города и деревни в широкую коалицию и повести их к победе нового общественного строя. Это обусловливалось его реальными возможностями и ролью как главной производительной силы общества, особенностями его исторического развития, солидными революционными традициями классовой борьбы. Представляется, что освещение широкого круга вопросов по проблеме союзников рабочего класса будет более полным, если историки продолжат изучение конкретных путей, форм осуществления на практике политики союзов в каждой из стран.

Голуб В. И. (СССР). Закономерности и национальные особенности развития рабочего класса Народной Республики Болгарии в начальный период строительства социализма (60-е годы).

Анализ закономерностей и национальных особенностей развития рабочего класса НРБ и повышения его роли в строительстве социализма свидетельствует о том, что:

1) такие закономерности, как количественный и качественный рост рабочего класса, возрастание его роли как наиболее могучей производительной силы общества, повышение социальной и трудовой активности, дальнейшее укрепление классовой основы социализма — союза рабочих, крестьян и интеллигенции и др., приобретают интернациональный характер. Мировоззрение рабочего класса — марксизм-ленинизм — в процессе строительства социализма становится мировоззрением всех классов;

2) ярко проявившиеся в НРБ тенденции расширения социальных границ рабочего класса, изменения социального механизма его воспроизводства, повышения общей и профессиональной культуры, дальнейшего становления социальной однородности общества и др. становятся также общесоциалистическими, интернациональными, т. е. происходящие в этот период процессы реально обуславливают всестороннее и гармоническое сочетание всех функций деятельности рабочего класса — политической, производственно-экономической, социальной и духовной;

3) ведущая роль рабочего класса наиболее полно и последовательно проявляется в деятельности его авангарда — БКП, возрастание руководящей роли которой — объективная интернациональная закономерность развития социалистического строительства;

4) все теоретические и практические вопросы, связанные с ведущей ролью рабочего класса в строительстве и совершенствовании социализма, сейчас стоят в центре идеологической борьбы, поэтому их объективное изучение, последовательное разоблачение антимарксистских взглядов имеют большое идеологическое значение.

Романов В. Е. (СССР). Исследование отдельных сторон и аспектов взаимоотношений стран Центральной и Юго-Восточной Европы в первые послевоенные годы представляется весьма актуальным. Однако обязательным условием при этом является учет основополагающих социально-экономических и социально-политических факторов, определявших развитие отдельных государств, рассмотрение всей системы связей, складывающихся между странами Центральной и Юго-Восточной Европы и между ними и СССР.

Главной тенденцией развития отношений между указанными странами в первые послевоенные годы было утверждение в этих отношениях принципа пролетарского интернационализма, формирование между ними и СССР и между ними самими международных отношений нового типа. Этот процесс выразился в складывании прочной и устойчивой системы связей и контактов между Советским Союзом и странами, вставшими на путь строительства социализма, в области политики, экономики, идеологии и культуры.

Формирование отношений нового типа — сложный и длительный исторический процесс, и, конечно, установление нового социально-экономического строя в ряде государств не означало автоматически и одновременного утверждения в практике их межгосударственного общения принципа пролетарского интернационализма во всей его политике. Однако утверждение элементов нового типа было главной,

доминирующей чертой развития межгосударственных контактов стран народной демократии и СССР.

Во второй половине 40-х годов происходит поиск тех форм и направлений, по которым должно было развиваться сотрудничество народно-демократических государств. Участие их в движении за славянское единство было тем обусловленным конкретными историческими условиями внешнеполитическим направлением, которое позволило осуществлять их сближение и союз с СССР, что отвечало коренным, жизненным интересам стран народной демократии. Но речь шла уже о сближении стран, объединенных однотипным общественным строем, общностью целей и исторического пути. Поэтому и движение за славянское единство в этот период по своему содержанию отличается от акций славянской солидарности военного времени, тем более в довоенные годы. Рассмотрение же движения за славянское единство вне того социально-экономического фона, на котором оно развивалось, в отрыве от жизненных факторов, определявших его развитие, как это, на наш взгляд, имеет место в докладе В. Фишера, не позволяет вскрыть объективное движение этого содержания, объяснить происходившие в нем изменения и не может поэтому быть плодотворным в научном отношении.

Туривенко Н. И. (СССР). Доклад В. Чичовской посвящен одной из наименее разработанных и наиболее важных проблем в истории внешней политики Болгарии. Интересный, впервые вводимый в научный оборот архивный материал позволил автору прийти к следующим бесспорным выводам: а) развитие межславянского сотрудничества в Европе было непосредственно связано с революционными процессами в освобожденных странах; б) все это сближало их с СССР; в) участие Болгарии в межславянском движении содействовало выходу ее из дипломатической изоляции.

В борьбе за славянское единство важную роль играли профсоюзы, кооперативы ВОКС, СБСО и другие общественные организации, внесшие достойный вклад в интернациональное воспитание трудящихся, укрепляли доверие к ним международной общественности.

Коллега из Франции Фишера в своем докладе допустил ряд существенных неточностей, говоря о переименовании Славянского комитета во Всеславянский. В новой межславянской организации — Общеславянском комитете — представители славянских стран были равны, Белград оставался местом пребывания руководящих органов комитета. Это подтверждают архивные материалы конгресса и пленумов комитета в Москве, Варшаве, Софии и Праге.

Вся деятельность комитета подчинена благородной задаче усиления борьбы народов с остатками фашистской идеологии и реакции в освобожденных странах, защите мира и демократии.

Трайков В. (НРБ). Българо-гръцките паралели по въпроса за характера на създаващия се нов литературен език са разглеждани досега от редица изследователи, още от Васил Пунdev насам. Вече редица изследвания даде и заслужилия италиански изследовател Джузепе Дел'Агата, който и днес показва широко познаване на проблема.

Аз искам да разгледам този въпрос от историческа гледна точка.

В Гърция надделя становището на коране, но не се отиде до край. Създаден бе кафаревуса, който всъщност не се говореше от населението и постепенно се отдалечаваше от живата разговорна реч. Даровитите писатели пишеха на димотики — така както се говореше сред народа в централните части на Гърция. През този период постепенно димотики се изглади, обогати така че преди няколко години стана възможно той да бъде вече въведен като официален литературен език, а кафаревуса да мине в историята.

Сред българите още от началото надделя становището, че литературния език трябва да се изгради на основата на народните говори. В този етап на развитие започна изграждането на съвременния български литературен език преди българският народ да има своя държавна или друга никаква обща институция. Започна и спор как точно и върху кои говори да бъде изграден новият литературен език — процес, познат при всички народи, включително и гърците. Всички българи обаче имат дълбоко убеждение, че диалектите — особенности не трябва да пречат за изграждането на общия литературен език. Особено добре това е изразил Райко Жинзифов, който пише в Москва през 1863 г.: «Ние за български език броиме той език, кой са говорят по цяла Македония, Тракия и България».

Тази е истината, която характеризира развитието на този въпрос. Тя сочи успоредици с гърцкото развитие и същевременно носи и свои специфични особености, така добре посочени от Джузепе Дел'Агата. Аз го поздравлявам за неговия доклад.

Quelques mots concernant le rapport de M-me Denise Eeckarite. Je veux souligner l'erudition de l'auteur, montrée ici tellement convaincante. Je me permettrai seulement faire quelques petites remarques pour compléter la Port bulgare. Sauf Dimiter Blagoev, Ljuben Karavelov et Christo Botev, on peut ajouter aussi l'activité du Georgi Rakovski en 1861—1863, du Comité secret Bulgare à Bucarest en 1866—1867 et les plans de la Société Bienfaisante en 1867. L'idée de fédération slave, où plutôt Sudslave a une histoire intéressante aussi chez les Bulgares.

Киценко А. Ф. (СССР). 1. Неверно утверждать, что СССР имеет какие-то модели интеграции этого региона. Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, онставил цель разгрома гитлеровского фашизма, освобождения порабощенных народов, которым самим предстояло решать в будущем пути развития.

2. Нельзя согласиться с тем, что общества дружбы носили несколько искусственный характер и действовали под нажимом коммунистов. Чувства дружбы и благодарности Советскому Союзу шли из самих глубин широких народных масс.

3. Неправильным является утверждение, что дружба с СССР в конце 40-х годов заменила славизм, как и выдвинутый В. Фишерой тезис о том, что славизм был лишним в тех странах, где коммунисты владели монопольной властью.

Чиковска В. (НРБ). Во-первых, автор не знает исторических источников о славянском движении, он подошел к проблеме со случайно выбранными фактами, оторванными от исторического контекста и не отражающими единого славянского движения.

Во-вторых, термин «Союз славянских государств во главе с Советским Союзом» не употребляется в славянском движении.

В-третьих, цитируемые факты о Болгарии не отражают процессов, они не истинны, там есть грубые ошибки.

К славянскому движению нужно подходить с научной точки зрения.

Романов В. Е. (СССР). Выступление посвящено формированию между славянскими народно-демократическими странами и СССР международных отношений нового типа, основанных на принципах пролетарского интернационализма. Становление этих отношений, исходной точкой которых стала победа народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, представляет собой сложный и длительный процесс, в ходе которого происходило распространение принципа пролетарского интернационализма на всю сферу политических, экономических, идеологических и культурных связей и взаимоотношений между СССР и народно-демократическими государствами. Период второй половины 40-х годов был временем активного становления этих отношений во всех областях, вследствие нарастания нового общественно-экономического строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, развития в них революционного процесса.

5. ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ (ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ДР.)

Утреннее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Дойнов Д. (НРБ) — Първият славянски конгрес и етнографска изложба в Москва и българската общественост (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 582—583).

Ергић В. (Ю) — Предложения о сводном лексиконе украинско-сербских связей в отдаленном и близком прошлом (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 524—525).

Zoll-Adamikowa H. (Р) — Materiały nekropoliczne jako źródło do badania wyobrażeń życia pozagrobowego u pogańskich Słowian (Z polskich studiów slawistycznych.— Warszawa, 1983, s. 329—337).

Михайлова Г. (НРБ) — За някои общи функционални особености между българския народен костюм и облеклото на източните славяни (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 585—586).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Герасимова-Персидская Н. А. (СССР). Целью моего выступления является стремление привлечь внимание к большому массиву памятников, прямо относящихся к сфере интересов съезда. Это восточно-

славянские музыкальные рукописи XII—XIII вв. Их исследование чрезвычайно активизировалось за последние 10—15 лет. И сейчас назрела необходимость включить вопросы изучения этой области памятников в проблематику съезда. Касаясь только памятников как таковых, можно указать на общность главных направлений работы: это источниковедение, текстология, эдиционные вопросы, проблемы канона и культурного контекста и др. Необходимость интердисциплинарных исследований тем наступившее, что музыка связана со словом. И привлечение музыкального компонента может дать новый аспект и филологическим исследованиям. В связи с приведенным хочу обратиться к руководству секции от имени музыколов-лингвистов с просьбой войти в оргкомитет съезда с предложением создать на следующем съезде секцию музыкального славяноведения.

Игнатович Э. В. (СССР). Обзор Д. Дойнова этнографической выставки в Москве, с нашей точки зрения, следует дополнить сообщением о письменном памятнике из Минтечаура с изображением двух павлинов под деревом жизни, что являются по элементам древнейшими художественными образцами славян от Руси до Сербии. Имеется и ряд других археологических доказательств славянского происхождения этого текста, датируемого различными авторами V—VII вв., а точнее 524—525 гг.

Такой подход позволил получить дешифровку этого текста с использованием ачванской азбуки, якобы созданной Месроном Машетоци, а также еще нескольких текстов Северного Причерноморья и Болгарии.

Археологические данные позволяют датировать $\approx 25\%$ общего количества букв этой азбуки I—II вв., ранее времени жизни Месрона Машетоци.

Ристовски Б. (Yu). Доклад коллеги Дойнова чрезвычайно интересен и важен в изучении славянской взаимности. Знаток материала и эпохи, автор дал картину славянского конгресса и этнографической выставки в Москве в 1867 г. Но жаль, что автор ничего (вербально) не сказал об основной проблеме, к которой, в частности, относится доклад. Это судьба Македонии и македонского народа на этом шествии. Всем известно, что и цитаты Жинзифова, и деятельность Верковича и Шайкарова относятся исключительно к «македонскому вопросу». Все они точны, но цитированы без контекста. Ничего не сказано, что, как и при других народах без исторического наследия, находящихся в разных империях, действовали представители различных идейных и методологически-стратегических направлений. Так, в Словакии, например, были люди, считавшие словацкий язык и народ чешским, на Украине, в Белоруссии некоторые известные деятели считали себя и свой язык русским, подобные тенденции были и в Словении, Хорватии и т. д. И в Македонии также существовали деятели (в частности, в эмиграции), считавшие себя и болгарами, и сербами, и греками или (в различное время и при разных обстоятельствах) и одними, и другими, и третьими. Это судьба всех т. н. исторических народов.

Но само перечисление отдельных представителей одного народа не дает право исследователю делать заключения о национальном

контексте всего народа. В таком случае мы не могли бы говорить сегодня о единой национальной культуре словаков, украинцев, белорусов, словенцев и т. д. Что же касается этнонима «македонец», то оно прочно вросло в сознание людей в Македонии того времени. Кроме того, оно имеет и национальную функцию в Европе. В частности, на Украине имя македонцев употребляется в его национальном значении. Всем известно, например, что были организованы гусарские полки, в том числе и македонский, который имел специальные отличия. От того времени до сих пор сохранилось небольшое количество топонимов: Македонивка, Македонка, Скопское село и т. п. Так, в ответе запорожцев турецкому султану, в народном предании и думе говорится и о «македонском коннике», а в Кирилловской церкви в Киеве имеется ансамбль фресок с образами из македонских светителей (Кирилл и Мефодий, Климент Охридский, Исаак Македонский и др.), а всем известно, что этого культа в Болгарии до XIX в. вообще не было!

Ісаєвич А. Д. (СРСР). Властимир Ерчич має великі заслуги як автор фундаментальних праць з історії сербсько-українських історичних та культурних взаємин XVIII ст. Висновки його монографій, присвячених Мануїлові Козачинському, надзвичайно переконливі, оскільки в них всебічно використані як сербські, так і українські джерела, в тому числі рукописні. Очевидно, досвід плідної дослідницької діяльності у цій галузі і спонукав В. Ерчича виступити з пропозицією про створення довідкового видання, у якому б знайшли висвітлення багатогранні українсько-сербські зв'язки, контакти, взаємовпливи в ділянці культури. Ця пропозиція цілком своєчасна. Такий довідник узагальнив би вже здійснені дослідження і сприяв би їх дальшому пожвавленню.

В. Ерчич пропонує готовувати довідкове видання з історії сербсько-українських зв'язків у формі словника. На наш погляд, такий словник повинен мати грунтовну вступну статтю. Можна собі навіть уявити довідник з двох частин: перша мала б характер узагальнюючого дослідження, друга була б побудована як енциклопедичний словник. Підготовка довідника полегшується тим, що якраз напередодні нашого з'їзду вийшов бібліографічний покажчик «Балканістика в Українській РСР» (упорядники Д. Дімчева-Вірчева, Т. А. Балабушевич, М. В. Кірсенко, відповідальні редактори Н. Тодоров, П. С. Сохань). Очевидно, бібліографічні праці в цьому напрямі слід продовжити. В плані підготовки довідкового видання доцільно провести і планомірні пошуки рукописних джерел. Варто подумати про публікацію каталогів та оглядів рукописів з цього питання, збірників документів.

Запропоноване В. Ерчичем видання показало б місце сербсько-українських взаємин у загальному контексті зв'язків слов'янських народів між собою і з неслов'янськими народами. Таке видання могло б започаткувати цілу серію довідників з історії міжслов'янських взаємозв'язків.

Пашенко Е. Н. (ССРР). История украинско-сербских взаимосвязей с древних времен представляет одну из впечатляющих страниц южнославянского культурного общения. Несмотря на существующую

обширную литературу по данной теме, проблема эта, к сожалению, еще далеко не изучена так, как она того заслуживает. В. Эрчич, известный историк театра и литературовед, автор солидных монографий, в том числе и представленной на выставке съезда книги о М. Казачинском, украинце, авторе первой сербской драмы, предложил интересную и несомненно ценную идею о необходимости совместной подготовки свода материалов по сербско-украинским связям с древних до новейших времен. Будет ли это «Лексикон», как предлагает автор, или же какая-то иная форма, публикация подобного свода материалов послужила бы солидной базой для дальнейших углубленных исследований в данной области, составной частью предложенного автором создания универсальной библиографии славистических изданий. Такое издание представляло бы несомненную ценность и для истории славистики, над которой в настоящее время интенсивно работают ученые.

Ritter G. (P). Badania językoznawcze nad etymologią wyrazów prasłowiańskich należących do sfery pogańskiej terminologii religijnej typu: pol. upior, ros. упырь, (psł.* ḡṛugъ), pol. nietoperz, ros. летучая мышь (psł.* netopugъ) wskazują, na decydującą rolę ciałopalenia w procesie oddzielania duszy od zwłok zmarłego. Psł.* ḡṛug, *netopugъ zawierają bowiem element rdzenny *pyrg- «(ogień)» i znaczyły prawdopodobnie «nie spalony». Z kolei badania nad etymologią wyrazu *rajъ (o zasięgu ogólnosłowiańskim) wskazują na niewątpliwe istnienie pojęcia o duszy u pogańskich słowian: okazuje się bowiem że pogański *rajъ był miejscem, do którego udawała się dusza po jej oddzieleniu od zmarłego ciała po dokonaniu kremacji. W sumie więc badania nad etymologią wyrazów związanych z pogańską terminologią religijną potwierdzają wnioski referatu H. Zoll-Adamikowej, zawarte w jego części dotyczącej roli kremacji i istnienia pojęcia o duszy.

Трайков В. (НРБ). Докладът на Дойно Дойнов поставя интересни въпроси, които имат голямо значение за възрожденския процес в България по онова време. Значението на конгреса и изложбата в Москва през 1867 г. дълго се подчертава в българския печат и служи като стимул за събирание паметници на народната култура.

Тук се постави въпрос защо се говори само за българи, а не и за македонци, след като участие са взели и хора по рождени от македонските области. Цитира се името на Р. Жинзифов.

Подобно искане е най-малкото странно. Сам Жинзифов и другите дейци от Македония се наричат българи. Как днес, 120 години по-късно, да изменят това, което те сами са казали и писали. През 1863 г. Жинзифов печата в Москва своята книга «Новобългарска сбирка», в която публикува преводи на «Слово о полку Игореве», Тарас Шевченко и др. скъпи за всеки славянин трудове. Той сам изяснява, че: «Ние за български език броиме той език, кой са говорят по цяла Македония, Тракия и България... Ние, както се секой българин не късоглед, не можиме да речеме, що словато ръка или вода е македонско или тракийско, а ръка, вода е българско, защото няма македонци, няма тракийци като отделни народи, а има само славяне-българи, които живеят по речените места, имената на кои може би имаят си право в землеописанието (географията), а не в народността...»

Как може да се иска днес да изменяме това, което преди 120 години сам Жинзифов е писал? Не е ли това фалшифициране на съществуващ документ?

Покровский А. А. (СССР). Весьма важной в докладе является правильная историческая установка: невозможны все различия между народными верованиями и официальной верой. Немалая часть этих различий — следствие переосмысления официального церковного ве-роучения в духе и направлении, которые в народе считались вполне христианскими, но более или менее осуждались церковью.

Нам кажется справедливым наблюдение докладчика, что обычай, связанные с понятием о покойнике как «живом трупе», плохо согласуются с обрядом «трупосожжения».

Очень интересна и правдоподобна гипотеза о влиянии на народное понятие «живого трупа» переосмысленного в противном церковной догматике духе евангелистического рассказа о 10 явлениях Христа между Воскресением и Вознесением. Очень вероятно и предположение докладчицы о том, что в таком переосмысливании могли сыграть свою роль представители низшего духовенства. Сходный процесс давно уже отмечен для народных заговорных формул. Подобные взгляды в народной сфере уживались с церковными представлениями, проходящими через призму народного сознания и переработанными ею.

Подобная точка зрения не обязательно отражает теорию существования древнейшего языческого комплекса взглядов о «живых трупах», но для времени и места существования у славян обряда трупосожжения докладчице удалось выдвинуть важные аргументы в защиту своей точки зрения.

Вечернее заседание 10 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Велчева Б. (НРБ) — Киевските листове (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 589).

Ісаєвич Я. Д. (СРСР) — Слов'янські стародруки в історії слов'янської і світової культури (Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів. IX Міжнар. з'їзд славістів. Доп.— К., 1983, с. 146—164).

Шмидт С. О., Жуковская Л. П., Шеламанова Н. Б. (СССР) — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Междунар. съезд славистов. Докл.— М., 1983, с. 270—282).

Немировский Е. Л. (СССР) — Сводный каталог старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Теоретические и методические основы (Резюме докладов и письменных сообщений: IX МСС.— М., 1983, с. 586).

Щапов Я. Н. (СССР) — Восточнославянская рукописная книга за рубежом: Вопросы ее изучения и введения в науку (История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Междунар. съезд славистов. Докл.— М., 1983, с. 283—295).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Натт J. (A). Тщательный палеографический анализ не дал окончательного решения, поэтому докладчица опиралась на памятники известного В. Ганки. Кроме того, что касается первой страницы, то обращено внимание на вторую половину (той же руки), представляющую явно перевод из латыни. Следует также сказать, сколько и каких переводов из латыни было в Болгарии во время написания киевских глаголических листов.

Выступающий высказал мнение, что, может быть, химический, лазерный и другие высококачественные анализы чернил дадут нам ответ на вопросы древности и подлинности Киевских глаголических листов.

Altbauer M. (Is). Tak zwany Psalterz Byczkowa nie był na Atosie, ale na Synaju i przed 130 laty zabrał Porfirij Uspenskij jeden kwaternion (8 listów) synajskiego rękopisu. W roku 1968 udało się zidentyfikować nr. 6 jako bezpośredni dalszy ciąg zabranych z Synaju listów.

Został on wydany przez mnie (razem z Psalterzem Byczkowa); okazało się, że to jeden z najstarszych psałterzy staroruskich (koniec 11 wieku wyłącznie z 1. dziesiątką 12 wieku). Przed trzema laty zidentyfikowałem jeszcze 2 dodatkowe kwaterniony (32 strony) i tak obecnie prawie kompletny tekst Psalterza.

Jest na Synaju więcej staroruskich zabytków (4, z tego jeden bardzo ważny fragment Czasosłówu (1 list zabrał Uspenskij, 7 zostało na Synaju, 1 list (N 9) znalazł się w Paryżu, a resztą w latach 90. podarował Jagić Bibliotece Szczedrina-Sałykowa. Jest też piękny Irmologeon (nr. 45) i fragment Psalterza. Filmy są w moim posiadaniu w Jerozolimie.

O rękopisach staroruskich są dane w moim artykule w «Palata Knigopisnaja», t. 2.

Także wśród nowoodkrytych rękopisów słowiańskich na Synaju są ważne fragmenty staroruskie.

Гринберг М. Д. (СССР). Вполне принимаю основные положения и выводы доклада Я. Н. Щапова и разделяю его убеждение в важности задачи изучения и введения в научный оборот рукописной книги за рубежом. Однако хотелось бы добавить и напомнить еще об одном источнике материалов помимо зарубежных библиотек и университетов. Это собрания печатных и рукописных книг в старообрядческих общинах, которые имеются почти во всех европейских странах, Турции, США, Канаде, Бразилии и Австралии. Существуют свидетельства о наличии у них интересных материалов. Дело их выявления трудное, однако сейчас наблюдается большой интерес зарубежных старообрядцев к СССР, и, возможно, это поможет в работе в данном направлении. Может, учет и изучение материалов старообрядческих общин не является проблемой первостепенной важности, однако, как мне кажется, не следует выпускать из виду этот источник, обещающий интересные находки.

Герасимова-Персидская Н. А. (СССР). Сводный каталог учитывает рукописи также и нормированные. С течением времени типы таких рукописей меняются, и, следовательно, должна меняться и методика

их обработки. Я занимаюсь не крюковыми, а мотолинейными памятниками конца XIV — середины XVIII в. Соответственно их особенностям разработана методика описания и каталогизирования. В настоящее время составлен полный каталог мотолинейных памятников (многоголосия) по Отделу рукописей ЦНБ АН УССР (включает алфавитный список всех произведений и три тома инципитентного — музыкального каталога). Он дает возможность свободно ориентироваться не только в данном фонде, но и при сравнении его с рукописями других хранилищ. Считаю необходимым активизировать работу по составлению таких каталогов и для других библиотек, в первую очередь самого крупного хранилища — ГИМ.

Ставитский В. И. (СССР). Насущной задачей в изучении памятников истории и культуры славянских народов является комплексный подход. Необходимое условие этого подхода — наиболее полная каталогизация источников. Археология славянства предоставляет в распоряжение славистов разнообразный материал, в том числе и письменный, который также нуждается в кодификации. Замечательный пример необходимости этого дают граффити Софии Киевской, опубликованные С. А. Высоцким. В фондах Софийского заповедника хранится неопубликованная рукопись Н. В. Холостенко «Метки на древнерусских кирпичах», содержащая «Каталог меток на древнерусских кирпичах», часть которого составляют метки типа буквенных знаков, дающие огромный материал для аналогий. Сейчас в Софийском заповеднике ведется работа по каталогизации знаков на керамике (голосниках) из фондов Софийского музея, часть которых составляют буквенные знаки. Интенсивный обмен между археологией и науками, изучающими письменные источники, комплексный подход к изучению общих проблем будет способствовать их наиболее успешному решению. Это не раз подчеркивал безвременно ушедший из жизни Владимир Терентьевич Пашута, выдающийся теоретик и методолог изучения истории славянства. Зачтение его доклада явилось еще одним тому подтверждением.

Владышевская Т. В. (СССР). На заседаниях секции, к сожалению, не были затронуты музыкально-археографические проблемы, в то время как постановка этих проблем очень актуальна. Перед музыкальной славянской медиевистикой стоит важная задача описания и каталогизации музыкальных памятников. Известно, что в СССР, а также за его пределами хранится большое число музыкальных памятников, по предварительным подсчетам приближающееся к 10 000. К тому же многие памятники до сих пор еще не выявлены. Необходимо начать планомерную работу по выявлению, каталогизации и описанию русских и славянских памятников музыкальной культуры. Это должно быть специальное музыкальное описание с выявлением музыкальной специфики каждой рукописи. Задача описания и каталогизации музыкальных рукописей не входит в комиссию издания памятников славянской культуры МКС, в то же время задача описания и учета музыкальных памятников не менее важна, чем их публикация. Мы предлагаем создать специальную комиссию «Сводного описания музыкальных памятников» (возможны корректизы в названии), которая должна за-

ниматься описанием и каталогизацией всех музыкальных памятников: древнерусских, старообрядческих, славянских и русских, хранящихся как в СССР, так и за рубежом, а также первопечатных музыкальных книг. Реализация этой задачи может быть выполнена на базе Кабинета русской музыки, Московской государственной консерватории при участии Общества охраны памятников, Археографической комиссии АН СССР и других учреждений.

Станчев К. (НРБ). Подготовленный советскими коллегами Сводный каталог рукописей, как и уже вышедшие сводные каталоги в Болгарии и Югославии, имеет большое значение для осуществления некоторых международных проектов. Международный информационный центр об источниках по истории Балкан и Средиземноморья (CIBAL) — международная неправительственная организация при ЮНЕСКО, чей секретариат находится в Софии, занялся одним таким проектом. Комиссия рукописей CIBAL ведет работу по составлению Сводного каталога нарративных памятников по истории и культуре балканских народов. У него будут два раздела: 1) рукописи балканского происхождения; 2) рукописи небалканского происхождения, содержащие произведения балканских авторов или сведения о Балканах.

Сейчас готовится предварительный список рукописей, которые войдут в каталог. С связи с составлением каталога Комиссия рукописей CIBAL подготовила — с широким международным участием — «Примерную методику каталогизации рукописей для составления сводного каталога...». Она обсуждалась на специальной международной конференции (София, 1982), а окончательный текст был реадаптирован учеными из Австрии, Болгарии, Греции, Нидерландов, Румынии, СССР, Франции, Югославии. Ее цель — найти общий язык для однотипного описания рукописей, в частности, между славистами.

Кроме того, в связи с каталогом и другими задачами CIBAL организуются международные семинары по палеографии и дипломатике: славянская (2), латинская (2), византийская (1), османская (1). В 1980 г. отпечатан большой том с материалами первого семинара по славянской палеографии и дипломатике. Сейчас готовится к печати том с лекциями второго семинара. Все это помогает ученым найти общий язык в области палеографии и дипломатики. Надо отметить и заканчивающуюся работу по составлению (международным коллективом) Дополнения к справочнику-указателю описаний славянских рукописей (М., 1983). Это дополнение охватит период 1963—1982 гг. Основная его часть уже подготовлена.

Німчук В. В. (СССР). Професор В. Ерчик висловив цінну ідею створення лексикона українсько-сербських зв'язків у далекому та близькому минулому. Здається, доцільно було б таку енциклопедію обмежити хронологічно — до XVIII ст. включно, трохи звузити тематику й опрацювати тільки культурні, наукові й освітні зв'язки, але розширити її територіально-етнічний обсяг й укласти енциклопедичний словник про зв'язки всіх східнослов'янських народів (українців, росіян, білорусів) із сербським народом, а можливо, із усіма південними слов'янами. Вийшла б дуже необхідна міжслов'янська колективна наукова праця.

Доповідь про палеографію Київських глаголичних листків, зроблена проф. Б. Велчевою, займе належне місце серед праць, присвячених цій найдавнішій слов'янській писемній пам'ятці. Вона добре аргументована і дає ще один доказ на користь автентичності давнього манускрипту.

Оскільки недавно опубліковано монографію, в якій заперечується давність Київських глаголичних листків і висувається гіпотеза про створення їх у XIX ст., імовірно, чеським діячем В. Ганкою, ми хочемо ознайомити учасників засідання з деякими результатами нашого вивчення пам'ятки, яке проводилося в зв'язку з підготовкою її факсимільного видання до IX Міжнародного з'їзду славістів. За браком часу оминаємо чисто лінгвістичний і текстологічний аспекти дослідження рукопису.

У Київських глаголичних листках пергамент у зошит скомпоновано так, що глянцева сторінка розташована поруч із сусідньою глянцевою, а шерехата — поруч із шерехатою, як і в найдавніших кодексах, зокрема XIII—XIX ст. У КЛ чергуються сторінки з заглибленою лінією і сторінки з випуклою лінією. Розміщення сторінок, які однакові щодо «тканини», але різні щодо лініювання, характерне для західноєвропейських кодексів кінця XIII — поч. XIX ст. Цю закономірність відкрив лише 1928 р. американський дослідник Е. К. Ренд. Щоправда, така закономірність порушена в серединних листках (4—5) пам'ятки. Вже після завершення палеографічного, текстологічного й лінгвістичного дослідження пам'ятки було організовано експертизу матеріальної частини КЛ.

У лабораторії судово-технічних досліджень документів Київського науково-дослідного інституту судових експертіз Міністерства юстиції УРСР здійснено детальне обстеження КЛ, а саме: 1) мікроскопічне вивчення у розсіяному, косонаправленому й прохідному освітленні; 2) дослідження за допомогою електронно-оптичного перетворювача; 3) фотографування у відбитому ультрафіолетовому та інфрачервоному промінні; 4) фотографування видимої люмінесценції, збуджуваної ультрафіолетовим випромінюванням. Висновок: жодних знаків, крім тих, що читаються в звичайних умовах, не виявлено. Отже, в КЛ немає ознак палімісесту або непомітних неозброєним оком виправлень.

З метою детального визначення хімічного складу барвників КЛ було взято мікропроби чорнила 1-ї сторінки, що за мовними й палеографічними ознаками молодша від основного, місального тексту, та з двох почерків давньої частини — сторінки 2 зв.— 5 зв. Взято ю мікропробу червоного барвника з 7-ї сторінки. Для зіставлення взято мікропроби чорнил уривку Слепченського апостола й листа В. Ганки — гаданого автора КЛ. Атомний склад чорнил із мікропроб було визначено методом мас-спектрометрії в проблемній лабораторії радіофізичного факультету Київського державного університету.

Порівняльний аналіз результатів мас-спектрометричного дослідження чорнил показує, що атомний склад першої сторінки КЛ суттєво відрізняється від складу решти. У чорнилі першої сторінки немає таких компонентів, як ітрій, мідь, кобальт, що ними характеризується чорнило сторінок 2 зв., 5 зв. Отже, перша сторінка справді написана

не тоді, коли всі інші. Це важливо, бо, як каже проф. Б. Велчева, перший листок має ознаки пізньої македонської глаголиці. Цікаво, що склад чорнила Слепченського апостола подібний до складу барвника КЛ. В ньому, зокрема, є рідкісноземельний елемент ітрій. Звичайно, чорнило листа Ганки суттєво відрізняється від давніх чорнил.

У червоному барвнику багато алюмінію, отже, йдеться про сурик — найчастіше вживаний червоний барвник на Заході в епоху середньовіччя.

Аналіз чорнила, таким чином, є одним із головних аргументів на користь автентичності Київських глаголичних листків.

Велецкая Н. Н. (ССР). Явственным выражением содержания доклада является то, что он будирует научную мысль, вызывая соображения относительно дальнейшей разработки затронутых в докладе вопросов в аспекте изучения связей погребальной обрядности с языческим мировоззрением и мифологической традицией. В языческих представлениях о бессмертном духе, после смерти человека продолжающем существование в свободных от земной формы субстанциях, не следует упускать из виду значимость космических мотивов. Особенно наглядно выражены они в рельефах на архаических надгробьях в изолированных горных местностях Югославии. Идея «вечного мира» обозначена комплексом космических символов: небосвод, солнце, месяц (луна), звезды в различных сочетаниях. Устремленность духа умершего^в обожествленный Космос символизируется десницей, обращенной к небу, часто гипертроированной и фигурирующей в сочетаниях с другими знаками обращенности в Космос (лук, стрела и др.). Наиболее выразительны рельефы с изображением небосвода, солнца, луны и очертаний фигуры человека с птицей в руке, возносящегося в небо; звезд, месяца и парящего к ним силуэта, условно обозначенного то ли в саване, то ли в ритуальном длинном одеянии — условность изображения направлена, по-видимому, на выражение духовной сущности субстанции.

Что касается представлений о «живом трупе» в связи с переходом к ингумации, полагаю целесообразным анализ этого явления, все еще не выясненного с точки зрения трансформации форм ритуала проводов на «тот свет» (Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов.— М., 1978).

Соглашаясь с положением о том, что корни ритуальной кремации покойников следует искать в мировоззренческих концепциях, считаю перспективными в этом плане историко-сравнительные изыскания в аспекте соотношения ее с мифологическим мотивом о космических культуртрегерах, в пламени удаляющихся с земли по свершении своей культурной миссии, и связанным с ним ритуалом отправления легатов к обожествленным космическим предкам.

Покровский Н. Н. (ССР). Систематическая работа по собиранию и описанию рукописей старопечатных книг определенного региона может существенно повлиять на наши взгляды о культуре и культурных связях этого региона. По инициативе М. Н. Тихомирова началось обследование в археографических целях Сибири, итоги которого названы Д. С. Лихачевым «Археографическим открытием Сибири». Оказалось, что книги шли в Сибирь уже с новой волной переселения с

казаками-первоходцами. Имеется нотная рукопись с записью о продаже ее «в Якуцком остроге на великой реке Лене» в 1640 г., сразу же после основания города. Нами описан экземпляр Минеи с владельческой записью сподвижника Е. П. Хабарова В. Паламожного. Свердловские археографы недавно обнаружили значительные остатки библиотеки Строгановых конца XVII в.— типографию Симеона Полоцкого, Симеона Ушакова, Афанасия Трухменского. С 1600 г. начинаются закупки и посылки книг в Сибирь с духовными и светскими властями. Нами найден документ о значительно больших, чем ранее предполагалось, масштабах этих закупок — в конце XVII в. в Сибирь было отправлено более 1200 книг, в том числе в одной присылке более 200 букварей. Но основной массив древних книг был привезен в Сибирь старообрядцами, причем в эту среду проникла и украинско-белорусская литература. Так, на наших глазах старообрядцами была извлечена из захоронения Риторика конца XVI в. с явными следами украинского влияния. Старообрядцы интересовались каноническими сочинениями Лихудия.

Экспедиции подтвердили наличие в Сибири многих сочинений древнерусской литературы, включая Паремийные чтения о Борисе и Глебе (XVI в.), слова Кирилла Туровского, Климента Смолятича и Иоанна Болгарского (XVI в.), русский рукописный перевод и киевский печатный текст Поученья Агапита Илариону (XVI в.). Найдены также списки «Сказания о Мамаевом побоище», сочинения Ивана Переяславского, Максима Грека, древнейший список «Степенной книги», сочинения украинских риторов 1-го и 2-го поколений. Среди находок старопечатных книг — «Постная Триодь» Ш. Феоля, «Пятикнижие» Ф. Скорины, «Октоих» («Сборник») Божидара Вуковича 1528 г. Только в нынешнем году приобретено два экземпляра Острожской библии И. Федорова и фрагмент третьего экземпляра. Часто встречаются украинские издания конца XVI—XVII вв.

Таковы некоторые характеристики той «сибирской темы», в которую, «вытаращив глаза, всматривался Ю. Крижанич», — по давним словам Крлежи, процитированных проф. Й. Хаммом в его интересном докладе на пленарном заседании.

Мирочник Ф. Ш. (СССР). Весьма информативный доклад С. О. Шмидта, Л. П. Жуковской, Н. Б. Шеламановой свидетельствует об огромной работе, проделанной Археографической комиссией АН СССР по собиранию, обобщению и научной обработке колоссального материала, относящегося к рукописному богатству славянских народов, которое имеется в книжных собраниях нашей страны.

Одобряя эту исключительно плодотворную деятельность Археографической комиссии, хотелось бы высказать пожелание, чтобы как можно больше славяно-русских рукописных книг стали в обозримом будущем доступными для исследователей разных специальностей — лингвистов, литературоведов, историков, искусствоведов. Речь идет об издании древних рукописных книг, хотя понятны большие трудности, которые предстоит преодолеть. За последние десятилетия в нашей стране опубликован ряд древних славяно-русских рукописей. В их числе превосходное в научном отношении издание одного из немногих

датированных памятников XI в.— Изборника 1076 г., публикации Синайского патерика XI—XII вв. (последнее, к сожалению, без словоуказателя), Успенского сборника XII—XIII вв., Выголексинского сборника XIII в., Киевской псалтыри. Подлинным подарком исследователям древнерусского книжного мастерства, языка и письменности вообще явилось приуроченное к настоящему съезду издание Мстиславова евангелия XI—XII вв. (но его тираж всего лишь 700 экз.). Филологи приветствуют осуществленную украинскими славистами публикацию старославянских Киевских листков.

Однако многие древние рукописные книги, хранящиеся в отечественных собраниях, все еще ждут своего опубликования, а имеющиеся классические издания прошлого, естественно, давно уже стали библиографической редкостью (например, Новгородские служебные минеи конца XI в. в издании В. Ягича).

Следует подчеркнуть, что для лингвистов публикации и введение в научный обиход неизданных рукописей XI—XIV вв. имеют особое значение в связи с нерешенными вопросами, связанными со сложной проблематикой языковой ситуации в Киевской Руси и древнерусского литературного и письменного языка.

Аннушкин В. И. (СССР). Накопление и систематизация информации, о чем говорил проф. С. О. Шмидт, являются первоосновой при изучении ряда важнейших (в сущности, «нетронутых») областей нашего рукописного наследия. К таким областям относится малоизученная, но одна из основных дисциплин в истории филологии — риторика. Занимаясь историей русской рукописной риторики, я просматривал хранилища Москвы, Ленинграда и Киева и собрал материалы для сводного каталога рукописных риторик XVII — начала XIX в. Имеющийся материал и первичное знакомство с ним позволили выделить следующие периоды в истории русской рукописной риторики.

1-й период — до начала XVIII в., когда отсутствуют регулярные курсы на русском языке (вероятно, латинские риторики были в Киевской братской школе, поиском же греческих руководств необходимо заняться в будущем). Существование риторики как теоретического знания можно предположить по высокому развитию ораторской прозы в Древней Руси, а также по неоднократным упоминаниям слов «ритор», «ветий», «риторика» и пр.

2-й период — от середины второго десятилетия до 90-х годов XVII в., когда регулярно переписывалась только первая русская «риторика», приписываемая новгородскому митрополиту Макарию. Это сочинение известно в 31 списке (наиболее поздний — 1714 г.), работа над ним завершена.

3-й период — от 90-х годов XVII в. до 1710—1715 гг.— время расцвета русской рукописной риторики в эпоху петровских преобразований. В этот период создаются руководства, которые во множестве списков расходятся на протяжении всего XVIII — начала XIX в. Указываем ниже 10 таких учебников с количеством списков, имеющихся только в отделах рукописей ГБЛ и ГИМ, печатные и инвентарные описания которых мною просмотрены полностью:

1) «Риторика Софрония Лихуда» 1698 г. (18 списков), 2) «Риторика» Козмы Афониеверского 1710 г. (8 списков), 3) «Риторика» Иоанникия Лихуда 1712—1716 гг. (нач. «Палата царского благоязычия...» 1 список), 4) «Рука риторическая» Стефана Яворского в переводе Ф. Поликарпова конца XVII в. (10 списков), 5) «Риторика» в 5-ти беседах Ф. Прокоповича (атрибуция требует проверки и сопоставления с его же латинской риторикой) конца XVII в. (8 списков), 6) Андрея Белобыцкого «Наука проповедей» середины 90-х годов (12 списков), 7) его же «Великая наука Раймунда Люллия» 1698—1699 гг. (со списками, указанными А. Г. Горфункелем — 64), 8) его же «Краткая книга Раймунда Люллия» (3 списка), 9) его же «Книга сия философская» (7 списков), 10) «Риторика», приписанная Михаилу Усачеву, конца XVII в. (со списками Д. С. Бабкина — 3).

4-й период — примерно от 1715 г., когда начинают создаваться единичные курсы риторики в отдельных академиях и школах. С печатной «Риторики» М. В. Ломоносова, расходившейся во множестве списков, начинается параллельное существование рукописных и печатных руководств.

В каталог рукописей по истории риторики должны войти также 1) латинские риторики, существующие в большом количестве часто единичных списков (ср. «Описание курсов... риторики в КРА» В. Д. Литвинова), 2) риторические статьи в старообрядческих сборниках, показывающие своеобразное осмысление риторики и принципы риторической педагогики у старообрядцев (ср. статью А. Денисова «О произношении гласа и движении тела»), 3) упражнения и орации студентов — богатейший неопубликованный материал по истории русской школы и методика обучения речи и проповедей, иллюстрирующих практическое применение риторических знаний.

Щапов Я. Н. (СССР). Поддержка выдвинутых в докладе предложений о путях использования русских, украинских и белорусских рукописей, хранящихся за рубежом, очень существенна. Только совместными усилиями филологических и исторических институтов, библиотек, научной и культурной общественности можно ввести ценные памятники нашего прошлого, хранящиеся вне СССР, в научный оборот. Важно сотрудничество советских и зарубежных славистов в этой работе. Проф. М. Альтбауэр дал ценные дополнительные сведения о древнерусских книгах в Иерусалиме, обследованных им. Указание на то, что американо-египетская экспедиция, работавшая на Синае, микрофильмировала не все славянские рукописи, также очень важно. Нужно стремиться, может быть, через Российское палестинское общество к получению копий этих рукописей, что расширит коллекцию их микрофильмов, находящуюся в ГПБ в Ленинграде и аннотированную Н. Н. Розовым. Рукописи в старообрядческих семьях за рубежом, на необходимость изучения которых обратил внимание М. Л. Гринберг, — важная составная часть культуры русского народа. Поскольку зарубежные слависты не имеют достаточного опыта археографических экспедиций, можно было бы предложить организацию совместных зарубежных экспедиций советских ученых с учеными социалистических стран, аналогичных тем, которые ежегодно проводит, например, Институт археологии АН СССР.

Бевзенко С. П. (СССР). Киевские глаголические листки — один из самых древних памятников т. н. западнославянской редакции — имеют уже большую литературу, которая постоянно пополняется, что свидетельствует о том, что интерес к ней не прекращается, а, наоборот, возрастает. Доклад Б. Велчевой, сделанный на съезде, без сомнений, является реакцией на монографию Й. Хамма «Das glagolitische Missal von Kiev» (Вена, 1979). Весь ее пафос направлен на отрицание гипотезы Й. Хамма об участии В. Ганки в написании этого памятника. И в этом необходимо поддержать докладчицу. Мне пришлось иметь дело с Киевскими листками в связи с подготовкой к печати их нового издания, осуществленного В. В. Нимчуком, которое было рекомендовано мною. Это издание сопровождается значительным исследованием, в котором дается детальная история рукописи по новоотысканным материалам, полный его палеографический анализ, включая чернила, пергамент и т. п., языковедческий анализ текста, особенно его лексики, с новыми параллелями, что привело исследователя к выводу о древности памятника, с чем трудно не согласиться; во всяком случае, не остается никаких оснований для того, чтобы считать этот памятник подделкой, осуществленной В. Ганкой.

КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

1. ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН

Заседание круглого стола 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Hensel W. (P) 1) Problem nie tylko bardzo złożony, ale wymagający szerokiej interdyscyplinarności; wśród nauk główne miejsce obejmuję językoznawstwo; ważne badania archeologii, antropologii i etnografii, ale także innych nauk humanistycznych, przyrodniczych i technicznych. Najlepiej byłoby je prowadzić w ramach etnogenezologii.

2) Należy pogłębić pracę nad metodologią i metodą badań etnogenetycznych, by właśnie odpowiedzieć na pytanie jak, kiedy i gdzie tworzyli się słowianie.

3) Ze względu na niedoinformowanie o pracach ukazujących się w tych kwestiach byłoby dobrze stworzyć centrum informacji o tych badaniach i publikować je oraz przekazywać wszystkim ośrodkom.

Трубачев О. Н. (СССР). Как известно, теория этногенеза в немалой степени связана с данными языковедения, строится на них. Естественно, что и обсуждение этногенеза славян должно в немалой степени быть обсуждением проблем языкоznания. Не случайно, например, мой доклад был назван «Языкоznание и этногенез славян». Возвращаясь к этой теме, я позволю себе кое в чем ответить на выступления по своему докладу, поскольку он оказался первым по этой проблеме и я не успел раньше ответить и уточнить свои позиции.

Естественно, что русистам, слушавшим доклад, оказалась близкой проблема аканья, затронутая в нем. Я не мог ставить перед собой цели осветить русистскую литературу по аканью; это просто не входило в мои задачи. Однако мою краткость на этот счет извиняет то, что я затронул аспекты, в русистике обычно оставляемые без внимания. Позволю себе общеметодологическое замечание, что русистика замкнула свои рамки поисков причин аканья пространством и временем собственно русского языка, а вернее — его довольно поздними веками, с которых аканье действительно фиксируется в русских (ю.-в. р.) и белорусских памятниках письменности. На этом пути, по-видимому, проблему аканья не объяснить. Симптоматичны поэтому попытки увязать аканье с балтийским субстратом, с ассимиляцией балтийского языка, где слились и.-е. о и а. Однако это уже потенциально углубляет хронологию аканья на несколько столетий. Вообще нельзя смешивать случаи первой фиксации аканья на письме и возможное зарождение этого явления в языке. Из поздней фиксации не следует вообще выводить поздний характер аканья в ю.-в.-р. Не следует также считать, что такая интер-

претация вправе называться полноправной исторической интерпретацией. История и этого явления начинается раньше письменной его истории. Не удовлетворительна обычная интерпретация и в изоглоссном и типологическом плане, потому что изоглоссное наблюдение ведется русистами только в восточнославянском ареале. Недаром новые подходы славистики к проблеме аканья фиксируются как «Общеславянское значение проблемы аканья», как названа известная книга четырех авторов, вышедшая в Софии в 1968 г. Слависты указывают параллели русскому аканью на перифериях славянского языкового ареала (родопское аканье болгарского, славянских диалектов), а это наводит на мысль, что и русское аканье есть периферийный (в терминах лингвистической географии) процесс, т. е., по всей видимости, процесс архаический. Вообще целый ряд восточнославянских языковых (фонетических) явлений целесообразно рассматривать как периферийные в отношении всего славянского ареала и архаические в указанном смысле. Как бы то ни было, даже не включаясь в схоластические споры о том, было ли у праславян открытое о или огубленное, лабиализованное а, нужно допустить, что истоки аканья уходят в древность. Я отнюдь не склонен видеть в нем действие субстрата (субстратов), и тут мы вступаем уже в область типологии аканья. Типология вообще дает нам право на известную панхронию, но дело не в ней, а в тех давних истоках, которые позволяют сближать по временной вертикали русское аканье и отмеченное в моем докладе индоиранское преобразование вокализма. К этому нас уполномочивают различные соображения. Недавние работы А. С. Мельничука по индоевропейскому вокализму показывают неудовлетворительность классических воззрений на главный а как на поздний, он бесспорно предшествовал выработыванию классической апофонии. Далее, бесспорно носителями наиболее архаичных признаков являются краткие гласные в общей системе. Языки, утратившие количественные различия гласных, не утратили этих черт архаизма вообще, но, скорее всего, переинтерпретировали (в случае с русским) архаичность краткостного вокализма как архаичность безударного вокализма.

Перестройки вокализма касаются не одних только узких специалистов-лингвистов, они в данном примере могут быть поняты как органические внутренние процессы, идущие не из Малой Азии, не с Ближнего Востока, но, по ряду примет, автохтонные в Центрально-Восточной Европе. А это дает выход и в этногенетический аспект.

Углубляя внешнюю и внутреннюю историю праславянского, мы изучаем разные аспекты славянско-неславянских отношений. Конечно, не все такого рода отношения, как говорится, релевантны в плане этногенеза. Так, мы говорим в этом плане о славянско-италийских отношениях, а, скажем, славянско-восточнороманские отношения будут, так сказать, постэтногенетичны.

Что касается призывов учить интерференцию, т. е. расщепление звуковой системы при заимствованиях, они возражений не вызывают.

Prof. Sławski jest «bardzo przywiązany do teorii wspólnoty bałtoscłowiańskiej», używając jego własnych wyrazów. Nie jestem pewny, że

osobiste przyzwyczajenia mogą zamienić argumentację naukową, więc najpierw o charakterze naukowym. Ale te ostatnie zdają się przemawiać w sposób decydujący przeciwko tej teorii w jej starym, klasycznym ujęciu. Według prof. Ślawskiego i wybitnych uczonych, na których się opiera, wszystko łączy słowiańszczyznę i języki bałtyckie: system palatalizacyjny, system apofonii. Czy tak jest w rzeczywistości? I na naszym zjeździe i poza jego obrębem już dają się słyszeć głosy za samodzielność językowego rozwoju słowiańszczyzny. Palatalizacja w bałtyckim przebiega inaczej, lub jej niema tam w ogóle (prof. Zinkevičius, w dysk. 8 września), rozwój samogłosek, mianowicie długich, odbywał się w językach bałtyckich w kierunku odwrotnym, niż w słowiańskich (prof. Stankiewicz, w dysk. tegoż dnia). Satemizacja w obu językach była inną. Referat prof. Vanagasa wykazał, że od strony analizy hydronimicznej nie ma powodów do utrzymania tezy o wspólnocie bałto-słowiańskiej. Jak można nie zdawać sobie sprawy z tych doświadczeń? Nie możemy zgodzić się z twierdzeniem, że wiemy równie tyle, ile wiedzieliśmy przedtem. Teraz znamy naprzekład dokładniej i więcej stosunki leksykalne bałto-słowiańskie, niż są ujęte w słowniku Trautmanna. Ten słownik od roku 1923 podaje mylnie jak bałto-słowiańskie w rzeczywistości.

Nad nowymi poglądami na prasłowiańszczyzne, jej rozwój i ulokowanie (etnogeneza i topogeneza) trzeba pracować dalej, a nie odrzucać ich a limine.

Я заметил, что углубление славянской хронологии, акцентирование индоевропейских истоков праславянского конфузита и опытных и молодых лингвистов, привыкших думать иначе. Не буду говорить об этом подробно, но утверждение об обособлении праславянского с точностью до века или до года (напр., с. 500 г. до н. э.) считаю беспредметным. Погоня за такой мнимой точностью ничего не даст. И это вам говорит не пессимист. Ссылки на опыт археологов тоже не вполне правомерны. Археологи оперируют типологической классификацией и хронологией, а их абсолютная хронология производна от типологии. Впрочем, может быть, об этом скажут они сами. Попутно замечу, что упоминания здесь на лексикостатистику, оперирующую куцым списком основных слов (200 или 300) и совершенно недоказанным тезисом о равномерности их убывания во всех языках, неуместны. Языки и их лексика развиваются неравномерно, в этом их самобытность и прелесть.

Седов В. В. (СССР). Ныне представляется очевидным, что проблема происхождения и начальной истории славян может быть разрешена только комплексно, на основе данных различных наук, прежде всего языкоznания, археологии, истории, антропологии, этнографии, фольклористики. Мнения о том, что ведущей в изучении этногенеза славян является лингвистика (или археология), а остальные науки имеют чисто вспомогательное значение, встречаются в литературе все реже и реже.

Встает вопрос, что понимать под комплексным подходом к славянскому этногенезу, как использовать данные различных наук, порой противоречивые, в изучении древнейшей истории славян. Довольно распространенное в литературе объявление той или иной археологической культуры славянской на том основании, что ее ареал в какой-то мере совпадает с областью, проблематично отводимой ранним славянам

некоторыми лингвистами или топонимистами, в том числе авторитетными, нельзя считать правомерным. Это не является комплексным решением этногенетической проблемы. Если кто-либо из археологов под влиянием интересного доклада О. Н. Трубачева, прочитанного на настоящем конгрессе, в котором шла речь о зачатках славянства в Среднем Подунавье, объявит какую-либо среднедунайскую культуру эпохи бронзы славянской, это не будет серьезно. Равным образом выбор и использование археологических культур отдельными лингвистами для своих историко-языковых построений часто не являются научно оправданными.

Очевидно, первым этапом комплексного изучения славянского этногенеза можно считать независимые изыскания в области лингвистики, археологии, антропологии, ономастики, этнографии и фольклористики. Каждой из этих наук свойственные собственные методы исследования. Перед каждой из них могут быть поставлены вполне определенные задачи. Так, в археологии наиболее надежным является ретроспективный метод, заключающийся в независимом поэтапном изучении истоков археологических культур от раннесредневековых, достоверно славянских в глубь столетий и тысячелетий.

Трудности возникают на втором этапе этногенетических исследований, когда необходимо проанализировать и обобщить результаты, полученные независимо разными науками. Анализ того, что сделано до сих пор в этом отношении, создает впечатление, что наука пока не готова к этногенетическим изысканиям второго этапа. Это обусловлено прежде всего тем, что данные различных наук пока не приведены в стройную систему. Так, в области археологии первостепенным является составление «Атласа раннесредневековых славянских древностей», который охватил бы весь обширнейший мир славянства. Пока же археология располагает разрозненными фактами, научно суммированными лишь по отдельным, далеко не всем регионам. Естественно, что такая ситуация не дает возможности лингвисту или представителю иной научной дисциплины использовать результаты археологии для этногенетических построений. Исследователь-археолог вынужден пользоваться какой-то частью фактов, вместо того чтобы использовать все, накопленное археологией. Остаются не систематизированными и данные ономастики, антропологии и других наук.

Второе, что затрудняет комплексное изучение славянского этногенеза,— полная неразработанность методики таких изысканий. Работа методики не может быть плодом чисто кабинетных раздумий. Очевидно, уже сейчас необходимо обратить внимание на методические вопросы. В этом отношении представляется плодотворным написание и издание книг (не сборников статей) по отдельным вопросам этногенеза славян, освещенным параллельно лингвистами, археологами, антропологами и другими специалистами, а также проведение симпозиумов по различным узким темам славянского этногенеза, духовной и материальной культуры славянства с активным участием представителей различных наук.

Дяченко В. В. (СССР). Средневековые черепа славян (Правобережная Украина, Белоруссия, Средняя Висла) имеют некоторые морфо-

логически очень древние черты, что дает редкую возможность наметить приблизительную схему периодизации этнической истории славян (при учете данных одонтологии, гематологии и дерматоглифики, а также археологии, этнографии, языкоznания).

а) Древневосточноевропейский период продолжался приблизительно до середины III тыс. до н. э. В раннем неолите археология (Чернявский) фиксирует на основе керамики с гребенчатыми и накольчательными орнаментами этнокультурную область в юго-восточной и восточной Прибалтике, Белоруссии, Северной Украине (имеющую, видимо, далекие генетические связи с памовосточноевропейской свидерской культурой, первоначальный центр которой, по В. Исаенко,— Волынь и Западное Полесье). Южная часть очерченной зоны (бассейн Припяти — Средней Вислы) была в значительной части «праородиной» антропологических предков славян, северная — прибалтийских финнов. У тех и других, очевидно, преобладали варианты смягченного кроманьенского долихокраниального низко- и широколицего ладожского типа.

б) Шнуро-керамическо-тшинецкий период (примерно вторая половина III—II тыс. до н. э.). Характеризуется тесными контактами с прибалтами, усилением среднеевропейских этнических связей, количественным преобладанием «шнуро-керамических» антропологических типов (резко европеоидных, очень длинные черепа с относительно высоким лицом, узким у днестро-дунайского типа и широким у висло-днепровского). Истоки этих типов (особенно широколицего) идут из раннего мезолита Украины и, видимо, Средней и Южной Европы. Носители восточного ареала шнуровых культур, индоевропейцы, в значительной части, очевидно, языковые предки славян, лингвистически ассимилировали неизвестное нам по языку памовосточноевропейское население зоны Припяти — Средней Вислы.

в) Иллиро-фракийский и индоиранский период (приблизительно I тыс. до н. э.—середина I тыс. н. э.). Вхождение в состав древних славян балканско-центральноевропейского компонента (карпатский и pontийский типы, данные археологии и гидронимики), а также степных — древнеиндийского (индоднепровский длинноголовый мезогнатный тип) и перекрывшего его иранского компонента (понтийский тип, иранские влияния в культуре, гидронимике и др.).

г) Период широкого расселения славян и формирования их средневековых народностей начался с середины I тыс. н. э. при ассимиляции ряда неславянских элементов (например, финского, фракийского, индоиранского, балтийского), многие из которых вошли в состав славян еще на более ранних этапах их этнической истории.

Мартынов В. В. (СССР). Я считаю необходимым снять в первую очередь кажущиеся расхождения во взглядах на этногенез славян, обусловленные различной терминологией и неточностью формулировки.

Во-первых, не вызывающие ни у кого сомнений совместные инновации в балтийских и славянских языках с неизбежностью предполагают в качестве предваряющего их условия диалектный континуум. Если эта терминология кажется более удобной, чем праязык или языковое единство, то следует ее придерживаться.

Во-вторых, память о Дунае, как на это указывал еще Лер-Сплинский, предполагает соответствующую локализацию предков славян в рамках индоевропейских диалектов (III-II тыс. до н. э.).

В-третьих, в своих работах я доказывал локализацию на Одре западной границы праславянской территории, так как в предшествующий период истории славяноведения установление именно этой границы представляло наибольшую возможность для проблемы глотогенеза славян (восточная граница устанавливалась, главным образом, в рамках лингвистического исследования Припятского Полесья). В настоящее время особую важность приобретает локализация южной границы праславянского или определение глубины праславянского массива в Паннонии.

Совсем коротко отвечу моему оппоненту Ю. В. Откупщикову.

Неверно, что для меня праславянский язык сводится к сумме его ингредиентов. Я цитирую последний абзац текста моего доклада: «...мы далеки от мысли объяснять эволюцию праславянского языка контактами и влияниями. Дивергентное развитие было синхронным и равноправным, но конвергенция определяла пространственно-временную стратификацию праславянского языка, ее значение для наших целей было решающим. Вот почему все внимание в этой работе посвящено конвергенции». Специальным исследованием балто-славянской дивергенции был мой доклад на Варшавском съезде славистов.

Неверно, что итальянский для меня сводится к известным по памятникам итальянским языкам. Термин этот, как я уже отмечал в докладе на Загребском съезде славистов, условен. Итальянским я здесь называю язык, имеющий общую лексическую и словообразовательную часть с классической латынью, но не обязательно генетически соотносящийся с последней (эти языки могли, как это, вероятно, было с венетским, входить в один языковой союз).

Неверно, что скифы никогда не достигали Одры. Соответствующие работы Сулимировского и Абаева, видимо, остались неизвестными Ю. В. Откупщикову, и поэтому для него история в географическом отношении продолжает напоминать историю Геродота.

Mańczak W. (P.). Trudno mi uwierzyć w naddunajską praojczynę Słowian, ponieważ imperium rzymskie sięgało do Dunaju, a gdyby po drugiej stronie Dunaju mieszkali Słowianie, to by dochodziło do walk między Rzymianami a Słowianami, o których na pewno by wspominali historycy rzymscy. Gdy w VI w. Słowianie nad Dunajem się istotnie pojawiili, autorzy z VI w. o tym relacjonują. Autorzy starożytni znali Słowian pod imieniem Wenedów, przy czym Jordan lokalizuje ich na północ od Karpat. To, że Słowianie pierwotnie mieszkali na północ od Karpat, jest zupełnie pewne. Można się jedynie zastanawiać, czy praojczyna Słowian leżała nad Dniemrem, czy też w dorzeczu Odry i Wisły. W opublikowanej w 1981 r. książce «Praojczyna Słowian» wyszedł z następującego założenia: istnieje korelacja między podobieństwem języków a ich rozmieszczeniem w przestrzeni, tzw. języki sąsiadujące ze sobą są do siebie bardziej podobne niż języki, które ze sobą nie sąsiadują, np. polski jest bardziej podobny do ukraińskiego niż do bułgarskiego, bardziej podobny do czeskiego niż do chorwackiego. Zeby zatem praoj-

czynna Słowian leżała nad Dnieprem, języki germanieckie powinny być bardziej podobne do języków bałtyckich niż do słowiańskich, gdyby natomiast praojczyzna Słowian leżała w dorzeczu Odry i Wisły, języki germanieckie powinni być bardziej podobne do słowiańskich niż do bałtyckich. Rzec w tym, jednak, że poglądy językoznawców na stosunki germaniecko-słowiańskie i germaniecko-bałtyckie są podzielone, ponieważ językoznawcy rozstrzygając tę kwestię opierają się na arbitralnym doborze wiadomości czerpanych z gramatyk i słowników. Metode zastosowane przez mnie polegają na porównywaniu tekstów, a mianowicie całej biblij gockiej z Kodeksem mariańskim i Apostołem ślepcańskim oraz najstarszą opublikowaną biblią literacką. Porównując paralelne teksty brałem pod uwagę wszystkie wyrazy w nich znajdujące się oraz uwzględniałem ich sekwencję. Porównanie wykazało, że leksykalnych zgodności gocko-słowiańskich było znacznie więcej od zgodności gocko-litewskich, z czego wniosek, że praojczyzna Słowian leżała w dorzeczu Odry i Wisły. Zaletą tego rozwiązania problemu, o którym mowa, jest to, że jest ono sprawdzalne, i to w bardzo łatwy sposób. Wystarczy porównać jakikolwiek tekst germaniecki z jego przekładem słowiańskim i litewskim, aby się przekonać, że istotnie zgodności leksykalnych germaniecko-słowiańskich jest więcej od podobieństw germaniecko-litewskich.

Откупщиков Ю. В. (СССР). 1. Время для археолого-лингвистического «синтеза» в решении проблемы этногенеза славян еще не настало. Слишком много противоречивых мнений высказывается и археологами и лингвистами. Практически для любой самой фантастической лингвистической гипотезы можно найти подтверждение в тех или иных археологических гипотезах (и наоборот). Поэтому сейчас каждой стороне нужно навести порядок «у себя дома» и только потом думать о совместном решении проблемы.

2. В работах по глottogenезу славян, в частности по балто-славянскому вопросу, слишком много выдвинуто разного рода теорий и гипотез, которые опираются более на общие рассуждения, чем на анализ языкового материала. Между тем именно новый богатейший диалектный материал балtyjskich и słowiańskich języków нуждается сейчас в тщательном анализе (словари Мюленбаха — Эндзелина, Литовский академический словарь, Словарь русских народных говоров и др.).

3. Необходимо строже и дифференцированней подходить к изогlossam. Например, существительные функционируют, как известно, не в форме именительного падежа единственного числа, а в сумме всех форм парадигmy склонения. Вот почему изоглосса др.-рус. звърь — лат. fera — гр. Θήρ, Θηρός, где во всех трех языках выступают **разные** типы склонения, не может быть поставлена в один ряд с изоглоссой др.-рус. звърь — лит. žvėris — лтш. zvērs, где совпадают почти все падежные формы. Это свидетельствует в пользу особо тесного родства балtyjskich и słowiańskich języków.

4. Обычно при анализе балto-słowińskich изоглосс отдельно рассматриваются изoglosy словoобразoвательные (например, B. B. Martynov) и отдельно — лексические. Но именно для bалto-słowińskiego aреала typicznymi mnogočislenными «пучками» изoglossen, когда совпадают не отдельные вырванные из словoобразoвательной системы слова,

а многочисленные группы слов, построенные по одной и той же словообразовательной модели. Например, для изоглоссы др.-рус. соухъ — гр. αόσ — лит. saūsas очень важно отметить, что в балто-славянском полностью совпадают 14 (!) производных прилагательного сухой (сухота-sausatá, сушь-saūsis, сущина-sausiená, суховей-saūsvéjis и др.). Ничего даже отдаленно подобного этому мы не находим ни в одном из других славянских-неславянских ареалов. Для балто-славянского же приведенный пример — обычное явление, свидетельствующее об исключительной близости этих языков.

5. Большое количество новых работ по глоттогенезу славян, зачастую с взаимоисключающими выводами, говорит о том, что этой проблеме необходимо посвятить специальную конференцию — с обязательной предварительной публикацией всех докладов, количество которых, однако, должно быть ограничено разумными рамками.

6. Что касается выступления В. В. Мартынова, то оно не содержало никаких новых аргументов, поэтому я продолжаю по-прежнему отрицательно относится к его «теории ингредиентов».

Ванагас А. П. (СССР). Проблемам этногенеза в нашей стране уделяется большое внимание. Об этом свидетельствует, в частности, и тот факт, что в Академии наук СССР и в академиях наук союзных республик созданы специальные советы, в обязанности которых входит организация, координирование и осуществление комплексных программ по этногенезу и этнической истории соответствующих народов. Следовательно, механизм для изучения этой важной проблематики уже существует, поэтому вряд ли целесообразно организовывать, как здесь предлагалось, еще какой-то специальный центр или совет по этим вопросам. Нам представляется, что проще было бы привести в действие (где это необходимо) уже существующий механизм, нежели создавать новый.

Что же касается этногенеза славян, то исследования по этой проблематике бурно развиваются. Из области лингвистики в первую очередь следует указать на капитальный труд В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», сыгравший, без преувеличения можно сказать, просто революционизирующую роль в изучении этногенетических процессов Восточной Европы. Главным здесь является то, что данная работа окончательно обосновала существование балтийского топонимического субстрата. Сегодня мы уже вправе утверждать, что удовлетворительное решение проблемы происхождения славян (балтов и других соседних народов) без учета самого факта существования этого ареала не представляется возможным. Одна из двух оригинальных гипотез о прародине славян, выдвинутых на нашем съезде, как раз и построена без учета этого важного факта. Я имею в виду предположение В. Т. Коломиец о возможности локализовать прародину славян (V в. до н. э.) к северу от Припяти, т. е. в глубине ареала балтийского топонимического субстрата. Необходимо подчеркнуть и то, что установленный О. Н. Трубачевым ареал архаических славянских гидронимов находится не к северу, а к югу от Припяти (см. кн.: Названия рек Правобережной Украины). Следовательно, данная гипотеза, опирающаяся на сравнитель-

но узкий материал, не учитывает многих других лингвистических и нелингвистических исследований.

Вторая гипотеза о прародине славян, обсуждавшаяся на съезде, это смелая попытка О. Н. Трубачева перенести прародину славян далеко на юг, в бассейн Дуная. Согласно этой гипотезе, миграция славян в VI в. на юг, в придунайские земли, была вторичной, т. е. славяне в это время, подталкиваемые устойчивыми преданиями о своей бывшей прародине на Дунае, как бы «обратно завоевали» придунайские территории. Возможно ли это? Какие аргументы позволяют утверждать это?

О несостоятельности некоторых из них здесь уже говорилось (проф. И. Дуриданов и др.). Я хочу обратить внимание еще на следующее. Во-первых, аргумент «преданий». Невозможно, чтобы толчок для массовой миграции целых племен дали воспоминания. Это, на наш взгляд, черезчур «филологический» аргумент. Причины миграции народов, как известно, бывают совсем другие (экономические и пр.). Во-вторых, если бы прародиной славян были придунайские земли, то само название *Дунай* должно было быть славянским. Беспристрастный подход к названию *Дунай* показывает, что это слово в славянских языках заимствовано. Несомненно, что *Дунай* имеет корень *dōn-. Очень долгий гласный ő в заимствованных словах дал у: буква *bōk (см. М. Фасмер). Пример такого перехода, и именно с середины I тыс. н. э., был приведен проф. И. Дуридановым: кelt. *Bodōnia > сл. *Badūnia > Бодыны! Следовательно, славяне с названием *Дунай* познакомились около середины I тыс. н. э. Название *Дунай* доказывает только это и ни в коем случае не возможность «обратного завоевания» или вторичной миграции на юг.

Как видим, обе гипотезы о прародине славян, выдвинутые на съезде, являются спорными и недоказанными. На наш взгляд, наиболее перспективными остаются поиски славянской «прародины» где-то к северу от Восточных Карпат или, может быть, несколько восточнее от этих территорий.

Мне кажется, что лингвисты обязаны внимательнее прислушиваться к голосу представителей смежных наук, в первую очередь археологов (имеются в виду новейшие работы В. В. Седова, Б. А. Рыбакова и др.).

Дуриданов И. (НРБ). В связи с проблемой этногенеза славян на обсуждение выносится целый ряд лингвистических вопросов, которые были представлены в докладе О. Н. Трубачева. По некоторым из них я выскажу свое мнение.

1. Я вполне согласен с утверждением, что праславянский это живой язык, а не «непротиворечивая модель»; что он, как и каждый живой язык, был расченен на диалекты.

2. Понятие «прародина» соотносительно с понятием «праязык», поэтому нельзя его отбросить. Сам Трубачев не отказался от него, только заменил название «прародина», утвердившееся в языкоznании, термином «древний ареал», который не является более удачным.

3. При решении вопроса о древних заимствованиях (кельтских, итальянских и др.) в праславянском нельзя исходить из бругмановской

концепции о делении индоевропейских языков на centum и satem, потому что против нее в индоевропеистике выдвигалось очень много возражений (в работах В. Георгиева и др.). Поэтому, например, прасл. *carvā* «корова» надо определять как исконно родственное с кельт. *carvos* «олень», а не как кельтское заимствование. В прасл. *sъgъdъ* «серна», *s* из *gl*, *k* (не *č*), которое было палатализовано (ассимилировано) перед гласным переднего ряда (как фр. *cent* [sã] из лат. *centum* [kentum]). Следовательно, в праславянском нет никаких *kentum*-элементов, во всех случаях согласный *k* закономерно сохранился перед гласными заднего и среднего ряда.

4. Связь названия *Neuroi/Hdt* (V в. до н. э.) с названием племени *Nervii* в Галлии мне кажется сомнительной. Для первого дана правдоподобная славянская этимология (Т. Лер-Сплавинский и др.). Кроме того, оба названия не совпадают фонетически (пришлось предполагать, что звуковая группа *-eig* перешла в *-erv*).

5. Не могу согласиться с выведением названий *Галич*, *Галичина*, *Галиция* от племени галатов. Мне представляется более убедительной этимология М. Фасмера, согласно которой эти названия — славянского происхождения. Ср. и болг. *Галиче* в Северной Болгарии.

6. На основании только двух параллелей, при этом весьма сомнительных (1. *Doksy* «местность в Чехии» — *daxa* «море», гlossen у Гесихия, не обозначенная как иллирийская; 2. *Licacavizi* «племя в Польше» — *Liccavus* «иллир. личное имя») нельзя помещать иллирийцев в III тыс. до н. э. в Польше и Чехословакии. Как известно, немецкий лингвист Х. Краз, который расширял территорию иллирийцев в Центральной и Северной Европе (Балтике) на основании гидронимических параллелей, после обстоятельной критики Х. Кронассера отказался от этой теории и заменил термин «иллирийский язык» называнием «древнеевропейский». В докладе О. Н. Трубачева делается попытка возвратить эту уже отброшенную в индоевропеистике теорию. Теперь иллирийцы локализуются только в западной части Балканского полуострова — в области *Ilirii* *proripie dicti*.

7. Как видно из карты 1—2 к докладу О. Н. Трубачева, иллирийцы объединены с венетами в III—II тыс. до н. э. («иллиро-венты»), но в индоевропеистике давно доказано (Бийлор, 1949; Краз, 1951), что венетский — это особый индоевропейский язык.

8. Венеты, или венеды на берегах Балтийского моря и венеты в северо-западном крае Балканского полуострова не одно и то же. Северные венеты были славянским племенем или союзом племен, их название родственно др.-рус. *вятчи* (Т. Лер-Сплавинский, В. Георгиев и др.).

9. «Данофракийцы» (*sic!*) помещены на карте 1 у Трубачева на севере от Карпат, в Южной России, индоарийцы — в Румынии и Бессарабии, а весь Балканский полуостров в III тыс. до н. э. представляется почти пустым. Но тракийцы не пришли с севера, как раньше считалось. Заслуживает внимания факт, что все названия больших рек на Балканском полуострове — индоевропейского происхождения. Из этого следует, что он был заселен индоевропейцами с древнейших времен. На той же карте армяне помещены на Нижнем Дунае. Это недостоверно. Согласно сведениям древних авторов, армяне являются потомками

фригийцев, а для последних нет никаких доказательств, что они жили на Нижнем Дунае.

10. Я отношусь отрицательно к предположению чешского ученого Л. Нидерле о расселении славян на Дунае в I—II вв. н. э. Название населенного пункта «на границе Венгрии и Валахии» Tsierno (II в.), Диеря (Птол) из-за фонетических трудностей нельзя связать с современным славянским названием в той же области Черна (в рум. написании Сегпа), поскольку во II в. последнее должно было звучать как *kígna, или съгпа, но ни в коем случае не сегпа (это современная болгарская форма).

Итак, мне кажется, что мы еще далеки от решения проблемы этногенеза славян с помощью лингвистических данных. Как я показал выше, в докладе О. Н. Трубачева имеется много гипотетических положений и неприемлемых моментов с точки зрения современного состояния индоевропеистики. Несмотря на это, он все-таки является ценным тем, что побуждает глубоко задуматься над рядом вопросов, связанных с актуальной проблемой.

Хабургаев Г. А. (СССР). Праславяне как носители своеобразной индоевропейской языковой системы сформировались на базе носителей близких друг другу индоевропейских диалектов средней Европы. Это значит, что индоевропейские по происхождению черты праславянского языка древнее той языковой системы, которую мы можем признать праславянской (славянской), учитывая особенности, отличающие ее от других индоевропейских языков, включая балтийские. Из этого следует, что историко-лингвистическое решение проблемы славянского этногенеза требует выяснения условий и времени формирования именно этой последней серии языковых особенностей, до развития которых о праславянском языке и, следовательно, о праславянах как лингво-этнической единице не может быть речи.

Условия сложения праславянского диалектного (и этнографического) объединения требуют пересмотра популярной в традиционной славистике проблемы «праородины». Для решения вопросов, связанных с этногенезом славян, эта проблема не является актуальной, если признать, что праславяне как лингво-этническая общность оформились внутри тех географических границ, где их застает писаная история. Это обстоятельство, в частности, обеспечивает принципиальную возможность археологического решения проблемы, связанного с выявлением того древнего европейского населения (нередко именуемого праославянами), потомки которого, выработавшие систему праславянского языка, могут быть названы праславянами — языковыми предками славянских народов.

Bukowski Z. (P). Na nyniejszym posiedzeniu interdyscyplinarnym tzw. okrągłego stołu, które poświęcone jest szeroko pojмowanej problematyce etnogenezy Słowian, zabieram głos jako przedstawiciel archeologii, jeden z niewielu, zebranych dziś na tej sali. W wystąpieniach zarówno akademika W. Hensla, jak i dr. O. N. Trubaczewa podkreślono konieczność konfrontacji badań różnych dyscyplin, zajmujących się problematyką etno- i topogenezy Słowian.

W odniesieniu do pierwszego z tych zagadnień, tj. etnogenezy, czołowe

miejsce przypada językoznawstwu, i pod tym względem przedstawiciele innych dyscyplin podtrzymają bez wątpienia to stwierdzenie. Natomiast przede wszystkim do sfery badawczej archeologii należeć będą te kwestje, związane ze starożytnymi Słowianami, które wchodzą w zakres problematyki badawczej nad topogenezą tego etnosu. Wyniki badań archeologii prae- i wczesnodziejowej dostarczają w odniesieniu do zjawisk osadniczych i kulturowych oraz ich datowania, istotnych danych, przez językoznawstwo (ogólnie tu pojmowane) w dalszym ciągu docenianych w zbyt wąskim zakresie. Mam tu na myśli przede wszystkim fakt symptomatycznego opierania się na przestarzałej już literaturze przedmiotu, odzwierciedlającej stanowisko badaczy ze schyłku lat 40-tych obecnego stulecia, przede wszystkim zaś cytowania klasycznego już opracowania T. Lehr-Spławińskiego «O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian» (1946). W stopniu wciąż jeszcze niedostatecznym nie uwzględnia się ogromnego dorobku archeologii, uzyskanego w okresie od zakończenia II wojny światowej aż do obecnej chwili. W wykorzystaniu uzyskanych dotąd rezultatów jest tu mniej więcej taka różnica, jaką w zakresie językoznawstwa określa stan jego badań dla r. 1946 i 1983, praktycznie nie dający się już porównać pod względem postępu badawczego, nie tylko zresztą w kwestiach szczegółowych, lecz zwłaszcza w zakresie podstaw metodologicznych.

Pozwolę sobie zwrócić uwagę na liczne opracowania w polskiej literaturze archeologicznej, zwłaszcza pióra profesora W. Hensla, dotyczące zarówno kwestji metodycznych i metodologicznych, jak i odnoszących się do szeregu spostrzeżeń i ustaleń szczegółowych, dotyczących etno- i topogenezy Słowian. Wspomnieć tu również chciałbym powstałe w Instytucie Historii Kultury Materiałnej PAN, pod redakcją tego badacza, 5-tomowe opracowanie syntetyczne «Prahistoria ziem polskich» (1975—1981), ważne w badaniach etnogenetycznych dla poznania problematyki kulturowo-osadniczej w Europie Środkowej, szczególnie dla zjawisk od IV tysiąclecia p. n. e. do lat około 550 n. e.

Dla zagadnień związanych z topogenezą Słowian istotne wydają się spostrzeżenia, uzyskane przez archeologów, dotyczące faktu uchwycenia wyraźnej ciągłości osadniczej (a także zjawisk kulturowych) zwłaszcza tych obszarów, które wchodzą w zakres badań etnogenetycznych nad starożytnymi Słowianami. Z zagadnieniami tymi związane są ściśle również spostrzeżenia, dotyczące uchwycenia faktu kontynuacji niektórych elementów kultury prae- i protoślawnickiej. Badania polskiej archeologii wykazały ciąłość osadniczą oraz kontynuację kulturową w dorzeczach Odry, Wisły i Bugu od co najmniej lat 1500—1400 do 300—250 p. n. e., to jest do rozwiniętych faz okresu lateńskiego; szereg jednak danych zdaje się taką kontynuacją potwierdzać i dla czasów późniejszych, sięgających co najmniej do V w. n. e., to jest do schyłku okresu wpływów rzymskich. Spostrzeżenia z zakresu zjawisk kulturowo-osadniczych ważne są z tego względu, iż około lat 1300—1200 p. n. e. na obszarze Europy Środkowej doszło do pełnej stabilizacji osadniczej oraz do końcowej fazy krystalizacji licznych etnosów historycznych, których istnienie w formie wykształconej obserwujemy na obszarze Europy od VIII—VII w. p. n. e. Należą do nich zwłaszcza Trakowie, Iliowie, Celtowie,

Italikowie, Etruskowie, Germanie, Bałtowie oraz od VII w. p. n. e. również i Scytkowie; do listy tej włączyć trzeba i Słowian. W odniesieniu do wymienionych ludów wyniki badań archeologicznych zezwalają na przedstawienie tak w zakresie terytorialnym, jak i stratyfikacji chronologicznej procesu ich krystalizacji oraz kolejnych faz rozwojowych; zezwalają też na przedstawienie charakterystyki ich kultury materialnej w aspekcie rozwojowym. Na ich podstawie możliwe jest już określenie faktycznej roli oraz rozmiarów wzajemnych lub tylko jednostronnych oddziaływań w zakresie zwłaszcza kultury materialnej, ale również i niektórych elementów kultury duchowej, w tym szczególnie z dziedziny wierzeń.

Z punktu widzenia metodycznego istotna wydaje się konieczność określenia i uzasadnienia wzajemnego stosunku rezultatów badań archeologicznych do konkretnych wyników badań innych dyscyplin, zwłaszcza językoznawstwa (w tym toponomastyki i onomastyki), jak i antropologii, a także dostrzegalnego zjawiska obecności dawnych reliktów we współczesnej kulturze ludowej Słowian. Zjawiska z zakresu badawczego archeologii, a więc przede wszystkim dotyczące kultury materialnej, stanowią ważny materiał porównawczy, przez językoznawców doceniany wciąż w zbyt wąskim zakresie. Takie jest niestety odczucie licznych przedstawicieli dyscypliny, którą reprezentuję, tj. archeologii pradziejowej.

Te uwagi krytyczne uwarunkowane są faktem zaznaczających się znaczących różnicami między wynikami badań językoznawczych i archeologicznych. Stąd też konieczność skonfrontowania przez obie strony (nie zaś tylko przez poszczególnych badaczy, reprezentujących te dyscypliny) nie tylko stwierdzonych zjawisk o charakterze stratygraficznym, tj. odnoszących się do następstwa faktów, lecz zwłaszcza zjawisk stratyfikacyjnych, a więc przedstawienia procesu ich wykształcania i przekształcania się.

Stąd też od IX zjazdu slawistów oczekuje się, by problematyce szeroko tu rozumianej etnogenezy Słowian nadać bardziej określone formy organizacyjne. Pozwolę sobie zwrócić na tym miejscu uwagę na niepokojący fakt, iż mimo rangi problematyki etnogenezy Słowian, w Międzynarodowym komitecie slawistów brak dotąd Międzynarodowej komisji, zajmującej się tym ważnym zagadnieniem, a integrującą zakres badawczy licznych dyscyplin z szeroko tu rozumianej slawistyki. W moim odczuciu jest to uwarunkowane niedocenianiem przez część środowiska slawistów tego ważnego zagadnienia, którym zainteresowanie jest znacznie większe, niż to dotąd przyjmowano; dowodem tego mogą być szczególnie zapełnione przez zainteresowanych uczestników naszego zjazdu posiedzenia, poświęcone ogólnym zagadnieniom etnogenezy Słowian.

Obecny zjazd winien też sprecyzować program badawczy na najbliższe lata, uwzględniający nie tylko współpracę międzynarodową, lecz zwłaszcza konieczność szerszej integracji dyscyplin, przy zachowaniu ich hiernarchizacji. Potrzeby te określił dobitnie akademik Hensel w dzisiejszym wystąpieniu, konkretyzując swe uwagi w postulacie skupienia całokształtu tych badań w ramach odrębnej dyscypliny, znanej etnogenezologią.

Знойко А. П. (СССР). Дешифровка древнейшей письменности на Днепре выдающимся советским ученым Н. З. Суслопаровым (1901—1974) изменила наши представления о культуре и цивилизации предшественников Руси, о Киевской Руси и протославянах. Н. З. Суслопарову удалось прочесть с помощью звукового алфавита пелазгов-фалисков надписи населения трипольской археологической культуры. Население оказалось пелазгами. Этот же алфавит применялся киммерийцами эпохи срубной архитектурной культуры.

Одна из надписей срубной археологической культуры прочитана на сосуде, хранящемся в Днепропетровском историческом музее. Сосуд найден при раскопках в районе с. Попасное Днепропетровской области. Надпись на сосуде пеласийским алфавитом читалась: «ускат-зимас», что соответствует литовскому слову «ужжайтимас», что по-литовски значит «краска». В связи с близостью ртутных месторождений Н. З. Суслопаров предположил киноварь. Днепропетровский исторический музей дал содержимое сосуда на анализ в лабораторию Днепропетровского университета. Анализ подтвердил, что краска была киноварью. Автор дешифровки так закончил свое сообщение: «В эпоху срубной культуры в бассейне Нижнего Днепра на Левобережье проживали предки современных литовцев, они умели читать и писать уже за 3000 лет до нашего времени и применяли в быту киноварь за 1000 лет до н. э., опередив на целые 500 лет древних египтян».

Проблема этногенеза славян требует комплексного метода исследований и особых усилий мифологов, языковедов и археологов.

Тъпкова-Займова В. (НРБ). Съгласна съм, че етногенетичните проблеми не могат да се решават само по писмени извори, както е правено в миналото. Античните и средневековни автори са безпомощни в това отношение, а архаизацията, с която си служат, обърква много неща.

Но когато езиковедите и археолозите ни поднасят свои материали, те трябва да четат след това какво пишат историците съобразно с това дали се основават на археолози или на лингвисти. Имам пред вид не подробности, а основни въпроси, като отношението на славянския свят към древните балкански народи, въпросът за мястото и времето на разделянето на западната и южната голяма славянска група и др. А в последна сметка всянакъв вид изследвания трябва да стигнат до исторически резултати.

В МКС има много комисии, но няма една, която да обединява интердисциплинарните изследвания на езиковеди, археолози, историци, антрополози и фолклористи. Трябва да се създаде такова обединително звено.

Трябва, освен това, да се организира цялостно изследване на микрохидронимията и микротопонимията на всички славянски земи, а също и в тези, в които са живели славяни.

2. ЮРИЙ КРИЖАНИЧ В КОНТЕКСТЕ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Вечернее заседание 12 сентября

С ДОКЛАДАМИ ВЫСТУПИЛИ:

Зеленин В. В. (СССР) — Юрий Крижанич в контексте своего времени (История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации.— М., 1983, с. 76—85).

Пецо А. (Yu) — Јуриј Крижанић као акцентолог (Јужнословенски филолог, 1982, № 28, с. 63—78).

Golub J. (Yu) — «Kirilova kniga» s autografnim marginalnim bilješkama Jurija Križanića (Croatica, 1983, N 19, s. 55—59).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Макаров В. И. (СССР). О различных сторонах жизни и деятельности Юрия Крижанича сказано сегодня много. Но деятельность этого подвижника славянства знаменательна и тем, что показывает живой интерес славян к жизни друг друга, их взаимное тяготение. Творчество Крижанича стимулировало работу славистов, давая отдельный материал для наблюдений и выводов.

А. А. Шахматов в основу исследования по истории славянского ударения положил свои наблюдения над живыми говорами восточных и южных славян и анализ рукописных материалов Ю. Крижанича. Ученый руководил работой славистов разных стран по изучению славянских языков и говоров. По инициативе А. А. Шахматова в конце 80-х годов XIX в. в Москве был создан кружок по изучению и изданию сочинений Ю. Крижанича.

Идеи Ю. Крижанича о необходимости упрощения русской азбуки и названий букв, об осмотрительности при заимствовании в русский язык нашли впоследствии созвучие у русских лингвистов (борьба за упрощение русской графики и орфографии, начатая ОРЯС в 1903 г. и успешно завершившаяся лишь после Великого Октября). Мысли Ю. Крижанича о необходимости общего языка славян воплощались в объединяющей деятельности ОРЯС Петербургской академии наук (прежде всего А. А. Шахматова): отделение координировало исследования славистов разных стран, организовывало научные командировки, оказывало большую материальную поддержку ученым этих стран, активно публиковало их научные изыскания.

Бокадорова Н. Ю. (СССР). В современной историографии лингвистики чрезвычайно актуальна проблема изучения творчества отдельных авторов в контексте эпохи. В настоящее время особую «опасность» представляют «юбилейные набеги» на творчество филологов и языковедов прошлого, в результате которых появляются скороспелые статьи и монографии, выводы и методология исследования которых зачастую поверхностны и неудовлетворительны с позиций методов и принципов современной истории языкоznания как науки. Разработка теоретических основ истории языкоznания позволяет исследователям все шире обращаться не к истории отдельных идей и методов изучения

языка, а к изучению понятийного строя и концептуального аппарата науки о языке прошлого как системы с присущей ей структурой знания. Подобный подход позволяет с большей точностью определить основные направления развития знания о языке в прошлом, выделить наиболее перспективные и прогрессивные тенденции в творчестве отдельных авторов.

Особенно важным является системное исследование творчества авторов отдаленных от нас эпох. Это относится, безусловно, и к анализу языковой деятельности Ю. Крижанича. В его филологической деятельности наблюдается явная тенденция к синтезу латинской (западноевропейской) и греко-славянской традиций, представляющих два основных направления развития античной (греко-латинской) традиции изучения языка. Системный анализ понятийного строя и концептуального аппарата двух основных «изводов» греко-латинской традиции в Европе XVI—XVII вв. позволяет установить их «дополнительность». Так, греко-византийская литературно-письменная культура уже в X в. была трансплантирована на «народную» основу при создании старославянского языка. Латинская традиция до XVI—XVII вв. считала литературные языки на народной основе «вульгарными», противопоставляя упорядоченную через «тривиум» (грамматика, риторика, диалектика) литературную культуру латинского языка литературно-письменным традициям на народной основе. Тогда как славяне в XVI—XVII вв. располагали развитым грамматическим каноном на народной основе, Западная Европа подобного канона не имела, но зато в силу исторических причин весьма преуспела в области разработки логики и методологии науки в целом и науки о языке в частности. Это создавало предпосылки для нового типа грамматического описания, основанного на логико-семантическом анализе состава основных категорий языка. В свете этого становится особенно очевидной прозорливость Ю. Крижанича и перспективность его стремлений к синтезу греко-славянской и латинской традиций в изучении языка.

Жулинская Э. В. (СССР). Оказалвшись в России на рубеже средневековья и нового времени, Юрий Крижанич способствовал ускорению процесса становления философии как самостоятельной научной дисциплины, существенно отличной от первоначального понимания философии как «любомудрия», или любви к мудрости.

В философской системе Крижанича большое место отведено языку. В данном контексте нас интересует мнение Крижанича о языке по отношению к мудрости, т. е. об определении его места и значении в общефилософском учении о человеке, шире — народов. Ученый считал, что «совершенствование языка — самое необходимое орудие «мудрости» и едва ли не главный ее признак» (Политика, с. 466). По Крижаничу, чем лучше язык какого-либо народа, тем успешнее и удачнее занимается он разными искусствами, промыслами. В то же время обилие слов и легкость произношения помогает созданию мудрых планов, успешному занятию науками и разными государственными делами (см.: Политика, с. 467).

Указывая на недостатки славянских языков, Крижанич призывают заняться их исправлением. Первая задача — очистить все славян-

ские языки от чужеземных слов. Вместе с тем он предпринимает попытку в составлении единого языка для всех славян. «Общеславянскому» языку ученый отводил решающую роль, поскольку в нем видел залог славянского духовного единства и духовной самостоятельности того или иного племени. Более того, Крижанич глубже и критичнее подошел к трактовке вопроса о причинах этнической и языковой близости славян.

Известно, что результатом этого огромного труда явились две лингвистические работы. Вопросам фонетики славянских языков Крижанич посвятил «Объяснение виводно о письме славянском» (1659—1661). В содержании второй работы «Граматично изказание об русском језику» (1664—1665) разрабатывались вопросы морфологического анализа изобретенного ученым «всеславянского» языка.

Ю. Крижанич был убежден, что после того, как будет «исправлен язык», создана грамматика и лексикон, станет возможным создание книг, доступных всем славянам. Придавая решающее значение языку, мыслитель предполагал, что именно общение славянских народов между собой посредством доступного языка, должно способствовать их возрождению, возвышению национального самосознания, а также взаимопониманию.

В конечном счете работа над языком должна реализовать, по Крижаничу, цель — единство всех славянских народов, обусловленное общим происхождением, языком, культурой, историческими традициями в целях отпора турецким и немецким завоевателям во второй пол. XVII в.

Следовательно, Крижанич поднимает вопрос о роли языка в познании языка, который выступает хранителем культурных богатств, выработанных человечеством. По убеждению ученого, язык обеспечивает духовную преемственность поколений и эпох. Он дает знания о прошлом, позволяет представить знания прошедших исторических эпох, а также обобщить опыт и настоящего.

Таким образом, речь идет об общественной природе и социальном характере языка, о его свойстве — быть средством общения, т. е. подчеркивается коммуникативная его функция. Мы затронули лишь один принципиальный аспект философии Крижанича, рамки которой необычайно широки.

Пашенко Е. Н. (СССР). Время Крижанича рассматривается нами как эпоха барокко в ее славянском проявлении, а писатель — как ее типичный представитель. Данная концепция подразумевает идеино-эстетический анализ произведений хорватского мыслителя в контексте тех культур, с которыми он на протяжении творческого пути был связан. Прежде всего учитываются некоторые особенности эпохи контрреформации и римского барокко, обусловившие круг интересов и стиль произведений Крижанича; значение хорватской литературной традиции, аналогичные проявления идей писателя в других славянских культурах, связь хорватского миссионера с украинской литературой и, наконец, его участие в русской литературно-общественной мысли XVII в. Такая последовательность ставит целью объяснить некоторые особенности идей и стиля произведений писателя, проследить

их эволюцию и попытаться установить определенные закономерности в развитии славянского барокко от его западных границ до восточно-славянских земель. Анализируя творчество Крижанича отдельных периодов в контексте той или иной региональной культуры, мы пытаемся определить не только детерминативное значение данной среды, но и вклад художника в отдельную культуру, с которой он был связан. При этом особый акцент ставится на осмысливание идей и деятельности Крижанича как типологического явления.

Говоря о Крижаниче как о человеке эпохи контреформации, обусловившей религиозность содержания его трактатов, необходимо учитывать, что содержащиеся под «религиозной оболочкой» политические интересы, прежде всего идея объединения славян, не импонировали конгрегации по пропаганде веры в Риме и привели к конфронтации с ней. Увлечение писателя подобными идеями объясняется, в частности, некоторыми традициями его национальной культуры, в которой издревле жили представления о единстве югославян как составной части славянского мира. Именно здесь, по соседству с более сильными неславянскими державами, не теряя актуальности древнеславянская антитеза «мы — они», присущая мышлению народов славяно-неславянского пограничья. Именно в противопоставлении славянской культуры «немецкой» развиваются взгляды Крижанича как одно из проявлений «барочного славизма».

Идеи и деятельность Крижанича, стиль его сочинений имеют аналогии в других славянских культурах, например в чешской (Я. А. Коменский, Б. Балбин и др.). Немало подтверждений тому, что помыслы хорватского поборника славянского единства — явление не одиночное, а типичное для его времени, дает сравнение творчества Крижанича с украинскими писателями той же эпохи — факт, к сожалению, еще малоизученный в обширной литературе о нем. В ряду представителей украинского литературного барокко, с трудами которых Крижанич хорошо был знаком, стоят такие имена, как М. Смотрицкий, П. Могила, И. Гизель, Л. Баранович и др. Знакомство с украинской полемической литературой антиуниатского содержания сыграло не последнюю роль в эволюции идей хорватского писателя.

Анализируя творчество Крижанича в контексте русской культуры, мы выделяем три группы представителей общественно-политической мысли в России того времени, с которыми хорватский писатель был по-своему связан: «европоцентристы», староверы и народное антифеодальное движение. Типологически Крижанич наиболее близок писателям круга Киево-Могилянской академии, служивших при дворе царя, особенно Симеону Полоцкому. Видением славянства и всех социальных слоев русского общества как единой семьи, объединенной чувством равноправия, «соборности», общности, Крижанич близок... Аввакуму, а мечтаниями о благоустроенном, процветающем обществе во главе с гуманным, справедливым царем перекликается с распространенными в славянском фольклоре представлениями о «земле обетованной» и в особенности с социально-утопическими легендами о «царе-избавителе». Характерно, что именно в период пребывания

Крижанича в границах Русского государства, совпавший с подъемом антифеодального движения, активизировалось функционирование и распространение легенд подобного рода, что, в частности, показал в своем исследовании советский фольклорист К. Чистов.

Сказанное позволяет заключить, что в лице Юрия Крижанича славянское барокко, с его такой характерной чертой, как идея единения славян, нашло своего наиболее яркого представителя.

Судаков Г. (СССР). Творчество Ю. Крижанича должно привлечь внимание специалистов по исторической лексикологии славянских языков. Не изучены рассеянные по его отдельным работам замечания, касающиеся ряда тематических групп лексики или отдельных слов. Крижанич использовал в описании языкового материала метод подбора семантически близких, но разноструктурных и разноуровневых единиц и последующий анализ общих черт данного комплекса тождеств и специфических качеств каждого члена смыслового ряда. Данная методика прослеживается в ряде его работ.

В «Смертном разряде» Крижанич касается славянских названий печеного хлеба и выделяет среди них три группы по признакам: названия зерна, форма печеного изделия, дополнительные добавки к тесту. В «Политике» приводятся семантически выдержаные перечни названий деревянной посуды по функциональному признаку: столовая, кухонная, погребная, названия металлической посуды, а также различных напитков, яств и т. п.

Наблюдения Крижанича значительно дополняют современные представления об истории лексики. Их нужно специально собрать и тщательно исследовать.

Лаптева Л. П. (СССР). Ю. Крижанич принадлежит к столь замечательным личностям славянской духовной жизни, что изучение связанных с ним материалов является долгом всех славистов, в первую очередь — русских, поскольку именно в России Ю. Крижанич прожил значительную и творчески наиболее активную часть своей жизни. Материалы о Крижаниче изучены у нас далеко еще не исчерпывающим образом, хотя уже в XIX — начале XX в. русскими учеными проведено обследование архивов, где обнаружены важные документы, объяснявшие некоторые стороны биографии ученого и его литературной деятельности. И в настоящее время не исключены интересные и важные архивные находки.

Заслуживает, на мой взгляд, изучения и процесс накопления знаний о Крижаниче русской наукой. Известно, что в последнюю четверть XIX в. Ю. Крижаничем активно интересовалось Общество истории и древностей российских при Московском университете: на заседаниях члены общества обсуждали содержание архивных находок, факты принадлежности Крижаничу той или иной рукописи и т. п. Протоколы таких заседаний и часть зачитанных на них рефератов не опубликованы, хотя представляют значительный интерес.

Аналогичные названным исследования проводились в начале XX в. и членами Славянской комиссии Московского археологического общества.

В России XIX — нач. XX в. опубликовано также немало сочине-

ний о Крижаниче, освещдающих различные стороны его творчества, взгляды, значение в целом. Думаю, что по своему объему русская литература занимает одно из первых мест в историографии Ю. Крижанича. Ее содержание отражает различные оценки его творчества и исторического значения, т. е. составляет часть процесса становления «крижановедения» и заслуживает пристального внимания.

Хамм И. И. (А). Ударения Крижанича надо уметь читать. Он различал /, ∆, —; \ и факультативно ∆ можно было читать и с редукцией, и без нее. Многие не понимали этого и считали его ударения устойчивыми. О. М. Бодянский опубликовал только один вариант его раздела «о влакех» (ударениях), а их два в «Грамматике» (и один в «Алфавите») — «Обясненији виводном...», черновик которого окончен 8 августа 1661 г. Они разные, и их следует сравнивать.

Его раздел «В чем разнится хорватская отмина от сербской и совпадает с русской» не является показательной для наречий хорватского и сербского языков в целом. Это относится также к ударениям.

Golub I. (YU). Danas je 12. rujna 1983. Točno prije 300 godina 12. rujna 1683. da li je Juraj Križanić slutio da je to dan iz kojeg su svi njegovi dani, i ispred kojega nema više niti jednog dana. Bio je to posljedni dan njegovog tražilačkog života. U bitci pod Bečom ostavio kosti.

Lijepo je što je IX Međunarodni kongres slavista u Kijevu evo posvetio Križaniću okrugli stol, i što je za to izabrao upravo današnji dan 12. rujna, dan kada je prije tri stotine godina poginuo Juraj Križanić.

Sasvim priliči što se spomen Križanićeve tristogodišnjice održava u Kijevu, u Ukrajini. Kad su ga zvali da iz svoje hrvatske domovine dođe u Ukrajinu, Križanić je taj zov shvatio kao biblijsku aktualizaciju i u njemu prepoznao one riječi: «Izidi i iz svoje zemlje i od naroda svojega i pođi u zemlju koju će ti pokazati». U Ukrajinu je Križanić napisao književne prvine svog plodnog spisateljstva u Rusiji, u njima se obraćao Ukrajincima. Križanić je poginuo u njemačkoj zemlji. Priliči da se dan njegove smrti spominje u slavenskoj zemlji. Priliči napokon što slavisti sabrani na ovom Kongresu sa svih strana svijeta u ovoj svečanoj dvorani dupkom punoj, načinom njima vlastitim, to jest znanstvenim govorom, spominju 300 godišnjicu Jurja Križanića slavenskog filologa, a po nekim i oca slavenske komparativne filologije.

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

1. Фольклор Киевской Руси и фольклор других народов средневековья	3
2. Проблемы поэтики фольклора	9
3. Фольклор славянских народов периода освободительной борьбы против фашизма	33
4. Фольклор в системе современной художественной культуры	39
5. Принципы сводных изданий фольклора славянских народов в XIX—XX вв.	49

Историческая проблематика

Пленарное заседание	55
1. Этногенез славян в свете данных археологии и истории	58
2. Киевская Русь и ее международные связи	63
3. Общественная мысль славянских народов в период просвещения и национального возрождения и проблемы истории славистики	86
4. Социальное и культурное развитие славянских народов после 1945 г.	119
5. Памятники истории и материальной культуры славянских народов (вопросы изучения, сохранения и др.)	128

Круглые столы

1. Этногенез славян	142
2. Юрий Крижанич в контексте своего времени . .	156

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

Киев, сентябрь 1983 г.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ ФОЛЬКЛОРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА КРУГЛЫЕ СТОЛЫ

*Утверждено к печати ученым советом
Института искусствоведения, фольклора и этнографии
им. М. Ф. Рильского АН УССР*

Редактор *Л. Н. Кудрявкина*
Художественный редактор *Р. И. Калыш*
Технический редактор *Р. Р. Боднер*
Корректоры *О. Е. Исарова.*
Л. И. Семенюк, З. П. Школьник

ИБ 8683

Сдано в набор 29.10.86. Подп. в печ. 10.04.87.
Формат 60×90/16. Бум. тип. № 1. Лит. гарн.
Выс. печ. Усл. п. 10,25. Усл. кр.-отт. 10,25.
Уч.-изд. л. 11,59. Тираж 2000 экз. Заказ 6—3264.
Бесплатно.

Издательство «Наукова думка».
252601, Киев 4, ул. Репина, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия
РПО «Полиграфкнига». 252057, Киев 57, ул. Дов-
женко, 3 в Киевской книжной типографии
научной книги. 252004, Киев 4, ул. Репина, 4.
Зак. 7-332.

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ